

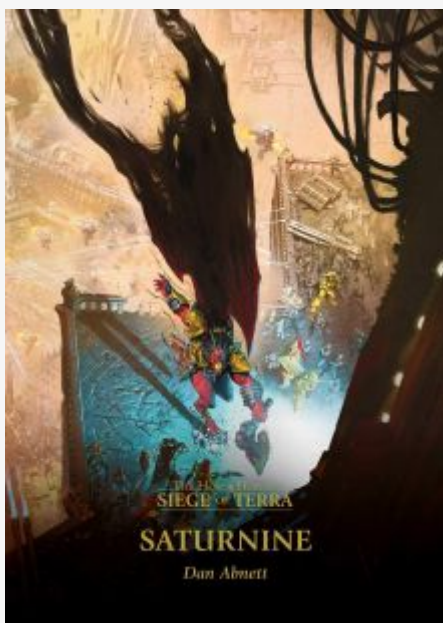
Под знаком Сатурна / Saturnine (роман)

Перевод в процессе: 4/17

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведено 4 части из 17.

Под знаком Сатурна / Saturnine (роман)

Автор	Дэн Абнетт / Dan Abnett
Переводчик	Хелбрехт, Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Первая стена / The First Wall
Год издания	2020
Экспортировать	PDF , EPUB

□

Содержание

Действующие лица

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Повторение

ОДИН

ДВА
ТРИ
ЧЕТЫРЕ

Действующие лица

Предательское воинство магистра войны Гора Луперкаля

Фулгрим - Фениксиец, примарх III легиона
Пертурабо - Повелитель Железа, примарх IV легиона
Ангрон - Красный Ангел, примарх XII легиона
Мортарион - Бледный Король, примарх XIV легиона
Магнус Красный - Алый Король, примарх XV легиона

IV легион, Железные Воины

Изар Хрониат - лорд-капитан второй бронетанковой центурии
Ормон Гундар - кузнец войны, Стор-Безашх
Богдан Мортель - кузнец войны, Стор-Безашх

XVI легион, Сыны Гора

Кинор Аргонис - советник магистра войны Луперкаля

Морниваль

Эзекиль Абаддон - первый капитан
Гор Аксиманд - Маленький Гор, капитан, пятая рота
Тормагеддон
Фальк Кибре - Вдоводел, капитан, подразделение юстаэринских терминаторов
Лев Гошен - капитан 25-й роты
Тибальт Марр - капитан 18-й роты
Серак Лукаш - линейный капитан, пятая рота, отделение уничтожителей Гемора
Урран Гаук - линейный капитан подразделения юстаэринских терминаторов
Ксан Экоса - штурмовой капитан, отделение Хтонийских Налётчиков, 18-я рота
ДеРалл - линейный капитан, подразделение Катуланских Налётчиков

XII легион, Пожиратели Миров

Кхарн - капитан, восьмая штурмовая рота

Экелот - из Поглотителей

Кхадаг Иде - из VII Неистовых

Херхак - из Кэдере

Скальдер

Бри Борет - центурион

Хак Ману - центурион

Барбис Красный Мясник

Менкелен Плавающий Взор

Юрок - из Поглотителей

Уттара Кхон - из III Поглотителей

Сахвакар Сборщик

Дракаан

Ворзе

Малманов - из Кэдере

Марат Аттв

Кхат Кхадда из II Триариев

Ресулька Красные Ключья

Горет Сквернослов

Кисака Рука Войны - центурион

Махог Голод - из IV Разрушителей

Хаскор Кровавый Дым

Нартот - из II Триариев

Каракулл Белый Мясник

XV легион, Тысяча Сынов

Ариман - главный библиарий

III легион, Дети Императора

Эйдолон - лорд-чемпион

Вон Калда - советник Эйдолона

Лек Фодион - вексиллярый

Кине Милоссар

Нуно ДеДонна

Джаркон Дарол

Симмом

Зенеб Зенар

Джанвар Келл

Тёмные Механикум'

Айт-Ван-Таг - связанный единством военный представитель Эпты

Защитники Терры

Джагатай Хан - Боевой Ястреб Чогориса, примарх V легиона

Рогал Дорн - Преторианец Терры, примарх VII легиона

Сангвиний - Великий Ангел, примарх IX легиона

Малкадор Сигиллит - регент Империиума

Когти Императора

Константин Вальдор - капитан-генерал легио Кустодес

Амон Тавромахиан - кустодий

Цутому - кустодий, префект-хранитель

Дженеция Кроле - страж-командующая Безмолвного Сестринства

Афона - Рапторская Гвардия, Безмолвное Сестринство

Офицеры и старшие командующие военного двора

Савл Ниборран - главный верховный солнечный генерал

Клемент Брон - милитант-полковник ауксиллии

Сандрина Икаро - вторая госпожа Тактика Террестрия

Катарина Эльг - госпожа Тактика

Ниора Су-Кассен - Солнечный командный штаб, бывший адмирал флотов Юпитера

VII легион, Имперские Кулаки

Архам - магистр хускарлов

Диамантис - хускарл

Кадвалдер - хускарл

Ворст - ветеран-капитан

Камба-Диас - лорд-сенешаль Четвёртой сферы, магистр осады

Фафнир Ранн - лорд-сенешаль, капитан первой штурмовой группы

Фиск Гален - капитан 19-й тактической роты

Тархос - сержант, 19-я тактическая рота

Максим Тэйн - капитан, 22-я рота Образцовые

Сигизмунд - первый капитан, маршал Храмовников

Бозмонд - почтенный дредноут

Блёмель

Тейс Рёс

Мадий - капитан, магистр стены Оаниса

Каск - сержант, стенная стража

Леод Болдуин - прикомандированный к истребительной команде

Жерико - прикомандированный к истребительной команде

Матейн - специалист по тяжёлому оружию, прикомандированный к истребительной команде

Оронтис - специалист по тяжёлому оружию, прикомандированный к истребительной команде

V легион, Белые Шрамы

Шибан-хан - именуемый "Тахсир"

Наранбаатар

Херта Кал

Йетто - из Хараша

Цинь Фай - нойон-хан

IX легион, Кровавые Ангелы

Ралдорон - первый капитан, первый орден

Зефон - Вестник Скорби, капитан

Бел Сепат - капитан-паладин воинства Херувимов

Сател Аймери

Хорадал Фурио

Эмхон Люкс

Имперская армия (Эксцертус, Ауксилия и остальные)

Альдана Агата - маршал, Антиохские воины вечерни

Конас Барр - милитант-генерал, Киммерийский военный корпус

Альборн - конрой -капитан, Палатинская горта (командное подразделение префекта)

Бастиан Карло - полковник (33-й Пан-Пацифик аэромобильный)

Аль-Нид Назира - капитан, ауксилия

Мадс Тантан - капитан (16-я Арктическая горта)

Виллем Корди - (33-й Пан-Пацифик аэромобильный)

Джозеф Баако Понедельник - (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления)

Энни Карнет - (четвёртый Австралийский механизированный)

Сизар Филипэй - (гвардия улья Искья)

Джен Кодер - (22-я Кантиум горта)

Бейли Гроссер - (третий Гельветский)

Олли Пирс - (105-я горно-гренадёрская терция)

Паша Кавеньер - (11-й тяжёлый янычарский)

Лекс Торналь - (77-й Европа Макс)

Адель Жерико - (55-й Средне-Атлантический)

Оксана Пелл - (горта Бороград К)

Гетти Орхег (16-я Арктическая горта)

И другие

Орден Зиндерманна

Кирилл Зиндерманн - историк

Церис Гонн - историк

Гари Гарр - историк

Терайомас Канзе - историк

Лита Танг - историк

Динеш - историк

Мандип - историк

Служащий Адептус Механикус

Аркхан Лэнд - магос, техноархеолог

Избранные Малкадора

Гарвель Локен - Одинокый Волк

Хелиг Галлор - странствующий рыцарь

Эндрид Хаар - Рассечённая Гончая, чёрный щит

Натаниэль Гарро - странствующий рыцарь

В Чернокаменной

Васкаль Солар - ветеран ауксиллии, надзиратель стражи

Эуфратия Киилер - бывший летописец

Эдик Аарак - заключённый

Базилио Фо - заключённый

Гейнс Барток - заключённый

Другие

Джон Грамматик - логокин

Эрда

Литу - её легионер

Нери - пилот, портовая гильдия

- *Молодость Земли увяла, она исчезла, как счастливый сон. И каждый день теперь приближает нас к*

гибели, к пустыне...

- терранский поэт Вьяса, около 850.М1

- О, сколько сил теперь почувствовал в себе я! На войско целое пошёл бы не робея. Сражаться! Пусть опять покинет меч ножны! Мне мало карликов, боги мне нужны!

- драматург Ростанд, около 900.М2

- Бессмертие для нас невозможно.

- Гораций, поэмы, точно не известно М1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗМЕРИТЬ АДА ГЛУБИНУ ЦЕПНЫМ МЕЧОМ ЛИШЬ МОЖНО

Повторение

Кто знает, о чём Он думает, или о чём Он когда-либо думал? Он следует, признался себе Кирилл Зиндерманн, когда поднялся на последнюю ступеньку, наш возлюбленный Император, Он следует неисповедимыми путями.

- Неисповедимыми, - произнёс он вслух, выдыхая слово, словно вздох. Ответом стало холодное эхо лестничного пролёта и стук дождя. Зиндерманн невероятно устал. Он проделал долгий путь; не только тысячу ступенек башни, но и по дороге к ней, дороге, которая когда-то казалось такой многообещающей, но привела его - привела их всех - к безжалостной катастрофе.

Кирилл Зиндерманн шёл рядом с историей, в момент самого акта её творения, и был назначен наблюдать и записывать это творение. Но история, своевольная и жестокая, никогда не ведёт туда, где её ждут. Этого нельзя было предвидеть. Зиндерманну не следовало забывать самый главный из профессиональных принципов - история обретает смысл только задним числом.

Знал ли Он? Возлюбленный Император? Читал ли он историю с последней страницы и понимал ли, каким будет конец книги? И если да, мог ли Он изменить слова? Мог ли Он предупредить нас? Пытался ли Он?

Знал ли Он с самого начала, своими неисповедимыми путями, что именно к этому всё и приведёт?

Сюда?

Зиндерманн открыл дверь и распахнул её. Холодный воздух ударил ему в лицо. Сад на крыше шипел от дождя. За ним серые облака спускались с верхних бастаионов Санктум Импералис, затянутых тучами призрачных гор, которые сравнивали с землёй, чтобы освободить место для цитадели. Когда-то это казалось чудом, великим подвигом человека - сгладить горный хребет, чтобы сделать его краеугольным камнем города-дворца. "Невозможно представить ничего более удивительного", - написал кто-то в то время.

Уже давно возможно. С тех пор происходили и более великие чудеса, затмившие это: война за умиротворение небес; крестовый поход во имя уничтожения звероподобных рас; освобождение

потерянного человечества; объединение космоса.

Откровение невыносимого ужаса. Предательство всего, что было.

И теперь это вернулось сюда. Горы разобрали, чтобы построить дворец, и из этого дворца выросла империя. Всё это рухнет, рухнет и дворец, расколется и скалы, которые расчистили, чтобы он вечно стоял на них, а вместе с ними и мир под этой скалой.

Зиндерманн побрёл вдоль садовой дорожки. Всякий сад, который официально назывался Нисходящая терраса, некогда представлял собой настоящий рай. Сейчас же клумбы выглядели заросшими и предоставленными сами себе, неухоженные корни раскололи каменные кадки и вазоны. Системы автоматического орошения и распыления пестицидов отключили для экономии электроэнергии. Сервиторов-ботаников уже давно перепрограммировали для работы в бункерах боеприпасов. Персонал сада призвали в осадные трудовые бригады или отправили на фронт. Другие сады Дворца, а их было много, перепрофилировали для выращивания пищи, но не Нисходящий. Самый высокий и изолированный, любимый сад Императора, который располагался недалеко от вершины старой Противосолонной башни. Его просто покинули. Возможно, Он, возлюбленный Император, надеялся, что однажды его снова откроют, садовники вернуться и драгоценные растения снова зацветут.

“Если это так, – подумал Зиндерманн, то надежда все ещё существует”.

Нисходящий сад не засох. Дождь барабанил по дорожкам, клумбам и парапетам, скапливался на неровных каменных плитах и лился из пустых горшков. Сад одичал, зарос сорняками, ползучими растениями и необрезанными саженцами. Вода капала с изогнутых и бесцветных бутонов химически изменённых цветов. Подобный символизм просто потрясал.

Это был даже не дождь, не естественный дождь. Весь Внутренний дворец, Санктум Импералис, который сам по себе являлся городом больше старого Константинополя, был закрыт внутри собственного купола пустотных щитов ещё до начала Секундуса. Щиты никогда не проектировали работать так долго. Весь воздух циркулировал в замкнутом цикле, перерабатывался и вдыхался триллион раз, а построенные под куполом искусственные метеосистемы порождали пятнистые облака, кислотные дожди и карманные бури, которые бурлили и тлели под потрескивавшими полями. Этот дождь состоял из переработанного пота, телесных жидкостей, мочи и крови.

Ему говорили, что за пределами внутренних пустотных щитов всё обстояло ещё хуже: токсичные смоги и бактериальные облака, искусственные или поднимавшиеся от горящих секторов и боевых фронтов; иссушающие огненные бури; пепельные метели; эпилептические конвульсии молний после орбитальных ударов; визжащие торнадо, вызванные сотрясением от непрерывных бомбардировок. Земля дрожала. Даже здесь он чувствовал постоянную дрожь.

Так было только здесь... только в обширной Дворцовой зоне, зоне *Imperialis Terra*, размером с континент. За её пределами раскинулся глобальный ад: систематическое опустошение родной планеты, сопутствующая катастрофа загрязнения, сейсмические толчки и радиоактивные осадки, которые порождало это монументально сфокусированное нападение. Ему говорили, что шлейф ядовитого пепла и дыма, поднимавшийся от Императорского дворца, затмил всю Европу и Паназиатские земли.

Ему говорили...

Ему не нужно было говорить. Он и сам это видел. Он видел достаточно. Он шагнул на парапет, дождь целовал его лицо, и он стоял над тысячеметровым обрывом до крыш Западных постоянных казарм.

Он видел раскинувшийся Санктум Империалис Палатин, громаду огромного города-дворца за ним, Внешний барбакан, великий дворец Магнификан, рухнувший и лежавший, словно ожидавшая смерти жертва. Он видел огромные ворота, шпили, гигантские очертания некогда величественных портов, линии стен, которые были построены так, чтобы никогда не пасть. И повсюду во всех направлениях протянулись кольца пожаров, чёрный дым от которых поднимался на сорок километров в небеса. И сквозь искажение концентрических пустотных щитов, размывавших воздух до мягкого фокуса, словно техническое масло на стекле, он видел вспышки и мерцание взрывов, пламя обширных и далёких огненных смертей, похожую на молнию длиной в несколько световых лет полосу энергетического оружия. Приглушенный гром экзистенциального коллапса грохотал вдали, замедляясь и смягчаясь пустотными щитами.

Ни следа солнца, только сумерки. Серый яд. Как поблэкшее зрение.

Это здесь. Где всё началось. Где всё закончится.

Зиндерманн смотрел вниз, в глубокую пропасть. Дождь проник ему под одежду и стекал из глаз вместо слез. Он видел, что носки его ботинок слегка выступают над каменным парапетом.

Он был летописцем, но ему нечего было больше сказать. Он был историком, но история умерла. Он обрёл веру – не просто интеллектуальную веру в наставление человечества Императором, но и нечто большее: истинную, сияющую веру, о которой он никогда и не мечтал. Он цеплялся за неё и какое-то время чувствовал себя благословенным, защищённым от набирающей силу тьмы. Он даже пытался поделиться этой верой.

Но тьма усилилась. Вой Нерождённых становился всё ближе. Его вера иссякла, не выдержала перед лицом пандемического ужаса, оказавшись такой же слабой, как и его философия и учёность. Он утратил цель. Прошлой ночью некоторые из его немногочисленных оставшихся друзей заявили, что ещё осталась какая-то история, о которой можно рассказать: будущее, которое, в свою очередь, породит новое будущее, которое захочет услышать и заслуживает услышать то, что произошло до его рождения. Стоя в Нисходящей террасе, Зиндерманн знал, что это не может быть правдой.

Другие, как юный Гари, столь прилежный и исполнительный, настаивали на том, что какая бы история не осталась, её предсмертные дни должны быть записаны.

- Смерть должна быть отмечена, - сказал он, - даже если никто не выживет, чтобы прочитать об этом.

Неправда, молодой человек. Ошибка. Да, оставалось несколько дней, недель или даже месяцев истории, но Кирилл Зиндерманн видел её с того места, где стоял. Он читал её в далёких подобным горам стенах чёрного дыма, что окружали их, в завесах неугасаемого пламени. История осталась, но это не та история, которую стоило записывать. Это была всего лишь литургия боли, мучений, увечий, жалкого разрушения. Ни один поэт никогда не описывал последние неконтролируемые судороги трупа, и все историки обладали достаточной благопристойностью, чтобы не акцентироваться на таких вещах. История, которую осталось написать, была ночным кошмаром демонов, мерзости, непристойности, и это нельзя записывать для человеческих глаз и ушей.

Даже если бы они и пытались, то не нашли бы слов. Никакие слова ни на одном человеческом языке не могли передать весь ужас этого конца.

- Я не буду говорить и записывать больше не буду, - сказал он им.

Сначала никто не ответил. Они все понимали, что он имел в виду. Кирилл Зиндерманн не станет первой

человеческой душой, которая отступит, завершит своё существование по собственной воле, чтобы не нести на плечах бремя оставшейся истории. Тысячи уже ушли, каждый выбирая свой собственный способ. Шагнуть с парашюта в тысяче метров над Западными постоянными казармами...

- Не будьте трусом, - сказал наконец Церис. - Если вы не хотите рассказывать или записывать, идите в армию. Возьмите бронежилет и ружьё. Ступайте на стены, куда бы они вас не направили, и встретьте там свой конец. Не будьте мерзким трусом. Если вам не нужна ваша жизнь, пожертвуйте ей для других.

Это было обидно. Стыд довёл его до места сбора. В очереди, где воздух был наполнен рыданиями, прощаниями и запахом оружейного масла, он пришёл к выводу, что, откровенно говоря, был ужасным стрелком. Он потратит энергетические ячейки, которые другой может выстрелить во врага лучше него, использует оружие, которым другой может воспользоваться с большей эффективностью. Он будет есть пайки, которые могут наполнить другие желудки, дышать воздухом, который может наполнить другие лёгкие.

Он не был трусом. Он был истощителем ресурсов. Его сильная сторона была совсем в другом.

К тому же, думал он, я увидел уже достаточно. Я был там, в тот день... Я был там в самом начале. У искры - точки воспламенения. Прямо там. Я слишком много видел, и прожил слишком долго.

Пальцы ног свесились с парашюта. Дождь хлестал по лицу, оставляя привкус хлорки и костной муки. Дыхание стало прерывистым.

Он медленно поднял и развёл трясущиеся руки, словно балансирующий на цирковом шаре акробат или готовившийся к первому полёту неоперившийся птенец.

- Я видел достаточно, - сказал Кирилл Зиндерманн дождю, воздуху и сорнякам. - Если Он знал, что история пожирает сама себя, почему Он не сказал нам? Наш возлюбленный Император. Если у Него был план, почему Он не поделился им? У Него же был план, так ведь? О чём Он думал?

- Вы ко мне обращаетесь?

Зиндерманн вздрогнул. Он чуть не соскользнул с мокрого выступа. Он наклонился, оперся рукой о влажный камень и оглянулся.

- Кто здесь? - спросил он дрогнувшим голосом.

- Я думал, что я здесь один. Вы обращались ко мне?

Зиндерманн начал спускаться. Неожиданно падение испугало его. Он вцепился в парашют, чтобы не упасть.

Какая-то фигура раздвинула мокрые лианы и спутанные ветви и шагнула на дорожку. Ткань её мантии была украшена каплями дождя, словно драгоценными камнями.

- Зиндерманн? Какого чёрта вы тут делаете?

- М... милорд, я прихожу сюда время от времени.

Рогал Дорн, в несколько раз крупнее с Зиндерманна, взял его за руку и снял с парашюта, как маленького ребёнка. Он поставил его на землю.

- Вы собирались прыгнуть? - спросил Дорн. Его голос, шёпот, напоминал рокот океана, бормотавшего во

сне свои тайны.

- Н.. нет. Нет. Милорд. Я пришёл взглянуть на пейзаж. Это..., пожалуй, самая лучшая точка обзора. Так высоко... Я пришёл наблюдать и получить более широкую перспективу.

Дорн нахмурился и кивнул. Мощная фигура Преторианца была без доспехов: в жёлтой шерстяной тунике, старом, отороченном мехом одеянии его покойного отца, и сером плаще с капюшоном.

- Вы... Вы тоже поэтому здесь? - спросил Зиндерманн. Он смахнул капли дождя со лба.

- Нет.

- Прошу прощения. Я оставляю вас...

- Зиндерманн, вы собирались прыгнуть?

Зиндерманн посмотрел гиганту в глаза. Никакой лжи не было там места.

- Нет, - сказал он. - Нет, я не думаю, что смог бы, после всего.

Дорн хмыкнул.

- Бояться это нормально, - сказал он.

- А вы боитесь?

Дорн замолчал. Дождь стекал по его вискам. Похоже, он действительно обдумывал вопрос, о котором Зиндерманн пожалел сразу же, как только задал его.

- Это непозволительная для меня роскошь, - наконец ответил он.

- Вы хотите уметь бояться?

- Я не знаю. Я не... - Дорн пытался подобрать слова. - Не знаю, на что это похоже. На что это похоже?

- На что... - Зиндерманн пожал плечами. - Как вы себя чувствуете?

- Я чувствую... боль в горле? Пульсирующее воспаление моего разума. Я чувствую предел своих возможностей, и всё же я должен дать больше. И я не знаю, что из этого выйдет.

- Тогда, я думаю, если позволите мне дерзость произнести это, вы чувствуете страх.

Глаза Дорна немного расширились. Он посмотрел вдаль.

- В самом деле? Вы очень смелый человек раз сказали мне это, Зиндерманн.

- Согласен, - произнёс Зиндерманн. - Прошу прощения. Тридцать секунд назад я собирался спрыгнуть с парашюта, так что сказать правду лорду-примарху выглядит не таким пугающим, как могло быть раньше... Вообще-то, это неправда. Теперь я думаю об этом. Проклятье, оскорбить вас... более тревожно, чем перспектива собственной смерти. Не могу поверить, что я это сделал.

- Не извиняйтесь, - сказал Дорн. - Страх... Так вот каков он на вкус. Так, так.

- Чего вы боитесь? - спросил Зиндерманн.

Дорн посмотрел на него и нахмурился, словно не понял.

- Чего вы боитесь? - повторил Зиндерманн. - Чего вы на самом деле боитесь?

- Слишком многого, - просто сказал Дорн. - Всего. В данный момент я просто боюсь мысли, что, в конце концов, могу познать страх. - Он замолчал, а потом словно спохватившись добавил. - Ради Трона, не говорите Робауту.

- Не скажу, милорд.

- Хорошо.

- Вы сами скажете ему.

Дорн посмотрел на Зиндерманна.

- Думаете, мне представится такая возможность? - спросил он. - Необычный оптимизм для человека, который только что собирался покончить с жизнью.

- Ещё одно доказательство, лорд, что я пришёл сюда, чтобы насладиться видом, - ответил Зиндерманн. - Неужели мой оптимизм неуместен? Ваш брат уже близко? Мы знаем?

- Мы не знаем. Я не знаю, успеет ли Жиллиман или Лев или любой другой верный бастард добраться сюда вовремя.

Они замолчали. Вокруг них моросил дождь.

- Что вы здесь делаете, лорд? - спросил Зиндерманн. - Простите, но разве вы не должны руководить обороной? На вашем посту скопились данные...

- Да, - сказал Дорн. - Семьдесят восемь часов подряд, последнее дежурство, штаб Бхаб, наблюдение за тысячью непрерывных трансляций, осуществление действий и противодействий. Я... - он откашлялся, - я обнаружил, итератор, что пока атака идёт без изменений, порой полезно отстраниться. Один час здесь, или в оазисе Квоканг, чтобы очистить мысли. Заново увидеть то, что я уже видел. Это всё здесь...

Он постучал себя по лбу.

- Данные. Эйдетическая память. Я обдумываю и анализирую их также хорошо, как и любого когитатор стратегиума. Возможно, даже лучше. Мне приходят в голову новые схемы, новые микростратегии. Я делаю шаг назад, чтобы ещё раз всё обдумать и собраться с мыслями. И по возможности я стараюсь думать, как мой противник. Как бастард Повелитель Железа, Пертурабо. Я изучаю логику его ходов. И всё же истина никогда ещё не была так далеко.

Он показал Зиндерманну подключённый к ноосфере инфопланшет, спрятанный в кармане его мантии.

- Простите, что побеспокоил вас, лорд.

- Пустяки. Перерыв или прерывание - полезный инструмент для того, чтобы взглянуть на вещи по-новому. Ясность через прерывание. Можно стать слишком зашоренным. Как в схватке на клинках. Развивается ритм, шаблонность, гипнотизм. Ты выигрываешь, нарушая шаблонность.

- Тогда рад служить, - сказал Зиндерманн. - И рад, что вы не собираетесь воспользоваться тем же способом бегства, который привёл сюда меня.

Дорн внимательно посмотрел на него.

- Я извиняюсь и за это предположение, - сказал Зиндерманн.

Дорн взглянул на парапет:

- Тысяча метров до крыши Западных казарм. Не думал, что такое возможно.

- Что возможно?

- Я об одном из своих братьев.

- Ах, - сказал Зиндерманн.

- Это было невысказано, - тихо произнёс Дорн. - Мы думали... Мы верили, что нас нельзя убить, пока Манус не погиб. Но это уже просто история.

Они смотрели на пылающий горизонт.

- Вы отказались от истории? - спросил Дорн.

- Вы слышали эту часть? - смущённо ответил Зиндерманн.

- Что история пожирает сама себя? Да.

- Орден летописцев давно распущен по указу Совета. Его цель перестала существовать. Формальных программ больше нет. Поздний великий проект покойного Соломона Фосса заброшен. Больше не нужно никакого просвещения и никаких итераторов для того, чтобы формулировать истину.

- Необходимо контролировать поток идей, - мягко сказал Преторианец. - Принципиально необходимо в качестве меры безопасности. Слово врага может быть ядовитым. Идея измены ядовита. Это заразно. Вы знаете, что это так.

- Полагаю, что знаю, - сказал Зиндерманн.

- Цензура мне отвратительна, - продолжил Дорн. - Она противоречит принципам общества, которое мы собирались построить. Великая Терра, я начинаю говорить так же возвышенно, как Жиллиман. Я считаю, Кирилл, я считаю... мы больше не строим его, и мы понятия не имели, как слова могут загрязнить всё, что нам дорого. Летописцы. Теисты. Идеи, к которым в лучшие времена мы могли бы, по крайней мере, отнестись с некоторой терпимостью. Я выступаю против всего, что представляет эта женщина, Киилер, но я бы отстаивал её право сказать это. В лучшие времена. Но слова и идеи стали опасными, Зиндерманн. Вы последний человек, которому я должен объяснять это.

- Я понимаю, да, - ответил Зиндерманн, пожав плечами. - И что вообще осталось сказать? Какие слова можно подобрать?

- Зиндерманн, - сказал Дорн. Он замолчал.

- Лорд?

- Найдите несколько.

- Несколько... чего?

- Несколько слов и людей, которые помогут вам их подобрать. Орден может и не существует, но я чувствую, что сейчас нам нужны летописцы. Больше, чем раньше, возможно, и неофициально, пожалуй. Я бы поддержал эту идею. Увидеть правду, сообщить о ней, записать её.

- Почему, лорд?

Дорн внимательно посмотрел на него.

- Историки трудятся над прошлым, но пишут для будущего. В этом их предназначение. Если я знаю, что историки продолжают работать, то это говорит мне, что будущее будет. Полагаю, что это укрепит мою решимость. Идея будущего, далёкого будущего, которое будет существовать и о котором хочется помнить. Это укрепит мою целеустремлённость и даст мне надежду. Если историки сдадутся, то мы признаем, что конец близко. Идите и делайте работу, которую когда-то поручил вам Император, и напомните мне, что какое-то будущее для нас всё ещё возможно.

- Сделаю, лорд, - сказал Зиндерманн. Он тяжело сглотнул и притворился, что дождь снова попал ему в глаза.

- Если мы победим здесь, - сказал Дорн, - это станет величайшим делом всей нашей жизни.

- Станет, - согласился Зиндерманн. - Да, станет. Потому что это, безусловно, величайший ад, который мы когда-либо знали. Я считаю Дворец твёрдым сердцем всего, и всё же куда бы ни пошёл, я чувствую, как он дрожит.

- Дрожит?

- До самого основания. Залы, стены... Знаете, я люблю прогуливаться. Каждый день, от рубежа к рубежу, внутри оборонительных сооружений и бастионов. Я чувствую вибрацию постоянной бомбардировки, поток сотрясающей мантию энергии, толчки землетрясений, последующие толчки. Я чувствую это повсюду.

- Мне сказали, что с тех пор, как всё это началось Дворец и земная кора под ним сдвинулись на восемь сантиметров к западу, - произнёс Дорн.

- Поразительно, - сказал Зиндерманн. - Итак. Вы видите? Дрожь повсюду. Я чувствую её здесь. У Асгардских врат восемь дней назад словно землетрясение началось во время того ионного обстрела. Створки тряслись. А вчера я прошёл по Сатурнианской стене. Даже там ощущалась дрожь под ногами, как если бы старые камни разбил паралич. Дрожь, лорд, распространялась на километры сквозь грязь из боевых зон вокруг порта.

Дорн кивнул. Затем он неподвижно застыл, его разум сосредоточился, анализируя, Зиндерманн был уверен, что за одну секунду он запоминал больше информации, чем Зиндерманн мог бы сохранить за год.

- Сатурнианская?

- Да, лорд.

Дорн повернулся:

- Я должен вернуться на свой пост. И вам следует поступить также. Спускайтесь, летописец. Делайте свою работу так, чтобы моя имела значение в будущем.

- Сделаю, лорд.

- Воспользуйтесь лестницей, пожалуйста.

Зиндерманн усмехнулся:

- Очень смешно, лорд.

- Смеяться над нашим тяжёлым положением и над собой, - сказал Рогал Дорн, - может быть, последнее, что мы можем сделать. Когда закончатся все боеприпасы, и мы истечём кровью, я посмотрю врагу в глаза и посмеюсь над его ужасным непониманием того, как всё должно быть.

- Я запишу это, лорд, - сказал Зиндерманн.

ОДИН

После падения врат

Начало

Давший клятву

В катастрофе боевых действий можно обрести связь крепче стали.

Виллем Корди (33-й Пан-Пацифик аэромобильный) и Джозеф Баако Понедельник (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления) обнаружили это примерно за сто дней. Они встретились шестого Секундуса, в толпе вокруг транспортных кораблей Эксцертус Импералис в Львиных вратах. Все устали и растерялись, тащили вещмешки и смотрели, разинув рты, на монументальный вид Дворца, который большинство видели разве что на пиктах. Офицеры без всякого видимого эффекта кричали, пытаясь выстроить войска в линию; на палубе сбора разметили мелом специальные площадки с сокращёнными номерами подразделений; адъютанты с бумажными идентификационными метками на воротниках - кодовый маркер, серийный номер, точка рассеивания - носились вдоль шеренг, как если бы они обрабатывали груз.

- Клянусь, я никогда не видел столько людей в одном месте, - заметил Джозеф.

- И я, - ответил Виллем, потому что он стоял рядом с ним.

Всё так просто. Протянули и пожали руки. Обменялись именами. Виллем Корди (33-й Пан-Пацифик аэромобильный) и Джозеф Баако Понедельник (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления). Скобки были у всех. Ваше имя стало приложением, дополнительным идентификатором.

- Энни Карнет (четвертая Австралийская механизированная).

- Сизар Филипэй (гвардия улья Искья).

- Виллем Корди (тридцать третий Пан-Пацифик аэромобильный). Это - Джозеф Баако Понедельник (восемнадцатый полк, Нордафриканская армия сопротивления).

Никто не собирался это прекращать. В противном случае стало бы слишком много путаницы. Никто не был родом отсюда, никто не знал этого места, да и вообще никого, кроме остальных членов своего подразделения. Они принесли с собой в скобках после имён места своего рождения, регионы и

принадлежность, словно вагоны, тянувшиеся за поездом. Как утешительные сувениры. Это вошло в их плоть и кровь. Одиннадцатого Корди понял, что прямо так и обратился к своему командиру бригады: Виллем Корди (тридцать третий Пан-Пацифик аэромобильный), сэр.

- Полковник Бастиан Карло, тридцать третий Пан-Пацифик ман... Какого хрена с тобой происходит, рядовой?

Они притащили скобки с собой на войну вместе с рюкзаками, сумками с боеприпасами и служебным оружием, словно небольшой дополнительный груз. Потом им пришлось цепляться за них, потому что как только начались боевые действия, всё быстро утратило определённую форму и скобки остались единственным, что у них было. Лица и руки испачкались шламом и кровью, значки подразделений - засохшей грязью. К двадцать пятому, длинные красные мундиры 77-го Европа Макс (Парадный) покрылись таким же толстым слоем грязи, как зелёные кольчужные доспехи Драконов Плоскогогорья 6-18 и серебряные нагрудники Первого уланского Североамериканского. Все стали неразличимыми, живые или мёртвые.

Особенно после падения врат.

Космический порт Львиные врата был захвачен врагом одиннадцатого Квинтуса. Это было далеко от того места, где они располагались, в сотнях километров западнее. Всё находилось так далеко друг от друга, потому что сам Императорский дворец был настолько огромным. Но последствия ощущались повсюду, словно конвульсии, как если бы Дворец получил выстрел в голову.

Они к тому времени стояли на 14-й линии, в северной части Великого дворца. 14-я линия была условным обозначением, тактическое формирование из двадцати тысяч смешанных подразделений Эксцертус и ауксиллии, которые удерживали позиции для защиты западных подходов к космическому порту Вечная стена. Когда Львиные врата пали, взаимодействие и сплочённость просто приказали долго жить, как на 14-й линии, так и повсюду. Последовательно вышли из строя несколько тяжёлых пустотных щитов, в результате чего воздух в окружающей зоне ощутил на себе всю мощь укусов сырой статики и избыточного давления. Охранявшая Дворец защита последовательно рассыпалась, протянувшись на восток от Львиных врат, и электромагнитное мерцание этого коллапса разрушило вокс- и ноосферную связь. Никто не знал, что делать.

Команды из Бхаба и Палатинской башни не обновлялись. Началась сумасшедшая спешка, когда все отходили назад, эвакуировались с укреплений и бросали мёртвых. Часть космического порта Львиные врата поглотили пожары, которые видели с расстояния в несколько лиг. Армии предателей на юго-востоке также перешли в наступление, воодушевлённые известием о падении порта. Они двигались вверх по Гангскому пути, преодолевая Шигадзкие земляные укрепления и бастионы Халдванийского траверза, сметая преграды в хабах Саратин и Карнали и сельскохозяйственных районах к западу от дороги Рассвета. Бежавшие подразделения 14-й линии слышали шум приближавшейся бронетехники, чьё неумолимое наступление напоминало накатывавшуюся на пляж металлическую приливную волну. Небеса затянуло низким дымом, который прорывали штурмовики, пикировавшие на расположенные в левой части порта хабитаты.

Никто не мог поверить, что врата пали. Именно туда они прибыли, почти сто дней назад, и они казались такими огромными и вечными, Джозеф Баако Понедельник (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления) никогда не видел такого великолепного сооружения. Вертикальный город, который парил в облаках даже в ясный день. Львиные врата. Один из главных космических портов, обслуживавших Императорский дворец.

И враг захватил его.

Это означало, что враг получил доступ к поверхности внутри Вечной стены, внутри Внешнего барбакана. Предатели получили критически важные оперативные возможности для начала высадки основных штурмовых сил с орбитального флота: тяжёлых подразделений, массовых подразделений, для усиления терранских армий, которые начали внешние атаки.

- Нет, - сказал Виллем Корди (33-й Пан-Пацифик аэромобильный) своему другу. - Не усиления. Замены. Первая дверь Дворца открылась.

Орбитальная артерия начала качать кровь. До сих пор они сталкивались с людьми и машинами. Через зияющую дыру Львиных врат теперь могли проникнуть и другие, путь для них расчистили.

Предательские Астаргес. Титаны. И, возможно, что-то ещё хуже.

- Что может быть хуже? - спросил Джозеф Баако Понедельник (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления).

Они пытались пройти от южного грузового квадранта до Анжуйского бастиона, приближаясь к верхнему концу Гангского пути, где он пересекал Танкред и Монтаньенский мост, в надежде обойти бронетехнику предателей, которая сравнивала с землёй бастион Золотой храм. Капитан Мадс Тантан (16-я Арктическая горта) принял номинальное командование, но им не нужен был лидер. Они двигались вместе, поддерживая друг друга, или умирали.

Некоторые бежали, дисциплина развалилась. Они погибали, не пробежав и двухсот метров или попадали в вирусные облака. Другие опускали руки. Это было самое худшее из увиденного. Безымянные солдаты, чьи отличительные знаки исчезли под плёнкой жира и грязи и больше не способные произносить свои скобки, сидели в дверных проёмах, у разбитых стен, в зловонных тенях подземных ходов. Некоторые вставляли в рот пистолеты или выдёргивали чеки последних гранат. Но большинство просто сидели, сокрушённые отчаянием и бессонницей, и отказывались вставать. Их приходилось бросать. Они сидели, пока смерть не находила их, и смерть никогда не заставляла себя долго ждать.

Остальные, все ещё живые, они пытались двигаться. Вокс- и ноосферная связь по-прежнему не работали. Постоянный поток обновлённых директив и инструкций по развёртыванию остановился. Им пришлось обратиться к чрезвычайным приказам на случай непредвиденной ситуации, которые представляли собой бумажные копии и выдавались всем полевым офицерам. Они были простыми, и по-спартански краткими. Для них, подразделений 14-й линии, это был сжатый общий приказ, написанный на скрученной бумаге, словно изречение от предсказателя удачи: "В случае прорыва или поражения на 14-й, отступить в Анжу".

Анжуйский бастион и его шестикилометровая линия казематов. Встать за ним. Это была надежда. Новая линия. Капитан Мадс Тантан (16-я Арктическая горта) вёл около семисот пехотинцев в длинной беспорядочной колонне, которая то и дело распадалась на группы. Его семьсот человек были лишь небольшой частью восьмидесяти шести тысяч военнослужащих армии лоялистов, отступавшей от линии 14, линии 15 и линии 18. Отдельные отряды постоянно натыкались друг на друга, пока пробирались через руины, отчаянно выкрикивая имена и скобки, чтобы избежать ошибочного столкновения. По крайней мере, вражеский огонь шёл только с одной стороны - сзади.

Потом он начал приходиться с фланга. С севера. Всё ближе и всё мощнее, пробиваясь сквозь колоннады и

опустошённые здания, кроша камнебетон, поднимая тучи пороховой пыли со склонов холмов из обломков.

И убивая людей.

Их строй, их потрёпанная колонна, начала дробиться. Одни разбежались и бросились в укрытия, другие рассеянно поворачивались и стояли на месте. Некоторые падали, словно устали стоять. Они тяжело опускались на землю, словно мешки с едой, и изгибались под неправильными углами, подогнув под себя ноги – принимая позы, которые даровала только смерть. Капитан Мадс Тантан (16-я Арктическая горта) начал кричать, перекрывая грохот оружейного огня, побуждая поспешить к Анжу, и несколько солдат подчинились.

- Он дурак, - сказал Джозеф Баако Понедельник (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления). - Мой друг Виллем, не ходи туда! Ты, что не видишь? Смотри!

Враг уже появился. Широкая, накатывавшаяся волна пехоты предателей хлынула через разрушенные окраины Золотого храма, проливаясь через разбитые арки, затапливая улицы и устремляясь дальше по обломкам, просачиваясь, словно вода, через каждую брешь, которую они могли найти. Они скандировали. Виллем Корди (33-й Пан-Пацифик аэромобильный) не смог разобрать, что именно. Было слишком много шума. Но это было единым целым, голоса звучали как один, звук был таким же мерзким, как и символы на знамёнах, которые качались и трепетали над их рядами.

Количество потерь возросло. Друзья падали вокруг них. Виллем Корди (33-й Пан-Пацифик аэромобильный) не смог сказать, кто именно. Рядом скорчилось тело. Это был Юрган Торофф (77-й Канцийский лёгкий) или Азман Финч (Словацкий 14-й)? Просто фигура в грязи, потерявшая отличительные признаки, больше не способная произносить свои скобки, не осталось даже лица, которое можно было бы вытереть, чтобы различить черты.

Дым был повсюду. Пыль. Испарявшаяся кровь. Грязный дождь. Скандирование. Постоянный треск и скрежет стрелявшего оружия. Шлепки и опалины попаданий по камню и обломкам. Глухой стук ударов в плоть. Всегда было ясно, когда они врезались в тело. Приглушенный удар следовал за выдохом, когда воздух выдавливалось из лёгких. Он сопровождался резким запахом горелой ткани и выходящим паром, обожжённые и распылённые внутренности разрывали кожу, вырываясь наружу. Вы быстро запоминали этот звук, если уже не знали его, потому что он повторялся дюжину раз в минуту.

Виллем Корди схватил друга за рукав, и они побежали. Другие тоже бежали. Укрытия не было. Они вскарабкались на кучу обломков, выстрелы врезались во всевозможный мусор вокруг них. Джозеф Баако Понедельник совершил ошибку, оглянувшись назад. Он увидел...

Он увидел, что капитан Тантан явно пошёл не в ту сторону и увлёк за собой двести или более людей. Толпа предателей окружила их. Он увидел...

Он увидел более высокие фигуры, которые проталкивались сквозь марширующие шеренги предателей. Звери-гиганты в чёрных доспехах. Он знал, что это Астартес. Рёв воинских горнов пронзил дым и туман. Теперь больше, больше гигантов. Он увидел...

Он увидел, что эти Астартес носили забрызганные грязью белые доспехи, напоминавшие цветом испорченные сливки. Их наплечники были чёрными. У некоторых были большие рога. У некоторых доспехи были обвязаны тканью, похожей на рубашки или фартуки. Он увидел...

Он увидел, что грязь – это запёкшаяся кровь. Он увидел, что фартуки сделаны из человеческой кожи.

Астартес в чёрном замедлили продвижение. Они позволили Астартес в белом обогнать себя. Те устремились вперёд, словно псы, бросились в атаку, подобно быкам. Они больше не были людьми, или даже похожими на людей. Астартес в чёрном стояли прямо, как дрессировщики. Астартес в белом мчались едва ли на четвереньках. Они завывали в боли берсерков. Они размахивали клинками и боевыми топорами, которые, как понимал Джозеф Баако Понедельник, он не сможет даже поднять. Он увидел...

Он увидел, как они добрались до отряда капитана Тантана. Он увидел, как Тантан и окружавшие его солдаты кричали и стреляли, стараясь сдержать их. И потерпели полную неудачу. Астартес в белом ворвались в толпу и прорвались сквозь неё, сбивая солдат, словно врезавшийся в стадо скота поезд. Началась резня. Бойня. Огромное облако кровавого пара поползло вверх по склону, покрывая камни, как смола. Астартес в чёрном стояли и смотрели, как будто развлекались. Он увидел...

Рука сжала его предплечье.

- Идём! - Виллем закричал ему в лицо, - просто идём!

Вверх по склону, шестьдесят, семьдесят из них, карабкавшихся вверх по каменному склону, шестьдесят или семьдесят, которые не сделали ошибки, последовав за капитаном Тантаном. Вверх по склону, помогая друг другу, когда ноги скользили, вверх по склону и дальше на то, что когда-то было крышами хабитатов. Внизу царил ужас. Гремели военные горны. Скрежетали визжащие цепные клинки. Клубились облака сгущавшегося тумана.

Крыши закончились. Огромное здание обрушилось, не оставив ничего, кроме каркаса из балок и ферм, поднимавшихся из моря разбитых кирпичей. Двадцатиметровый обрыв. Они начали карабкаться по балкам, шестьдесят или семьдесят из них, по одному, шли или ползли по балкам шириной в полметра. Люди оступались и падали, или сбивались выстрелами снизу. Некоторые забирали с собой и других, отчаянно схватившись в них в попытке удержаться. Все они отбросили страх. Страх стал лишним и забытым. Как и человечность. Они оглохли от шума и отупели от постоянного шока. Они вошли в состояние дикого унижения, деградации, толпились, как обезумевшие животные с широко открытыми глазами, пытавшиеся сбежать от лесного пожара.

Виллем чуть не упал, но Джозеф схватил его и затащил на дальнюю сторону, на крышу мастерской. Они одними из первых добрались сюда. Они оглянулись на своих друзей, мужчин и женщин, цеплявшихся за узкие балки подобно муравьям. Они потянулись вперёд, схватили друг друга за руки и вытащили нескольких в безопасное место. Джен Кодер (22-я Кантиум горта), Бэйли Гроссер (Третий Гельветский), Паша Кавеньер (11-й тяжёлый янычарский)...

Взревели военные горны. Огромные горны. От их глубоких воющих звуков сжималось сердце. На расстоянии в два десятка улиц в дыму показались очертания настоящих гигантов. Титаны появлялись и исчезали между уносившимися в небеса башнями, они шагали, разрушая стены и целые здания; чёрные, золотые, медные, багровые и адские знамёна трепетали на мачтах за их спинами. Каждый напоминал ходячий город, слишком большой, чтобы его можно было постичь целиком. Огромные руки-орудия пульсировали и стреляли: вспышки выжигались на сетчатке глаза; статические удары заставляли волосы вставать дыбом; от горячих волн жара шелушилась кожа, словно от солнечных ожогов, не смотря на расстояние в два десятка улиц.

И ещё шум. Шум такой громкий, каждый выстрел такой оглушительный, что казалось одного его достаточно, чтобы убить. При каждом залпе дрожало абсолютно всё.

“Мы все сейчас умрём”, – подумал Джозеф, а потом громко рассмеялся над собственным высокомерием. Гигантские машины пришли не за ним. Они даже не знали о его существовании. Они шли на запад, параллельно с ним, шагали по развороченным улицам, чтобы найти что-то, что они могли убить или уничтожить, что стоило их титанических усилий.

Шестьдесят или семьдесят из них превратились в тридцать или сорок. Они скользили вниз по склонам щебня и разбитого стекла. Никто понятия не имел, куда они идут. Никто не знал, осталось ли вообще место, куда можно пойти. Здания вокруг были объаты пламенем или взорваны, улицы утопали в покрывалах обломков.

- Мы должны сражаться, – произнёс Джозеф.

- Что? – спросил Виллем.

- Сражаться, – повторил Джозеф. – Повернуться и сражаться.

- Мы умрём.

- Разве это уже не смерть? – спросил Джозеф. – Что ещё нам остаётся делать? Некуда идти.

Виллем Корди вытер рот и выплюнул грязь и костяную муку.

- Но какая от нас может быть польза? – спросил Бейли Гроссер. – Мы видели что...

- Мы видели, – сказал Джозеф. – Я видел.

- Мы не будем это считать, – сказал Виллем.

- Считать что? – спросила Джен Кодер. Её шлем был так сильно помят, что она не смогла его снять. Под смятым краем по её шее стекала кровь.

- Что мы сможем сделать, – ответил Виллем. – Мы умрём. Мы не узнаем. Что бы мы ни сделали, как бы мало это ни было, мы не узнаем. Это не важно.

- Да, – сказал Джозеф. Он посмотрел на их лица. – Не важно. Мы пришли сюда сражаться. Сражаться за Него, во имя Его. Сражаться за это место. Вы видели, сколько людей пришло. В космическом порту, когда мы прибыли. Так много людей. Неужели кто-то действительно думал, что он сделает что-то значительное? Лично?

Виллем кивнул:

- Коллективные усилия. В этом всё дело. Если я сломаюсь, или ты сломаешься, тогда все сломаются, один за другим. Если я буду стоять, и ты будешь стоять, мы умрём, но мы будем стоять. Мы не должны знать, что мы делаем, или насколько это мало. Вот почему мы пришли сюда. Вот то, что Ему нужно от нас.

Никто ничего не сказал. Один за другим они вставали, подбирали своё оружие, и следовали за Джоссефом и Виллемом по улице, пробираясь через завалы, возвращаясь тем же путём, которым пришли.

В густом дыму на их пути встал космический десантник. Он положил руку на иссечённый осадный щит, длинный меч покоился на огромном наплечнике. Его доспехи были покрыты царапинами и вмятинами, даже украшенный лавровый венок на нагруднике. Глаза, янтарные щёлочки, пульсировали на

изуродованном лицевом щитке. Они подняли оружие.

- Куда вы идёте? - спросил он.

- Назад. Сражаться, - ответил Джозеф.

- Верно, - сказал он. -. Это то, что Ему нужно от нас.

- Вы... слышали меня?

- Конечно. Я слышу, как сердце бьётся на расстоянии в тысячу метров. Следуйте за мной.

Легионер повернулся. Его броня и осадный щит были жёлтыми.

- Я - Джозеф Баако Понедельник (восемнадцатый полк, Нордафриканская армия сопротивления), - крикнул ему вслед Джозеф.

- Мне не нужно это знать, - не оглядываясь ответил легионер. - И соблюдай хоть какую-то чёртову шумовую маскировку.

- Мне нужно, чтобы вы знали, - сказал Джозеф.

Легионер остановился и оглянулся:

- Это не важно...

- Для меня важно, - сказал Джозеф. - Это всё, что у нас есть. Я - Джозеф Баако Понедельник (восемнадцатый полк, Нордафриканская армия сопротивления).

- Я - Виллем Корди (тридцать третий Пан-Пацифик аэромобильный), - сказал Виллем.

- Адель Жерико, (пятьдесят пятый Средне-Атлантический).

- Джен Кодер (двадцать вторая Кантиум горта).

Космический десантник позволил им всем представиться. Затем он кивнул.

- Я - Камба-Диас (Имперский Кулак). Следуйте за мной.

- Ждите, - сказал Архам, он увидел, что они приближаются, но не повернул голову в их сторону и лишь только поднял палец, призывая к терпению.

Ниборран, Брон и Икаро ждали. Они наблюдали, как магистр хускарлов Дорна работает на своём посту, внимательно изучая поступавшие данные. Его глаза не моргали. Они ждали. Их окружало постоянное движение и шум стратегиума Великое Сияние. Это был первый раз, когда они не разговаривали больше суток. Ожидание казалось неправильным. Главный верховный солнечный генерал Савл Ниборран, милитант-полковник ауксии Клемент Брон, вторая госпожа Тактика Террестрия Сандрина Икаро из военных палат... Это были люди, которых нельзя было заставляли ждать, не в такое время и не при таких обстоятельствах.

Если только вы не командовали военной зоной, управляя ею из бастиона Бхаб в Санктум Импералис, и не являлись избранным доверенным лицом Лорда-Преторианца и, поэтому временно обладали высшей

властью Дорна.

Архам, Имперский Кулак, магистр хускарлов, Второй с Таким Именем, закончил изучение данных и немного подался назад. Он посмотрел на них. Они были старшими дежурными офицерами сотого дня.

- Начинайте, - пригласил он.

- Где Дорн? - сразу спросил Ниборран.

Архам слегка прищурился. Стоявший за соседним постом капитан Ворст поднял голову и нахмурился. Архам заметил его взгляд и успокоил небольшим жестом. *Оставайтесь на месте.*

Ниборран глубоко вздохнул. Он устал.

- Прошу прощения, сэр, - сказал он. - Позвольте внести поправку. Где Лорд-Преторианец?

- Занят в другом месте, - сказал Архам. - Начинайте.

Ниборран поморщился. Он быстро протёр аугметические глаза костяшками пальцев. Серебряные оправы глазниц блестели на фоне его тёмной кожи, но сами глаза казались тусклыми. Он взял свой планшет.

- Мы провели анализ...

- Чем занят? - спросил Брон.

- Что? - спросил Архам.

- Прекрати, Клем, - пробормотал Ниборран.

- Не прекращу. Чем он занят? Прямо сейчас? Больше ста дней всего этого, мы по уши в дерьме и захлёбываемся в собственной крови, и он *занят*?

На лице Архама не дрогнул ни мускул.

- Пожалуйста, следите за своим тоном, полковник, - посоветовал он.

- К чёрту мой ублюдочный тон, лорд.

Архам выпрямился. Ворст последовал его примеру, подняв всё своё закованную в жёлтую броню мощное тело. И снова Архам коротким жестом показал ему вернуться к работе.

- Мы все очень устали, - быстро сказал Ниборран. - Очень устали. Нервы сдают и...

- Вы не выглядите уставшим, - сказал Брон Архаму. - Нисколько.

- Так уж получилось, - ответил Архам. За первые сто дней он трижды побывал на передовой. Царапины и вмятины на его жёлтой броне не отремонтировали, и каждый мог увидеть их. Но нет, он не выглядел уставшим. Он выглядел как Астартес, выглядел, как всегда. Неподвижный и крепкий как статуя. Он не выглядел уставшим, как эти три человека, с пустыми глазами, впалыми щеками и дрожащими руками.

- Я позволю вам некоторые послабления, полковник, - сказал он. - Обстоятельства...

- Обстоятельства - дерьмо, и становятся дерьмовее с каждой секундой, а Дорн отсутствует. Он должен заниматься этим. Он должен быть ублюдочным гением.

- Уже хватит, - сказал Архам.

- Отсутствие Преторианца вызывает беспокойство, - сказал Ниборран. - Брон перешёл границы дозволенного, но его мысль...

- Мы облажались, - перебил его Брон. - Его план трещит по швам. Со Львиными воротами покончено. Они уже там. Внутри Внешнего барбакана. Защитные щиты прорваны в восьми местах. Они высадили титанов, которые уже вступили в бой. Наш план горит. Всё катится в за...

- Убирайтесь.

Слово было всего лишь шёпотом, шипением, но оно прорезало воздух, словно кислота металл. Все в стратегиуме Бхаб замолчали. Никаких голосов, только щелчок и бормотание когитаторов и потрескивание контрольных вокс-станций. Взгляды отведены в сторону.

Джагатай Хан поднялся на центральную платформу. Как кто-то или что-то настолько большое смогло войти в Великое Сияние, оставшись не услышанным, или бесшумно выйти из арки зала по пластальной палубе в украшенных мехах полных доспехах...

Он возвышался над всеми ними. На щеке, бороде, горжете, левом наплечнике и нагруднике была кровь. Она спутывала стянутые в хвост волосы, покрывала пятнышками эрмийские меха и спускалась по левому бедру. Но она принадлежала не ему. Левое бедро было обожжено до голого металла выстрелом из мелты.

- Убирайтесь, - повторил он, презрительно глядя на Брона.

- Полковник Брон устал, лорд, и говорил плохо, - начал Ниборран.

- Мне плевать, - сказал Великий Хан.

- Милорд, - настаивал Ниборран. - Полковник Брон - старший и заслуженный армейский офицер, и важная часть...

- Плевать, - сказал Великий Хан.

Ниборран посмотрел на палубу. Он вздохнул.

- Его вопрос был бестактно сформулирован, - ровным голосом сказал Ниборран, - но само его замечание было верным.

Он посмотрел примарху в глаза. Он не дрогнул.

- Милорд, - добавил он.

- Вы тоже, - сказал Великий Хан. - Убирайтесь.

Брон посмотрел на Ниборрана. Ниборран покачал головой. Он бросил планшет на стол, повернулся и вышел. Брон последовал за ним.

Великий Хан даже не посмотрел им вслед.

- Какие старшие офицеры ждут следующего дежурства? - громко спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. - Найдите их. Разбудите их. Приведите их сюда.

Несколько адъютантов вскочили и поспешно вышли. Великий Хан повернулся к Архаму.

- Где Дорн? спросил он.

- Проводит совещание с Сигиллитом и Советом.

- Приведите его сюда, - сказал он. Он посмотрел на Икаро. - Вы. Икаро. Начинайте.

Икаро откашлялась.

- Защитные щиты прорваны в восьми секторах, - сказала она. Она провела рукой по дисплею инфопланшета, словно разбрасывала семена, и вывела данные на общий экран. Уродливые пятна расцвели на северной и центральной частях огромной карты Дворца.

- Ремонт? - спросил Великий Хан.

- В процессе. Пустотные щиты шестьдесят один и шестьдесят два находятся за пределами восстановления. Порт Львиные ворота остаётся широко открытым. Грузовые модули приземляются вдоль северных верхних платформ со скоростью шестьдесят в час. В этих секторах и соседних зонах вокс-связь и ноосфера забиты помехами.

Она вывела ещё несколько пятен на голополе.

- Многоточечный ауспик подтверждает наличие титанов, они двигаются здесь, здесь и здесь. Легио Темпест. Легио Вульпа. Возможно, и легио Урса тоже. Направляются к Последней стене, Внешней стене и в Магнификан.

- У них есть один, они хотят второй, - сказал Великий Хан. Архам кивнул.

- Полагаю, что так, лорд, - сказал он.

- Армейские линии на северных подступах прорваны, - продолжила Икаро. - Главный фактор - наступление, второстепенный - армии предателей, приближающиеся с юга. У них есть поддержка Астартес.

- На земле? - спросил Великий Хан.

- На земле и много, - подтвердила она. - Пожиратели Миров, Железные Воины, Тысяча Сынов, Лунные Волки...

- Их больше так не называют, - сказал Хан.

- Прошу прощения, лорд. Но я не буду использовать его имя, - ответила она.

- Просто используйте цифры, - мягко сказал Архам.

- Да, лорд. Пятнадцатый, Семнадцатый, Четвёртый, Шестнадцатый, Третий. Возможно и другие. Давление наступления является основным фактором, но сплочённость Армии нарушена из-за потери вокса и других каналов связи. Мы не можем передать приказы туда, где они нужны больше всего.

Она посмотрела на примарха.

- Достоинства или недостатки плана обороны Преторианца являются чисто теоретическими, когда этот план не может быть реализован, - сказала она.

Великий Хан кивнул, и попытался пальцами вычесать засохшую кровь из усов.

- А демоны? - спросил он.

- Вероятно, очень много, - ответила она. Её голос слегка дрогнул. - Вероятно, самая значительная угроза для Санктум Импералис Палатин. Но они не обнаруживаются нашими системами.

- Эта оценка подтверждается, - сказал Архам.

- Мы полагаемся на визуальные отчёты, - сказала она, - которые... ненадёжные и запутанные. И зависят от вокса. Я полагаю, что мы должны верить, что воля нашего повелителя Императора остановит их.

- Эта вера никогда не являлась необоснованной, - сказал Великий Хан. Он смотрел на мерцавшую и обновляющуюся карту. - Они приближаются к нашим дверям. Прямо к нашим дверям. Львиные врата, Последняя стена. Но они хотят ещё и это.

Он указал на символ, который изображал космопорт Вечная стена.

- Согласен, - произнёс Архам.

- Если они возьмут его, то у них окажутся оба главных космических порта в северных пределах. Удвоение пропускной способности.

- И, конечно, теперь они сосредоточатся на Санктуме? - спросила Икаро. - Дополнительная пропускная способность полезна, но Львиные врата ближе, их посадочные мощности огромны, и они уже вцепились нам в горло.

- Нет, они хотят его, - сказал Великий Хан. - Высадить как можно больше на поверхность, чтобы смять нас. Так поступил бы я.

- И я поступил бы также, - произнёс Дорн. Он стоял у подножия ступенек платформы и смотрел на них.

- И я знаю, что именно так поступил бы наш брат Пертурабо. Максимизировать пропускную способность. Лишить нас орбитального доступа.

Я уверен, что именно это приказал Гор.

- Они хотят их оба, - сказал Джагатай Хан.

- Они хотят их оба. Они хотят всё, - сказал Дорн.

Великий Хан кивнул. Он посмотрел на Дорна.

- Итак, вот и ты, - сказал он.

- Вот я, - сказал Дорн. - Я был занят в другом месте. Забавная ирония... обычно это тебя ищут и не могут найти.

Джагатай Хан не смягчился. Лорд Каган явно не был успокоен лёгким благодушием.

- Что дальше, брат? - спросил Великий Хан.

- Я изучил последние переменные, - сказал Дорн, присоединившись к ним на платформе. - Каждый шаг нашего врага всё больше раскрывает его намерения. Я начинаю видеть стратегию Повелителя Железа в некоторой глубине, а это значит, что я могу предсказать, где...

- Нам не нужно предсказывать, - прямо сказал Хан.

- Это сложная и многоплановая боевая сфера, брат, - начал Дорн, и затем мысленно обругал себя. Боевые доктрины Джагатай Хана сильно отличались от его собственных, но Великий Хан был непревзойдённым, проницательным и искусным воином. Он не заслуживал снисхождения. Ему не нужно было объяснять сложности, как простым людям.

Джагатай Хан покачал головой. Он выглядел утомлённым, и это беспокоило уже само по себе. Чтобы примарх выглядел уставшим...

- Ему нужен наш отец, - тихо сказал Хан. - Ему нужен беспрепятственный доступ во Дворец. У него есть один плацдарм, ему нужен другой. Это несложно, Рогал, больше нет. Порт Вечная стена необходимо защищать и удерживать. Порт Львиные врата необходимо отбить. Это оскорбление, что они претендуют сразу на оба.

- Это было неизбежно, - произнёс Дорн.

- Я не виню тебя, Рогал, - сказал Хан. Он вздохнул. - Мы должны удерживать порты. Лишить их доступа. Уже высаженные ими силы можно сдержать и уничтожить.

- Джагатай, - сказал Рогал Дорн. Он откашлялся, как будто обдумывая, что сказать дальше. - Уверяю тебя, я взвесил каждый вариант. Я восхищаюсь твоей решимостью, но это не так просто, как ты...

Он резко замолчал. Джагатай Хан смотрел на него. В его взгляде была такая твёрдость, что Икаро нервно отступила.

- Я думаю, ты неправильно понял меня, Рогал, - сказал Великий Хан. - Я собираюсь отбить порт Львиные врата. Я тебя не спрашиваю. Я пришёл, чтобы сказать тебе, что я собираюсь делать.

- Почему ты стоишь на коленях? - спросила она.

Он возобновлял клятву момента в тёмной комнатке за миллион световых лет от места, где она впервые увидела, как он совершал эту церемонию. Его личная оружейная палата на "Духе" теперь казалась ложной памятью, чем-то таким, что он вообразил, но что никогда не было правдой. Бледно-зелёные металлические стены, запах притирочного порошка, шум с посадочной палубы снаружи. Эти образы больше не принадлежали ему. Как и клятвы момента, приколотые к стене под трафаретным орлом. Они принадлежали кому-то другому. Это были дела, которые совершил другой человек, и тот человек был мёртв.

- Чтобы проявить уважение, - ответил он.

- Перед кем ты стоишь на коленях? - всегда так настойчиво, так любопытно.

Он пожал плечами. Он положил два клинка. Меч Рубио выглядел тусклым в свете свечей. Лезвие силового меча оставалось неактивным. Это было старое оружие Ультрадесанта, гладий, форма которого была ему хорошо знакома. На рукояти ещё оставался знак Ультима.

У лежавшего рядом длинного цепного меча IV модификации была вмятина на кожухе и требовалось переустановить или заменить несколько зубьев. Рядом с рамой, поддерживавшей его броню, стоял наготове ремонтный сервитор. Бледная серость выдавших лучшие дни сегментов брони в полумраке

напоминала цвет старой кости, словно луна ловила только отражённый солнечный свет.

- Преклонение колен - это акт уважения или верности, - заметила она. - Или это акт почтения и набожности.

- Это не набожность, - ответил он, раздражённый её вмешательством и вопросами. - Богов нет. Мы сожгли эту ложь.

- Значит верности... Но тут не перед кем стоять на коленях, получается, что это бессмысленно.

- Император везде.

- Вот как? - она выглядела удивлённой. - Ты стоишь на коленях перед идеей Его, как перед актом веры? Так что это, верность или набожность? Вы уничтожили ложных богов только для того, чтобы создать другого?

- Он не ложный, - резко ответил он. Пол ненадолго задрожал. Пыль посыпалась с покачнувшегося потолка. Ближайшие батареи и казематы возобновили стрельбу, и их массовая отдача проходила сквозь структуру Дворца.

- Значит Он - бог? - спросила она. Она смахнула пыль, которая упала на наплечники его потрёпанной брони.

- Сейчас есть демоны, так что... - начал он.

- Значит, боги тоже должны быть?

- Я этого не говорил. Что ты хочешь, Мерсади?

- Жить. Но теперь слишком поздно для этого.

Свечи потухли.

Какую клятву ты приносишь? Локен представил, как она спрашивает. Он задумался, как лучше объяснить. Клятвы момента были именно такими - конкретными, принесёнными перед битвой. Все те клятвы, которые он приносил, почти все, что он когда-либо приносил, кроме преданности Императору, давно стали ничем. Он решил принести свою собственную, грубую и простую клятву, достаточную для того, чтобы продолжать жить, несмотря ни на что.

- Я видел лозунги, намалёванные на стенах, в нижних частях Дворцового района, - сказал он пустой келье. - Немного сначала, затем больше. Я думаю, это дело рук гарнизонов Имперской армии и призывников. Мантра. Я принял её как клятву. Простая. Всеохватывающая и всего четыре слова, которые легко запомнить.

Он показал клочок пергамента пустому воздуху, призрачному воспоминанию о её присутствии.

До последней капли крови.

ДВА

Теория против исполнения

Ангелы среди нас

Всего лишь человек

Вид Повелителя Железа за работой производил впечатление. Грандиозное впечатление. В известной галактике был всего еще один разум, который мог дирижировать массовой войной, так как он. И этот разум находился по ту сторону монолитных стен, которые они пытались разрушить. «Скажем, один или два разума, – подумал Эзекиль Абаддон. – Один или два, может быть три. И один из них мог быть здесь, на платформе, наблюдая за Пертурабо в деле. Но отдадим должное Повелителю Четвертого. У него к этой работе подлинный талант».

Остальные собрались подойти ближе, но Абаддон остановил их поднятой рукой.

- Ты чего? – спросил Гор Аксиманд. – Боишься, что можем сбить с мысли ублюдка? Спутать его планы?

Тормагеддон тихо рассмеялся. Морниваль и Повелитель Железа недолюбливали друг друга. Эта война породила слишком много вражды. Но подобные отношения необходимо забыть, по крайней мере, на время. Нужно добиться одной объединяющей цели, а Повелитель Железа был мастером подобной боевой сферы.

- Понадобится больше, чем твоя физиономия, чтобы нарушить его концентрацию, – сказал Маленькому Гору Фальк Кибре. Вдоводел ухмыльнулся Аксиманду и продолжил: – Не знаю, возможно...

- Просто заткнитесь, – тихо сказал Абаддон. – Я хотел понаблюдать за его работой. Минуту. Это производит впечатление. Грандиозное.

Братья по Морнивалю пожали плечами и уступили ему. Встав рядом, они принялись наблюдать вместе с ним.

На платформе был установлен огромный трон-подъемник. Вокруг него стояли на страже невозможно неподвижные и бдительные боевые автоматы Железного Круга. Шестеро гигантов никогда не покидали Пертурабо. На гравипластине рядом с троном стоял обухом вниз Сокрушитель наковален – громадный боевой молот примарха.

С трех сторон – слева, справа и спереди – его окружали гололитические планшеты на черных как сажа серворуках, смонтированных на подножке и широких подлокотниках трона-подъемника. На восемнадцати активных экранах текли потоки данных и мелькали пикт-снимки с полей внизу. Их свет освещал погруженного в работу Повелителя Железа. Он сидел, сгорбившись, словно великан в массивном металлическом доспехе матового темно-серого цвета, способный выдержать всю осаду в одиночку. Холодная броня, казалось, потела блеском оружейного масла. Сервокабели и загрузочные трубки обрамляли череп Пертурабо, словно заплетенные косички, закрывая уши, вырастая из шеи, щек и челюсти. Видимой оставалась лишь малая часть лица. Масса кабелей придавала ему облик Медузы – чудовища из древних мифов с извивающимися змеями вместо волос.

Голова примарха дергалась, быстро поворачиваясь от одного экрана к другому. Пальцы металась по тактильным поверхностям трона, корректируя, стирая, перемещая, запуская.

Творя историю, касание за касанием.

Пертурабо, Повелитель Железа, найденным двенадцатым сын, пасынок Олимпии, примарх IV Легиона, творец войны, мастер искусства нападения, сокрушитель стен, разрушитель крепостей, уничтожитель миров. Осадная война была его ремеслом, его исключительным талантом. Он привел их сюда, через бастионы самой защищенной планетарной системы в реальном космосе, через орбитальную оборону

самого охраняемого мира, и через эти стены к порогу своего генетического отца.

Пертурабо видел все мельчайшие детали одновременно, но только через экраны вокруг него и данные в его голове. Он не обращал внимания на окружение, не замечал того, что происходило всего в нескольких метрах от него.

Для Абаддона это было впечатляющее зрелище. Милорд Пертурабо, двенадцатый примарх, настолько погрузился в свою работу, как будто и в самом деле что-то мог упустить. Прекрасное зрелище в такой день. Но, видимо, поэтому он настолько хорош в своем деле: пристальное внимание, полная концентрация, усердие, одержимая внимательность; обработка данных, выявление главного, принятие решений шаг за шагом для достижения цели.

Возможно, в действительности двух целей. Приказы магистра войны, ожидающего выполнения работы, конечно же, были первой и наиболее важной целью. Захватить Дворец. Но также и собственная, твердая как сталь, цель Пертурабо. Взять вверх над чуждым ему братом Дорном, взять главный приз, ответить, наконец, на вопрос, который с самых первых дней породил ревность и соперничество: неприступная крепость, неудержимая сила... Что возьмет вверх при столкновении?

Из текущей ситуации, Абаддону казалось разумным поставить на неудержимую силу. Он пристально смотрел на то, что Повелитель Железа совершенно не ценил. Они находились на посадочной платформе на полпути к искусственной горе космопорта Львиные врата, который ценой больших усилий взяли пять дней назад. В поврежденном, но вполне функциональном порту гремела работа. Крупногабаритные подъемники и модули транспортеров извергали солдат и машины на поверхность планеты. Огромное сооружение также было одержимо: Абаддон слышал хихиканье и чувствовал скольжение Нерожденных, которые концентрировались вокруг строения космопорта, обретая форму и растекаясь, словно масло или прогорклый жир, в открытый город внизу.

Каждые несколько минут с многокилометровой высоты докатывалась вибрация, когда очередной массивный боевой корабль касался стыковочных колец и замирал на месте. Густые клубы дыма поднимались ввысь, изливаясь из основания и окрестностей порта, где все еще кипели бои. Но Абаддон видел достаточно: внизу раскинулось огромное сердце Внешнего барбакана. Башни и крепости, улицы, пожары. В двухстах километрах на юго-запад далекие очертания циклопических Львиных врат с суровыми кольцами концентрических стен и вспомогательных ворот. За ними – размытое в пепельной дымке экранированное пространство Санктум Импералис. Далекая горная гряда, но ближе, чем когда-либо.

В сотнях метрах внизу протянулись огненные поля: пылающие, почерневшие, разрушенные районы вокруг порта, широкие улицы, которые когда-то были грандиозным въездом в самую величественную цитадель Империиума. Миллионы пожаров, напоминающие разбросанные угли, столбы дыма, хлопки-вспышки тяжелой артиллерии, молниевые импульсы основного вооружения машин, самолеты и ударные корабли, пронсящие мимо, словно птицы, которые собираются в стаи и кружат последние хороводы перед долгим перелетом домой.

Абаддон смотрел на эту картину. Она превосходила все, что он представлял, а он представлял это тысячу раз. Первый капитан смотрел на панораму, затем на Пертурабо в его клетке данных, затем снова на панораму. Теория и практика, бок о бок,

Практика. Исполнение. Вот где лежала душа Абаддона. Конечно, он восхищался гением Пертурабо, его виртуозным искусством, которое сделало все это возможным. Но примарх был таким отрешенным. Когда

Повелитель Железа, наконец, победит, а так и будет, решится ли победа прикосновением к очередному тактильному пульта управления? После нанесения последнего решающего удара, поднимет ли он, наконец, голову, чтобы увидеть реальность того, что сотворил?

Не таков был путь Абаддона. Истинный конец наступает с ударом меча, а не касанием кнопки. Клинки и отвага выиграли крестовый поход, и они же должны победить сейчас. А не теория.

И не варп-магия. Не вопящие отвратительные варп-твари, появляющиеся в порту вокруг него или населяющие плоть любимых братьев, словно те были поношенной одеждой. Конец этой войны слишком сильно определялся новыми методами. Абаддон гораздо больше доверял старым.

За его спиной со скрипом открылись двери грузового подъемника. По палубе застучали шаги.

- Почему вы ждете? - спросил лорд Эйдолон.

Абаддон взглянул на чемпиона III Легиона. За ним следовала его свита - мерзкие и разряженные легионеры в улучшенных и аугментированных боевых доспехах. Их лица, а в некоторых случаях и тела безумно деформировались. Выбранные цветовые схемы резали глаз. Эти воины были цветом Легиона Фениксийца, Детей Императора. Заносчивые ублюдки. Причудливо и чрезмерно разукрашенные. Почему они сохранили прежнее имя? Может Фулгрим боится как-то оскорбить своего отца? Имена можно изменить. Это было почетно. Когда пришло время, волки стали сынами. Сынами лучшего отца.

- Уважение? - намекнул Абаддон.

- Кроме того, здесь прекрасный вид, - добавил Гор Аксиманд.

- Уважение за что? - спросил Эйдолон. Его голос звучал неестественно синхронизированным. Он рассмотрел четырех воинов Морниваля и шеренгу юстаэринских терминаторов в вороненых доспехах, стоявших позади них почетной стражей. Абаддон почти ощущал его насмешку, а взгляд Эйдолона говорил об особом месте, которое он приберег в своем сердце для XVI Легиона. Месте, наполненном презрением.

- Необходимо выполнить работу, - заявил он.

- Я знаю, - ответил Абаддон.

- У моего возлюбленного повелителя, - продолжил Эйдолон, - рас...

- ...тут новые груди каждый день? - спросил Аксиманд. Кибре громко фыркнул.

- Не подначивай его, Маленький, - сказал Абаддон, невольно улыбнувшись. - Наш добрый лорд Пертурабо и в самом деле может отвлечься от своей работы, если мы начнем драку с нашими братьями, пока он занят.

Он посмотрел на Эйдолона.

- Кроме того, - добавил Абаддон, - на этом восхитительном доспехе может остаться вмятина. Что было бы ужасной неприятностью. Он провел пальцами по абсурдно украшенному наплечнику Эйдолона. Тот перехватил руку первого капитана и крепко сжал ее, вернув улыбку.

- Хорошо, что мы все еще можем веселиться, - сказал Эйдолон. - Поднимает тонус перед предстоящими хлопотами. Мне всегда нравилось потакать вашей подростковой возне.

Его улыбка ничуть не сникла. Зубы были идеальны, словно из прекрасной слоновой кости. А вот лицо – нет. Оно было разукрашенной пародией на человеческие черты, застывшее, словно карнавальная маска. По обеим сторонам горла раздувались складчатые мешки.

– Я пытался сказать, – продолжил Эйдолон. Его голос странно модулировал, как будто за словами кружил ультразвуковой вопль, – если бы мне позволили закончить, что у моего возлюбленного повелителя растет усталость от задержек. Он проявляет нетерпение, и становится почти равнодушным. Видеть это – настоящая трагедия. Он...

...не человек, которым был? – спросил Маленький Гор.

Эйдолон выдавил вежливый смех.

– Ах, какая шуточка, Маленький Гор. Он *изменился*. Разве это не касается всех нас? Разве все мы не стали великолепными? Даже некоторые из ваших неуклюжих воинов?

Он посмотрел на Тормагеддона. Тот по-прежнему безучастно пялился на трон-подъемник. Что-то внутри него мурлыкало, а с потрескавшихся губ сочилась жидкость. Абаддон взглянул на него. Тормагеддон не был похож на себя прежнего. Смерть и воскрешение взяли свою плату. Громадный четвертый член Морниваля не был ни Тариком Торгаддоном, который был когда-то лучшим из людей, ни Граэлем Ноктуа, чью плоть он одолжил. В чертах воина присутствовали черты обоих, но также что-то еще, нечто за ними, что растягивало и искажало лицо в раздутую подделку. Абаддону не нравилось близкое присутствие Тормагеддона, не нравился тот факт, что он – часть их квартета. Они носили его, как шрам, цену за сотрудничество. Что бы ни жило в броне и плоти Тормагеддона, у Абаддона не было желания узнать это получше.

– Да, так и есть, – сказал он, вытянув руку из хватки Эйдолона.

– Милорд Фулгрим проявляет нетерпение. Я думал, это должно быть совещание по планированию? Он прислал меня с предложением ускорить штурм. Теперь машины высажены, идет полный и фронтальный штурм Львиных врат. Давайте вскроем Санктум и покончим с этой задержкой.

Абаддон вздохнул.

– Эйдолон, я с ужасом понял, что согласен с тобой и желаниями твоего повелителя и господина.

– В самом деле? – поинтересовался Эйдолон.

– Ты знаешь, сколько боли это причиняет мне, – ответил Абаддон.

– Я рад, что между нами есть место благоразумию, – сказал Эйдолон, – что мы можем отринуть тривиальные споры и придерживаться одного мнения. В конце концов, эта война – самое главное.

– Мне нравится дразнить тебя, – вставил Маленький Гор, – но всему свое время и место. Магистр войны хочет взять Терру, а мы не разочаруем его задержками. Мы все служим магистру войны.

– Так и есть, – сказал Эйдолон после слишком долгой паузы.

– Вот и чудно, – сказал Фальк Кибре. – Но предложение твоего лорда Фулгрима не будет рассмотрено.

– Почему же, Кибре? – спросил Эйдолон. В каждом произнесенном слоге отразилось порывистое рыдание.

- Потому что есть план, - ответил Кибре. - Магистр войны четко и определенно установил свои цели, и Повелитель Железа следует им. Захватить порты, высадить войска, сравнять город с землей, затем захватить Дворец. Методичная работа, по старинке.

Эйдолон рассмеялся.

- Это не работа.

- Так и есть, - сказал Аксиманд.

- Что? Мы... приводим Терру к согласию? - захихикал Эйдолон.

- Да, - ответил Абаддон. - Может это и Тронный мир, и может это необычная работа, но это то, что мы всегда делали. Подавление сопротивления и завоевание миров, которые противостоят интересам Империи.

- Да ты серьезен, - понял Эйдолон.

- Кому-то нужно быть, - сказал Абаддон.

- Предложение лорда Фулгрима о полном и концентрированном штурме привлекательно, - заметил Кибре. - Но его отвергнут. Оно противоречит директивам магистра войны и планам лорда Пертурабо.

- Кроме того, щиты Санктум Империи целы, - добавил Абаддон. - Пустотная и телэфирная защита. Этот процесс предназначен ослабить их. Пока они не падут, мы не можем провести полный и концентрированный штурм, потому что силы Нерожденных не могут быть задействованы. «Не могу поверить, что защищаю эту точку зрения, - подумал Абаддон. - Мы не можем выпустить своих демонов. Когда война зависела от этого?»

Эйдолон посмотрел в сторону Пертурабо.

- Думаю, мы привели эту встречу к общему знаменателю и представим его могучему Повелителю Железа. Увидим, что он думает.

- После тебя, - сказал Абаддон.

Как Абаддон предполагал, Повелитель Железа не принял предложение Эйдолона. Тем не менее, он не разъярился на них, как ожидал Абаддон, независимо от того, сколько ненависти зрело в нем к Сынам Гора и Детям Императора. В его разуме больше не было места мелочным ссорам. Создавалось впечатление, что Пертурабо находился в своей стихии, наслаждаясь каждым моментом игры, которую он годами прокручивал в своей голове снова и снова. Он сошел со своего подъемника-трона, чтобы переговорить с ними. Он возвышался над ними и рассматривал замечания Эйдолона в однозначной, но теплой манере. Он похвалил Эйдолона, а, следовательно, и примарха Фулгрима, за его энтузиазм. Энергичный, с огнем в глазах, Пертурабо жаждал показать им многогранную красоту и искусность своей великой стратегаемы. Он наклонил несколько экранов, чтобы описать некоторые схемы и тактические нюансы.

- Я никогда не видел его таким... счастливым, - прошептал Гор Аксиманд. - Ведь это так? Повелитель Железа *счастлив*?

Абаддон кивнул.

- Как грюкс в дерьме. Это то, для чего он был рожден.

И это *было* прекрасно. Предоставленный Пертурабо обзор, беглое, но в то же время абсолютное владение данными, искусная передача полевой стратегии - учет одного, предсказывание другого, расчет боевой сферы на пятьдесят ходов вперед, как у гроссмейстера регицида. Отношение Абаддона к талантам лорда Пертурабо поднялось на новые уровни благоговейного уважения. Примарх был подходящим человеком для этого величайшей работы. Никто и близко не смог бы сделать лучше. Абаддон поймал себя на том, что делает выверенные мысленные заметки, восхищенный планом игры, который изложил Пертурабо.

- Великий лорд, - обратился он, указывая на схему. - Здесь, на юге. Вы только вскользь упомянули. Кажется, ценная возможность. Вы ею не воспользуетесь?

Повелитель Железа посмотрел на него и почти улыбнулся. Его глаза были черными провалами, но в них сверкали точки света, напоминавшие далекие солнца.

- У тебя острый ум, Сын Гора. Немногие обладают пронизательностью, чтобы заметить эту изящную возможность. Увы, она не соответствует предписанному твоим генетическим отцом подходу. Я вынужден держать ее в резерве, на данный момент. Я не стану отклоняться от пожеланий магистра войны, рискуя вызвать его неудовольствие. Но в том маловероятном случае, когда Дорн продемонстрирует последнюю искру ума и сумеет провести последнюю операцию, тогда я могу задействовать этот гамбит.

- Жаль, лорд, - сказал Абаддон.

- Я не вижу, - сказал Эйдолон. - О чем ты говоришь?

- Неважно, - сказал Абаддон. - Верь мне, когда я говорю «жаль».

Всех окутала вспышка неприятного света. В телепортационных полях соседней платформы материализовались высокие фигуры: величавый и бесстрастный Ариман из Тысячи Сынов в сопровождении посвященных воинов; Тиф из Гвардии Смерти; трое архимагосов из Темного Механикума; Кростовок, исполняющий обязанности командира небольшого контингента Повелителей Ночи на Терре; и четверо лордов-милитант Предательской Армии.

- Вижу, мы все, наконец, собрались, - сказал Пертурабо. - Я сейчас проведу инструктаж, чтобы вы могли передать мои директивы своим силам.

Девятичасовой непрерывный артиллерийский обстрел Горгонова рубежа вдруг прекратился, словно кто-то нажал переключатель.

Гален нажал свой переключатель - нейронный сигнал деактивировал системы шумоподавления шлема. Он по-прежнему чувствовал себя глухим, как будто ему продули уши, но понял, что слышит свои шаги, скрип керамики, когда выбирался из защитного блока.

- Живее, - сказал он. На него смотрели покрытые пылью визоры его братьев Имперских Кулаков. Он дал знак: *восстановить звук*. Они зашевелились.

- Живее, - повторил он, теперь они услышали. - Мы знаем, что будет дальше.

Гален прошел через противозрывной занавес и спустился по узкому проходу к передней части каземата. Его разум все еще приспособлялся. После почти девяти часов генерируемого белого шума

для противодействия постоянному диссонирующему давлению, тишина и покой казались неестественными. Нести дозор на внешних укреплениях было невозможно. Обстрел был слишком интенсивным. Бронетехника и артиллерия изменников сконцентрировали свою ярость на трехкилометровом участке внешних укреплений. Дивизионы «Грозовых молотов», «Гибельных клинков» и других врытых в землю сверхтяжелых танков; «Василиски», «Медузы», тысячи бомбард; подразделения «Венаторов» и «Криосов» Темного Механикума. Все они были невидимы, стреляя согласованными залпами из руин и закрытых позиций с дистанции восемь километров.

Космодесантникам пришлось отвести Имперскую Армию, Солнечную ауксилию и призывников с внешних укреплений и первой окружной стены. Ни один человек не мог выдержать непрерывный шум и сотрясения, даже облаченный в самую тяжелую полевую броню. Когорты смертных отправили в прочные бункеры и подземные укрытия за второй окружной стеной, оставив их огневые позиции и настенные батареи без obsługi. Даже там, запертые в темных, содрогающихся ямах, они несли потери, когда перелеты попадали во вторую окружную или падали за ней, раскалывая бункеры.

Имперские Кулаки остались одни, и даже они не могли нести стражу на стене. С активированными глушителями они укрылись в защитных блоках, встроенных в тыльную часть первой окружной стены. Эти отсеки из камнебетона, керамитовых опор и противоосколочных мешков легионеры дополнительно усилили, разместив свои осадные щиты на наружных стенах и сидя спиной к ним.

Тем не менее, они также гибли. Четыре блока получили прямые попадания и были разбиты фугасными снарядами, а в других, включая тот, где находился Гален, раскаленные осколки пробивали трясущуюся стену, перфорированный камнебетон, обшивку, осадные щиты и братьев, сгрудившихся за ними. Фиск Гален, капитан 19-й тактической роты, отдавал себе отчет, что это была всего лишь прелюдия.

Он вышел в тишину первой окружной стены. Повсюду в воздухе висела коричневая пыль, создавая впечатление, будто его позиция была единственным участком, оставшимся от мира. Он ожидал худшего, но реальность оказалась даже хуже. Передний край и бруствер бастиона выглядел так, словно его разгрыз ненасытный гигант: блоки из тесаного камня расколоты и пробиты, бруствер полностью разбит во многих местах, контрфорсы превратились в гальку, настенная облицовка из толстой брони смята и искромсана, словно металлическая фольга. Большинство настенных орудий, макропушек, вращающихся огневых точек, лазерных платформ уничтожено.

- Собратся, - приказал он выбирающимся братьям. - Занять позиции. Сохранять бдительность. Тархос, вызови подкрепления Армии обратно на позиции. Быстро.

- Капитан, - подтвердил приказ сержант Тархос.

- И дай мне связь с батареями второй окружной. Они нам понадобятся.

- Как мы удержим это? - спросил брат Усвальт.

- Сомневаюсь, что у нас выйдет, - ответил Гален.

- Согласен, - раздался голос Ранна, направляющегося вдоль разбитого бруствера к ним. Гален быстро отдал честь лорду-сенешалю. Его люди последовали его примеру.

- Без церемоний, братя, - отреагировал Фафнир Ранн. Времени на этикет не было.

Он встал рядом с Галеном, всматриваясь в зловещую завесу пыли. Их оптические устройства щелкали и жужжали, пытаясь настроить дистанцию и четкость. Гален заметил, как неуклюже двигается лорд-

сенешаль, капитан первой штурмовой группы. Он получил ранения в боях за Львиные врата. И совершенно не залечил их.

- Неожиданный перерыв, - заметил Гален. - Он считает, что мы разбиты?

- Он оперирует процентами, - ответил Ранн. - Девять часов обстрела, независимо от степени насыщения и тысяч тонн боеприпасов. Достаточно, чтобы выбить нам зубы и поставить на колени. Затем второй раунд.

Имперские Кулаки называли его «он». Подразумевая Пертурабо. Он был персонификацией их врага, полубогом, с которым они сражались. Не магистр войны. Гор был ядовитым духом злобы, вдохновлявшим воинство предателей. Пертурабо, Повелитель Железа, был инструментом исполнения, координатором воли Гора. Хотя Пертурабо находился, вероятно, в сотнях километрах, они бились с его решениями и доктринами. Он был их подлинным противником, архитектором плана изменников, хотя слово «архитектор» казалось неподходящим для существа, которое разрушало стены.

- Он думает, что ослабил нас, не так ли? - спросил Гален.

- О, думаю так и есть, и он это знает, Фиск, - сказал Ранн. - Первая окружная стена и внешние укрепления разбиты до нп. Посмотрим, что он бросит на стены. Может быть, отвлечь их на несколько часов, всыпать, пока мы отойдем на вторую или даже третью, чтобы закрепиться там.

НП. *Непригодность*. Ранн не расценивал первую окружную стену, как пригодную оборонительную позицию. И явно сомневался на счет второй окружной.

- Если мы отойдем на третью, - сказал Гален, - мы сократим наши возможности.

- Я знаю, Фиск, я знаю.

Горгонов рубеж прежде был известен под названием Горгоновы врата, когда Дворец все еще был дворцом. «Рубеж» указывал, что это гражданское строение, переоборудованное в укрепление, в противовес возведенным непосредственно в качестве бастионов. Он был частью внешнего кольца, исходного яруса укреплений на подходе к Львиным вратам и Санктому Империалис. Горгоновы врата никогда не были крепостью, всего лишь великолепной триумфальной аркой на Внешней магистрали. Преторианец укрепил его, так же как и все в Императорском Дворце за изнурительные месяцы подготовки к осаде. Отделку сняли, стены укрепили и расширили, некогда прекрасный мрамор, ауслит и тесаный камень закрыли практичной броней. Там, где когда-то перед воротами располагались Траянов парк и Снотиновы сады, соорудили четыре полусферы укреплений. Четыре новые, окружные стены, ошетилившиеся казематами и оборонительными батареями, а перед ними передовые укрепления. Все были соединены редутами и вспомогательными траншеями. За шесть месяцев церемониальные ворота, отмеченные в монографиях о дворцовой архитектуре за их мирную красоту, переоборудовали в уродливую пятиуровневую крепость.

Гален понимал почему. Каждая подготовительная симуляция показывала, что их атакуют. Зачем наступать на действующие бастионы и крепости, защищающие Колоссы и Мармакс, когда можно прорваться через церемониальную достопримечательность и дойти до самого Санктума?

Горгон падет. Гален знал это, Ранн знал. Дорн знал. Пертурабо знал. Вопрос заключался в том, как долго они продержатся? Как долго они задержат наступление предателей? Сколько материальных затрат выжмут защитники из воинства изменников для их захвата? Насколько истощат вражеские силы, прежде чем те достигнут Львиных врат?

- У нас все еще есть частично действующая пустотная защита, - напомнил Гален, проверяя ауспик. - Сохраняем восьмидесятивосьмипроцентное покрытие над окружными стенами.

- Значит, атака будет наземной, - кивнул Ранн. - Как дела с бронетехникой?

- Та, что имелась, оттянута на третью, - ответил Гален. - За исключением машин, которые участвовали в первых вылазках.

В начале штурма подразделения быстрых «Поборников» и «Церберов» атаковали из бастиионов, охотясь и уничтожая артиллерийские силы. Каждый надеялся добраться до них, как лисица до кур. Но у них не вышло. Противотанковые машины были уничтожены сильным фланговым огнем. Когда пыль начала немного рассеиваться, Гален увидел к югу почерневшие остовы, некоторые все еще горели.

- Выдвинуть вперед бронетехнику, лорд? - спросил Гален.

Ранн покачал головой.

- Только, чтобы их снова опрокинули? Нет, они нам понадобятся на второй и третьей. Но прикажи им быть наготове и прогреть двигатели.

Гален отвернулся, передавая вокс-команды. Раздался чей-то крик.

- *Наземная атака!*

Через пыль и фуцелиновый дым подходили штурмовые шеренги. Быстро приближались тысячи пехотинцев в разомкнутом строю. А также легкая бронетехника: «Хищники», штурмовые танки, бронетранспортеры, поднимая столбы коричневого дыма, словно кильватерные струи реактивных катеров. Первыми атаковали наземные силы.

- Построится, - невозмутимо приказал Ранн. Вдоль остатков бруствера лязгнули осадные щиты. Болтеры вставлены в бойницы. Расчеты вращали и поворачивали то, что осталось от настенных орудий. Некоторые не двигались: расплавились лафеты. До подхода частей Имперской Армии все еще оставалось семь минут.

Гален усилил оптический сигнал. Резко приблизилась атакующая орда: звероподобные недолюди, напоминающие сказочных великанов-людоедов, из широких ревущих пастей которых вылетала слюна; штурмовые части Темного Механикума, похожие на кошмары, вызванные из самых темных эпох Технологий; подразделения Предательской Армии, размахивающие непристойными знаменами. Среди них громадные легионеры Гвардии Смерти и Железных Воинов. Они двигались медленнее, но неумолимо. Гален не стал усиливать аудио-сигнал. Ему не хотелось снова слышать ревущее скандирование.

- Стоим или отходим, капитан? - спросил он. Времени на отход ко второй окружной все еще хватало.

- Я устал слышать их крики, - ответил Ранн. - Думаю, мы останемся и перережем немного глоток.

К этому момент Гален уже слышал скандирование.

«Император должен умереть! Император должен умереть!»

- Прицелиться, - приказал Ранн.

По всей стене зазвучали жужжание и звон дальномеров и автозахватов болтеров.

- Что думаешь, Фиск? – спросил Ранн. – Тридцать к одному?
- Тридцать пять, может, сорок.
- Расклад Преторианца, – ответил Ранн. Он прицелился. *Жужжание-звон*.
- Еще один день на стене, – сказал Гален.
- Ха! За это, друг, ты получишь окрик, – сказал Ранн. – Тридцать метров, пожалуйста.
- Да, капитан.

Гален поднял свой Фобос P/017, почувствовал, как его прицельные системы синхронизируются с авточувствами шлема. Он прицелился точно в голову шагающему Железному Воину. Проигнорировал захват цели и следил, как уменьшаются цифры на дальномере. Двести метров, сто семьдесят, сто пятьдесят...

- За вашу славу, братья, – выкрикнул он.
- И во славу Терры! – ответили хором все, даже Ранн.

Семьдесят пять метров, шестьдесят, пятьдесят, сорок... тридцать пять... тридцать.

- Огонь!

Болтеры начали стрелять. Вдоль вершины окружной линии и в казематах в стене замигали яркие вспышки. Первые попадания пришлись точно в цель. Каждое было смертельным. Фронт атакующей волны смялся. Тела разрывались в движении, взрывались, падали навзничь, опрокидывали других. Воины падали, спотыкаясь об убитых впереди или разрывались следующим залпом болтерных снарядов. Атакующая волна застопорилась в середине, фланговые части обогнали избиваемый центр. Гален рявкнул приказ, и его фланговые подразделения расширили сектор обстрела, уничтожая вырвавшихся вперед врагов. Настенные орудия начали с лязгом разворачиваться налево и направо. Ряды изменников изогнулись. В воздух поднялись грязь и камни.

Пришел ответный огонь. Неточный и яростный, ведущийся на ходу, но мощный, молотящий по поверхности стены, линиям брустверов и щитов. Затем несколько более точных выстрелов из болтеров космодесантников-предателей. Их оружие снабжено стабилизаторами. Братья Имперские Кулаки слетели со стены со снесенными головами и пробитыми телами. Гален поменял магазин, чувствуя, как осадный щит дергается от попаданий. Несмотря на большие потери в передних рядах, вражеское воинство продолжает катиться из пыли. Больше, чем Кулаки представляли, гораздо больше.

Они добрались до внешних укреплений, хлынув между разбитыми каменными контрфорсами и перепаханными земляными насыпями. Ослепительный ураган перекрестного огня хлещет между бастионом и землей. По команде Галена его братья перемещаются оборонительными парами. Один стреляет со стены, срезая каждого, кто пытается взобраться, а его товарищ прикрывает его краем щита, продолжая вести огонь в основную массу. У основания стены начинают собираться кучи тел, скапливаясь как опавшие листья, наполовину погруженные в грязь и лужи сточной воды, которые образовались между контрфорсами насыпей.

Штурм захлебнулся. Войско предателей откатывается обратно, в беспорядке и замешательстве.

- Мы убедили их в их же тупости, – заметил Гален.

- Нет, брат, - возразил Ранн. - Это был отвлекающий удар.

В зоне видимости появились предательские «Псы войны», выйдя из клубов пыли. Их голеностопы обтекает отступающая пехота. Три машины из легио Вульпа увеличили скорость. За ними громыхал более массивный «Владыка войны». Чудовище вырисовывалось на фоне тошнотворной, освещенной сзади пыли. Стена начала дрожать.

Да, отвлекающий удар. Бросить пехоту на первую окружную, чтобы удержать Имперских Кулаков на позиции, помешать им отойти, затем направить титанов выжечь их на позициях. Вот как преодолевается оборона: приманка и удар.

- Плохое решение с моей стороны, - сказал Ранн Галену.

- Нет, лорд...

- Да, так и было, - резко оборвал лорд-сенешаль и посмотрел на Галена. - Приготовься к быстрому отходу.

Гален начал отдавать приказы. Наступающие машины производили устрашающее впечатление. Гален не узнал гиганта «Владыку войны». Он был похож на модель «Марс Альфа», но изменился, как и столь многие братья, с которыми Кулаки когда-то стояли плечом к плечу. Знаки отличия крестового похода исчезли. Борта покрывали звериные гребни и грубо намалеванные символы, а корпус почернел, как будто титан прошел тысячу лиг через обжигающее пламя, чтобы сразиться с ними. С конечностей и паха свисали цепи, а рваные знамена провозглашали мерзкие идеи в рунах, вид которых вызывал у Галена отвращение. То, что он сначала принял за бусы, оказалось голыми человеческими трупами, раскачивающимися на цепях. Машина выглядела больной, похожей на скелет, ее поступь нечеткой, будто хромающей, хотя скорее от хронической болезни, чем раны. Бронированная голова, сгорбившись между массивной парой орудийных платформ-плечей, была переделана в форму огромного человеческого черепа. В глазницах сияли огни кабины, а из открытых вопящих челюстей, словно языки, выступали пушки Гатлинга. Заревели боевые горны. Его сопровождали такие же уродливые титаны «Псы войны». Их поступь напоминала нелетающих птиц. Сначала они устремлялись вперед, затем быстро возвращались к ногам «Владыки войны», восстанавливая строй.

- «Солемнис Беллус» - пробормотал Ранн.

- Узнаешь его? - спросил Гален.

- Едва, - ответил Ранн. - От той машины мало что осталось. Трон, у меня разрывается сердце, когда я вижу, как унизили такое славное оружие.

Орудия наступающих машин открыло огонь. Мегаболтер. Турболазер. Потоки выстрелов из вращающихся установок трех «Псов войны». По окружной линии прокатилось разрушение. Железобетон разрушался. Участки стены взрывались, обваливаясь лавинами каменной кладки, пыли, огня и осколков брони. В воздухе разлетались тела в желтых доспехах. Каземат 16 замолчал, горловину его башни вырвало, вся орудийная платформа соскользнула со своего основания и рухнула вниз, боеприпасы детонировали безумной чередой наслаивающихся взрывов.

- Отступаем! - завопил по воксу Гален. - Быстро на вторую!

Взрыв сбил его с ног. Вокруг него закружили пламя и гравий.

Сильная рука подняла капитана на ноги.

- Нет, брат, - сказал Ангел, глядя на потрескавшийся визор Галена. - В этом нет необходимости. Пока.

Сангвиний отпустил его и повернулся к искореженному краю стены. Он спрыгнул во вздымающиеся завесы огня и расправил крылья.

- Неужели я это видел? - спросил Ранн, оттаскивая Галена в укрытие.

- Он с нами, - ответил Гален.

Великий Ангел пришел не один. Из проемов и тыловых лестниц на стену спешили легионеры. Воины в кроваво-красных доспехах приветствовали братьев VII-го рукопожатиями, оттаскивали их назад, давали им время перезарядить оружие и перевести дух, тем временем сами занимали позиции. Болтеры Кровавых Ангелов присоединились к грохоту.

Свежая кровь, но по-прежнему всего лишь кровь. Даже концентрированный огонь космодесантников не мог уничтожить боевую машину.

А вот Ангел Ваала - совершенно другое дело. Он парил над скатами из камней у подножья поврежденной стены, над разбросанными и изувеченными вражескими трупами, сраженными Имперскими Кулаками, влетал в миазматический туман из пыли, дыма и огня, поднимался на взмахах могучих крыльев, оставлявших за ним вихри в дыму.

Примарх Кровавых Ангелов пролетел низко над землей, словно охотящийся орел, изумительно лавируя между потоками турболазерного огня, пытавшихся выследить его, и врезался в морду ближайшего «Пса войны». Он вонзил копьё прямо в верхнюю часть командного отсека, пробил нечеловеческие символы, пробил древнюю броню, пробил оболочку subsystem, пробил силовые цепи. Копьё вошло глубоко. Сангвиний повернул древко, оперевшись ногами в корпус кабины и сильно хлопая крыльями, чтобы сохранить равновесие. «Пес войны» завизжал и пошатнулся, оступившись. Титан размахивал массивными оружейными руками в тщетной попытке скинуть врага со своей головы, словно ребенок, отмахивавшийся от назойливых шершней.

Великий Ангел вырвал копьё и упал спиной назад. Затем крылья поймали воздух, падение превратилось в полет, и он помчался словно ракета над перепаханной землей, ждущей его падения. «Пес войны» попятился назад, из зияющей пробоины в голове сыпались искры. Раздраженный «Владыка войны», заботясь о своих щенках, повернул торс, отслеживая низкую и стремительную траекторию полета Сангвиния. Ужасающая огневая мощь разорвала землю, грязь и плиты камнебетона на куски, выгрызая в земле пылающий полумесяц.

Сангвиний умчался от преследующего урагана огня. Крылья примарха несли его быстрее, чем «Владыка войны» мог разворачиваться. Ангел снова сделал вираж, разворачиваясь, поднимаясь, работая крыльями на пределе сил, и атаковал правый борт машины, которая некогда с гордостью именовала себя «Солемнис Беллус».

Он поднимался вдоль титана вертикально вверх, вскрывая наконечником копья бортовую броню. Великий Ангел оставил в машине длинный уродливый разрез от бедра до грудины, из которого извергался пепел и черная жидкость.

Он поднялся над «Владыкой войны» в сорока метрах от земли, зависнув на миг, и прыгнул на его плечи, прямо на бронированный затылок головы-черепа.

Копье Телесто вонзилось в тыльную часть головы титана.

Из боевых горнов машины вырвалось отвратительное задыхающееся фырканье. Огромный титан дрожал и раскачивался. Оба глаза выбило, из глазниц черепа вылетели пламя и фрагменты остекления кабины.

Сангвиний сжал оружие еще крепче. Копье, вошедшее глубоко в основание черепа машины, на миг засветилось и выбросило импульс энергии в «*Содемнис Беллус*». Второстепенные взрывы рванули в поясных узлах, бедрах и из тыльной части двигательного отсека. Сангвиний вырвал копьё, устремился вперед и взлетел, поднявшись над носом машины, когда с ней покончил смертельный взрыв.

Из тела машины вырвалось яркое пламя адского взрыва, оторвав одну из оружейных конечностей. Титан с заблокированными ногами завалился вбок и рухнул на землю с такой силой, что поднялись целые волны грязи и грунта. Земля задрожала. Стена задрожала. Гален с трудом удержался на ногах. При падении голова гиганта столкнулась с внешним выступом подпорной стены и выгнулась назад, и так осталась лежать, таращась со сломанной шеей в блеклое небо. По колоссальному металлическому каркасу прокатилась волна детонаций. Взорвались погреба боезапаса, выбросив языки пламени и расплавленную сталь. Земля, грязная вода и обломки, выброшенные в воздух огромным взрывом, начали падать в полукилометровом радиусе стремительным ливнем жижи, жидкости и металлических обломков.

Сангвиний приземлился на истерзанную землю перед своей жертвой. Освещенный огромный погребальным костром бога-машины, он выпрямился, сложил крылья и с шипящим копьём в руке посмотрел на трех «Псов войны». Тот, которого он ранил, все еще извергал искры и дым из пробитой головы. Он скулила и ревел. Все три машины остановились. Они переключили оружие и омыли примарха Кровавых Ангелов системами самонаведения.

- Хотите продолжить? - крикнул им Сангвиний. - Решайте.

Последовала долгая пауза. Затем «Псы войны» одновременно пришли в движение. Они сделали шаг назад, развернулись и побрели назад в дым тем путем, которым пришли.

Позже, когда об этом бое рассказали, кто-то настаивал, что даже примарх, даже славный Великий Ангел, не мог привести в замешательство трех титанов. Их ауспики должно быть засекли танки-убийцы титанов - «Теневые мечи» или «Клинки убийцы», которые подошли две минуты спустя.

Но Гален знал, что он увидел.

Сангвиний взлетел и направился к внешнему бастиону. Кровавые Ангелы поднялись из своих только занятых позиций на линии бруствера, когда он пролетел над ними. Имперские Кулаки стучали прикладами болтеров по своим щитам грубым хором воинских аплодисментов.

Примарх приземлился. Он на миг оперся на копьё, как человек, отдыхающий после тяжелой работы. Черная смазка «Владыки войны» и масло-кровь забрызгали его украшенный золотой доспех, прекрасное лицо, солнечный лабарум за головой. Они стекали с его длинных золотистых волос.

- Фафнир, - поприветствовал он Ранна кивком головы и пожал сравнительно маленькую руку лорда-сенешаля.

- Милорд, - ответил Ранн. - Об этом деянии расскажут истории.

- Нет, Ранн, - ответил Сангвиний.

- Уверен в этом, повелитель, - возразил Ранн. - Мне повезло увидеть, как творится миф.

Они знали о Великом Ангеле из древних времен. Искреннее замечание Ранна прежде вызвало бы улыбку и скромный смех. Но улыбок не было.

- Об этом не будет никаких историй, - сказал примарх. - Это пустяковое событие. Здесь происходит слишком историй, мой дорогой брат Фафнир, и большинство забудутся к моменту, когда их место займут следующие. Это... Это происходит повсюду.

- Милорд, - только и сказал Ранн. Наступила тишина.

- Я видел это, Фафнир, - сказал Сангвиний. - Отсюда, до ворот, до порта, на Внешнем, на Магнификане. Это все и везде. Слишком много историй, миллионы их, всем суждено забыться, так как только последняя строка книги имеет значение.

- Тогда нам стоит позаботиться, чтобы ее написали мы, - сказал Ранн.

Сангвиний ответил не сразу. Мельчайший намек на улыбку осветил его глаза. У Галена возникло ощущение, будто восходит солнце, прогоняя адский мрак.

- Верно, - согласился Сангвиний. Он сделал глубокий вдох и выпрямился. - Верно, брат. Так, давай же попробуем удержать эту линию еще немного.

Дорн покинул бастион через врата Просителей и направился через внутренний двор к пешеходной дороге. Его сопровождали двое хускарлов. Превратный двор был полупустым. При свете толстых свечей под матовыми стеклянными колпаками группы просителей ждали, пока должностные лица в ливреях разбирались с их петициями. Большинство просителей были высокопоставленными гражданами или гражданскими лидерами, и Дорн знал, что их просьбы были, вероятно, обоснованными: увеличенные продовольственные пайки, медицинское обеспечение, разрешения на эвакуацию в Санктум. Он также знал, что большинство прошений отвергнут.

Это было военное время. *Военное*. Лишения были необходимым бременем, которое разделяли все, кто был на стороне Трона.

Его появление вызвало волнение, шум. Большинство уважительно отводили взгляд, но он заметил, что несколько задумались, не подойти ли к нему. Робость взяла вверх.

Одна небольшая группа из мужчин и женщин разных возрастов и положений сидела на каменных скамьях у арки. Когда Преторианец проходил, один поднялся и подошел к нему. Это был Зиндерманн.

- Милорд...

Хускарл преградил ему путь.

- Я прошу всего лишь о минутке, милорд, - обратился старик.

- Не сейчас, - ответил Дорн и пошел дальше.

Он остановился и повернулся.

- Это касается летописцев, Зиндерманн?

- Да, милорд.

- Сейчас у меня нет времени, - сказал примарх и подумал «У меня никогда его не будет». - Но я поддерживаю проект. Диамантис возьмет ваш проект и выдаст пропуска моей властью.

Диамантис, один из хускарлов, взглянул на Дорна.

- Милорд?

- Возьми их проект и скрепи моей гарантией. Выдай им удостоверения, скрепленные моим именем. Просто проследи, что в нем не содержится ничего неразумного.

- По каким критериям, милорд? - спросил Диамантис.

- На твое усмотрение, - ответил Дорн. Он развернулся и пошел без дальнейших объяснений.

Диамантис посмотрел на Зиндерманна.

- Так в чем дело? - спросил он.

- Летописцы, лорд, - ответил Зиндерманн. - Новый орден. Небольшой, уверяю вас.

- Думал, что мы давно закончили с этим, - сказал Диамантис.

- Милорд Дорн... - начал Зиндерманн.

- Я слышал его, - сказал Диамантис. - Проект у вас с собой?

- Вот, - ответил Зиндерманн, вынув из пальто сложенный пергамент.

Дорн прошел под старой аркой и вышел на пешеходную дорогу. Это был широкий высокий мост, который пересекал глубокую пропасть между бастионом Бхаб и вершиной меньших барабанных башен к западу. Мост так же освещался свечами в стеклянных колпаках. Небо над головой бурлило темнотой, которая выглядела как низкая грозовая туча. Примарх слышал треск и стон пустотных щитов, неравномерный шум и грохот далекой и постоянной бомбардировки. Южный горизонт освещался тусклым и пульсирующим оранжевым светом, на фоне которого вырисовались громадные Львиные врата и соседние башни.

Далеко внизу, под мостом, подъездные улицы и проезды были забиты людьми. Ручейки перемещаемых граждан вливались в Санктум Импералис. Чиновники и Адептус Арбитес со световыми шестами направляли каждый длинный переселяющийся конвой к временным убежищам: павильонам, библиотекам, спортзалам, театрам. Каждое приличное помещение, которое можно было реквизировать и использовать. Беженцы заходили через Львиные врата и другие проходы в Последней стене, изгнанные из своих домов в Магнификане и Внешнем, и отчаянно желающие найти убежище в единственной зоне Императорского свехдворца, которая все еще считалась безопасной и целой. Дорн видел людей с маленькими сумками вещей, с ручными тележками, с детьми. Сколько миллионов были изгнаны из портовой зоны и северных районов Внешнего? Сколько еще миллионов последуют за ними?

Куда они пойдут, когда враг пробьет Последнюю стену?

На середине моста Дорн понял, что слышит странный постоянный звук, который его генетически усиленные чувства уловили на фоне стога пустотных щитов, приглушенной бомбардировки и тихого гула

бесконечных голосов далеко внизу.

Он остановился.

- Милорд? - обратился Кадвалдер, оставшийся с ним хускарл.

Дорн поднял руку. Этот звук... Откуда он исходил?

Лампы. Стекланные колпаки мостовых фонарей дрожали в своих креплениях, очень слабо, невидимо, но он слышал их вибрацию. Он понял, что мост тоже дрожит очень, очень слабо, так незначительно, что обычный человек не мог этого почувствовать.

Но она была... Как Зиндерманн назвал ее? Дрожь.

Весь Дворец дрожал. Не от страха. От постоянных внешних ударов.

Преторианец продолжил путь, добравшись до подковообразной арки пристройки, и вошел внутрь.

Барабанная башня не уступала возрастом Бхабу, но была крошечным братом своего огромного и уродливого соседа. У верхнего прохода примарха ждал кустодийский префект-хранитель. Царственная золотая статуя в ниспадающем багровом плаще, вертикально держащая украшенный кастелянский топор.

- Милорд, - поздоровался он.

- Префект Цутому, - ответил Дорн. - Он ждет?

- По Вашему желанию.

Кустодий провел их внутрь. Дорн попросил личной встречи вдали от бастионной суеты. Никаких обычных залов совещаний или приемных покоев. Всего лишь небольшая комната в массивной каменной вершине барабанной башни.

Константин Вальдор ждал внутри. Капитан-генерал Легио Кустодес сидел за длинным столом. Его сверкающий шлем лежал на столе рядом с локтем. На столе стояли десятки цилиндрических свечей, их пламя давало единственный свет в старой комнате.

- Необычно, - отметил Вальдор, когда Дорн вошел.

- Уверен, вы простите, - ответил Дорн.

- Какое дело, милорд? - спросил Вальдор.

Дорн взглянул на Цутому и Кадвалдера, которые встали у дверей.

- Вы можете идти, - сказал он им.

- Цутому можно доверять, - заверил Вальдор, подняв бровь.

- Как и моем хускарлу, - быстро ответил Дорн. Он на миг задумался.

- Оставайтесь, - сказал он двум воинам, - но соблюдайте строжайшую секретность о том, что произойдет.

Он сел лицом к повелителю Легио Кустодес. Они были старыми друзьями, но между ними

присутствовало напряжение.

- Итак... что произойдет? - спросил Вальдор.

Дорн поднял указательный палец.

- Не все сразу, - сказал он. - Сначала небольшой разговор.

- Не думаю, что мне нужно напоминать вам, что в эти дни у нас крайне мало времени для подобной роскоши, - заметил Вальдор.

- Сделайте одолжение.

Вальдор пожал плечами.

- Как вы уладили дела с вашим братом? - спросил он так, будто вопрос был заурядным.

- С Джагатаем? Приемлемо. Он хочет атаковать порт.

- Вполне ожидаемо.

- Оборонительные доктрины не относятся к его предпочтениям, - согласился Дорн.

- Вы несправедливы, - возразил Вальдор. - Просто Каган защищается атакуя. Его Легион всегда был исключительно мобильным. Они рвутся в бой. А порт - подходящая и заслуживающая внимание цель. Кто-то скажет - ключевая.

- Он так и сказал, - ответил Дорн. - Уверяю вас, я никогда не видел, чтобы он так злился на меня. Или, возможно, на мир. Или на меня и мир. И я никогда не видел его таким уставшим.

- Печальный день для всех нас, раз такие, как вы и ваш брат устают, - сказал Первый из Десяти Тысяч.

- Все устают, Константин, - сказал Дорн. Он откинулся в кресле и смотрел на пляску пламени свечей. - Текучесть кадров в бастионе страшная. Офицеры заболевают, срываются, страдают от нервного истощения. Каждые несколько дней знакомись с новыми лицами - новые офицеры, новые помощники, новые генералы сменяют прежних, комплектуют смены.

- Продление дежурств изматывает. Сколько они спят? Три часа? Потом огромный объем информационного потока. Мы не обладаем вашим разумом, Рогол?

- Делу не помогает, когда Джагатай врывается и с порога отстраняет двух достойных старших офицеров.

- За какой проступок?

- За усталость. Если на чистоту, за то, что они люди.

- Кого?

- Ниборран.

- Не может быть!

- И другого. Э...

- Брон, милорд, - подсказал стоявший у двери Кадвалдер.

- Точно, Брон. Я найду им применение в другом месте. Нам нужны все имеющиеся хорошие офицеры.
- Все же, Савл Ниборран был здесь с первого дня, - сказал нахмурившийся Вальдор.
- И, возможно, он выгорел. Бывает.
- Он не слишком стар для передовой? - спросил Вальдор. - Я в том смысле, что он всего лишь человек.
- Не думаю, что в этой ситуации фактор возраста все еще имеет значение, - сказал Дорн.

Они замолчали. Пламя свечей дрожало. Ни примарх, ни кустодий не были сильны в неформальных беседах.

Всего лишь человек. Слова Вальдора повисли в дыме свечей. Ни один из них не был человеком. Они оба были одарены долгой жизнью, чтобы пережить войну и стремиться к чему-то помимо нее. Но они знали только войну, и это продолжалось для них уже слишком много смертных поколений. За их жизнь люди рождались, жили и умирали от старости несколько раз, а война все продолжалась. Дорн и Вальдор никогда не говорили об этом, но они оба в глубине души страшились, что по необходимости оказались скованы одной ролью и никогда не оставят ее. Они не могли говорить беспечно и непринужденно, как люди, или остановиться, чтобы подумать о нюансах культуры. Они не могли расслабиться или задуматься. Военная ответственность вытесняла из них все прочие заботы. Даже простейшая беседа сводилась к логистике и стратегии. «Люди жили и умирали, как оводы, - думал Дорн. - Где они находили время в своей короткой жизни на то, чтобы быть еще кем-то, кроме как воином, когда я не могу найти в своей? А ведь я должен был находить его. Я должен быть таким разносторонним. Солдат - это всего лишь одна из граней».

- Мы были рождены для большего, - пробормотал примарх.

Вальдор взглянул на него. Преторианец понял, что неосмотрительно произнес это вслух. Он собрался отмахнуться от своего замечания, но капитан-генерал кустодиев не отвел взгляд. Он просто кивнул. Его глаза выдали грустный намек на понимание.

- Да, были, - сказал он. - Рожденные творить будущее.
- И наслаждаться им, - добавил Дорн.
- Да, наслаждаться. Быть его частью, а не просто повивальной бабкой. Когда нас создали, будущее стало целым.
- А теперь есть только война.

Вальдор выдохнул, затем рассмеялся. Он потер полоску коротко стриженных волос, которая тянулась по бритому черепу.

- Мы возьмем вверх, Рогал, - сказал он. - Однажды вы сломаете свой меч и повесите щит, и будете сидеть, смеяться и смотреть через это окно на золотые башни, стоящие без страха, без пустотных щитов и батарей, освобожденные от малейшей вероятности угрозы благодаря тому, что мы делаем сейчас.
- Вы ведь верите в это без всяких сомнений, не так ли, Константин?
- Я должен. Альтернатива неприемлема.
- Но, судя по вашим словам, вы не видите в этом будущем себя? - спросил Дорн.

- Мой долг никогда не закончится, - ответил Вальдор. - Примархов создали для строительства Империи. Ваша задача, какой бы сложной она ни была, конечна. Моя - нет. Кустодии рождены всего лишь для Его защиты. Вот что мы всегда делаем.

- Вы всегда считали, что примархи были ошибкой, ведь так? - спросил Дорн.

Вальдор взглянул на него.

- Я...

- У вас были опасения.

- Мои прошлые чувства едва ли имеют значение, - ответил Вальдор. - Особенно сейчас. Мы сражаемся вместе. Вы и я, подле Него, против наступления ночи. Мы должны быть союзниками, без сомнений и упреков, и я верю, что так и есть.

Он вздохнул.

- Итак...- сказал он, быстро отвлекая их от размышлений, - вы говорили. О вашем брате?

- Я позволил ему немного покипеть, - сказал Дорн. - Затем отвел в сторону и сказал, что он мог бы получить порт. Взять его с моим благословением. Речь не в том, будто я собираюсь пойти в бой вместе с ним. Я просто попросил, чтобы он отправился со своими силами туда через Колоссы и сначала немного поработал там для укрепления фронта, чтобы войска в порту могли отступить, если им придется.

- Он согласился?

- Да. Это подвижный бой. На данный момент боевые действия перед Колоссами маневренные. Белые Шрамы получают свободу. Но он понимает мои намерения.

- Сохранить ему лицо?

Дорн кивнул.

- Джагатай знает, что я не могу пожертвовать одним из двух своих верных братьев в гамбите в порту, не зависимо от потенциального выигрыша. Но он сказал то, что сказал. Он знает, что ситуация в Колоссах паскудная, и с каждым часом становится хуже. Он там застрянет. Он поймет, где больше всего нужен.

- Значит, вы хотите его направить туда?

- Я хочу его отправить туда. Хан у Колоссов, Ангел у Горгона. Но ему будет казаться, что я согласен с его стремлением к агрессивной тактике. Лица сохранены и честь спасена.

- Значит, вы манипулировали им?

- Да. И мне это не нравится. - Дорн вздохнул. - Трон, он же Хан. Великий Боевой Ястреб. Его боевая доктрина превосходна. Как полководца я выше ставлю только Робаута.

- А Робаута здесь нет.

- Нет.

Вальдор кивнул.

- Я согласен с вашей оценкой. Робаут. Хан... На самом деле есть только еще один.

- Не льстите мне, Константин.

Вальдор улыбнулся.

- Я даже не включаю вас, Рогал. Вы - Преторианец. Список начинается с вас. Нет, я имел в виду, в былые времена...

- Ах. Да. Он.

- Именно. Он.

- Что ж. Он - та проклятая причина, по которой мы все это делаем, - сказал Дорн. Он на миг задумался.

- Нет, мне не нравится манипулировать Джагатаем. Но это необходимость. Он подчеркнуто независим. Ангела же я просто прошу, и он делает. Это другой вид лояльности. А вы...

- Я? - удивился Вальдор.

- Вы мне нужны у Колоссов.

Вальдор нахмурился.

- Мой единственный долг - защищать Его, - просто ответил он. - Кустодии отошли в Санктум. Что...

- Мне нужна ваша сила на поле битвы, - сказал Дорн. - Мы должны быть союзниками, и я верю, что так и есть.

- Думаю, - неохотно уступил Вальдор, - что я могу выпустить кустодиев на поле боя, при условии, что основные силы останутся на страже Санктума. Говорите, Колоссы?

- Да.

- Следить за вашим братом?

- Нет, сражаться с ублюдками.

- *И следить за ним?*

- Да.

Вальдор чуть улыбнулся.

- Честно говоря, я рад этой стычке, - признался Дорн. - Позволить Хану немного сделать по-своему.

- Почему?

- Вся эта боевая сфера - это моя борьба с Повелителем Железа. Стратегия, контрстратегия. Доктрина против доктрины. И мы оба знаем это. Мы оба читаем друг друга, предугадываем... И мы оба хороши в этом.

- Вы десятилетиями тренировались.

- Я никогда не думал, что дойдет до практического испытания. Я просто беспокоюсь, что мы слишком хороши в этом. Маневр, контрманевр, маневр, контрманевр... Тупик. Но если я могу внести

непредсказуемый фактор, который я не создавал специально...

- Как получивший волю Великий Хан? - спросил повелитель Легио Кустодес.

Дорн кивнул.

- Это может внести небольшой элемент импровизации. То, что Пертурабо сделал с нами в порту Льва. Он позволил Кроагеру провести свою атаку, и это дорого обошлось нам. Возможно, я смогу поступить так же в большем масштабе с Джагатаем. Возможно, в свое время, этого будет достаточно, чтобы разрушить ожидания дорогого Пертурабо и перечеркнуть его решения.

- Выходит, - сказал Вальдор, - ваш сложный и всесторонний план войны теперь включает неподдающийся планированию элемент?

- Это странное время, Константин.

Вдруг пламя всех свечей задрожало. Пара погасла, выбросив струйки голубого дыма. Внешняя дверь открылась и закрылась без всякой реакции со стороны кустодия и хускарла.

Теперь они запоздало пришли в движение. По комнате прошло странное успокаивающее давление. Рядом со столом возле Дорна появилась полутьма, словно участок воздуха замазали смазочным маслом.

Цутому и Кадвалдер поняли, что это было и опустили оружие.

Дорн на секунду сконцентрировался. Даже прямо перед ним она перемещалась с легкостью периферийного образа.

Дженеция Кроле, госпожа Безмолвного Сестринства, отдала ему честь.

- Рад, что вы присоединились ко мне, госпожа, - сказал Дорн.

В ответ она с бесстрастным выражением на бледном лице изобразила знак.

- Да, куда пожелаете, - ответил Дорн, прочитав мыслезнак ее рук.

Кроле села в дальнем конце стола. Кивнула Вальдору. Гнетущая пустота ее психического небытия пропитала комнату, словно эпилептический припадок. Присутствующие почувствовали неправильность в воздухе.

- Я попросил госпожу Кроле присутствовать по той же причине, по которой попросил незаметное место, - пояснил Дорн. - Чтобы гарантировать секретность нашей беседы.

- Значит, теперь мы можем обойтись без праздных бесед и начать? - спросил Вальдор.

Открылась внутренняя дверь. Из вестибюля появился Малкадор Сигиллит в мантии с надетым капюшоном. Он занял свое место на другом конце стола.

- Теперь можем, - сказал Дорн.

ТРИ

Кроле

Говорите шёпотом

Пункт сбора

Я понимаю, что присутствую просто как плащ. Я - инструмент, который положили на дальний конец стола, чтобы другие могли свободно говорить. Я - пустое место, и именно моя пустота делает меня необычайно ценной. Они едва замечают меня. Они стараются. Даже с их бессмертными чувствами им приходится прикладывать усилия. Я - что-то размытое. Пятно. Кусочек отражённого света, в котором, если присмотреться, иногда появляется изображение женщины. Они не присматриваются, если только не обращаются ко мне. На меня трудно смотреть. И ещё труднее выносить. Я - боль в их суставах, скрип в их зубах, вкус желчи в их горлах.

Я вижу всё.

Я не участвую. Я здесь не для того, чтобы говорить. Я здесь, чтобы быть. Поэтому я наблюдаю, потому что больше мне нечего делать. Я наблюдаю, как мерцает пламя свечей. Как и у снежинок одна и та же форма никогда не повторяется дважды. Поднимавшиеся струйки дыма от фитилей, которые просто погасли, когда я вошла. Завитки дерева на столешнице, тесные линии, обозначающие прошедшие годы. Каменные стены старой галереи. Шершавые. Эмблемы, некогда представлявшие собой барельефную резьбу, от мимолётных прикосновений и быстрого течения времени стёрлись до слабых очертаний. Когда-то это место было часовней. Я так читала, в книге. Священное место, когда священному ещё позволяли существовать. Интересно, о чём здесь молились? Здоровье? Победе? Долгой жизни? Хорошем урожае? Какие были изображения? Вон та фигура... Это был бог? Медведь? Олень? Алтарь? Сейчас трудно сказать. Я узнаю некоторые, но тогда можно представить и облака, и увидеть драконов, богов и полубогов в небесах. Разум сам делает это. Он заполняет пробелы и создаёт видимость смысла там, где смысла не хватает. Невозможно сказать, что было на самом деле на этих стенах. Мифы стёрли.

И всё же боги, полубоги и герои ещё существуют. Я сижу и смотрю, как они разговаривают. Интересно, кто напишет их мифы, и сохранятся ли они или будут стёрты временем и вероломной человеческой памятью.

Они могли бы сложить хорошие мифы. Надеюсь, у них получится. Рогал, я восхищаюсь им. Он говорит. Он - средоточие всего нашего доверия. Всё возложено на него, как самая тяжёлая броня из когда-либо созданных, защита, выкованная из сверхплотной материи нейтронной звезды. Его доспехи удивительно просты. Великолепные, да, как и положено примарху-сыну, более украшенные, чем броня, которую носит его человек у двери. Но практичные. Функциональные. Они на нём, чтобы защищать его, а не производить впечатление на других. Его осанка делает это. Высокая линия скул, резкая белизна волос, тон голоса, напоминавший спокойное течение океана.

Он говорит. Я не слишком прислушиваюсь. Я здесь не из-за моего мнения. Интересно, он вообще ожидает, что я его слушаю, или считает, что я настолько же пуста внутренне, насколько и внешне. Он рассказывает о линиях обороны и пересекающихся стратегиях. Я не совсем понимаю, как он так легко удерживает в голове столько подробностей. Это самая сложная битва в истории. Он знает каждую её строчку наизусть, как любимое стихотворение. Я пересматриваю его план ежедневно, и понимаю, возможно, треть. Я не могу постичь его, хотя и обладаю выдающимися способностями в этой дисциплине. Он был рождён для этого, и никто другой не сможет.

Константин слушает, комментирует. Он понимает также хорошо, как и я, что очень хорошо, но недостаточно хорошо. Я знаю его дольше всех. Именно он поставил меня на колени перед Троном и привёл в эту жизнь. Именно он был тем, кто нашёл цель, чтобы заполнить пустую в остальном девушку.

Моя жизнь была неприятной, но была бы ещё неприятнее, если бы он не забрал меня из Альбии. Мне будет жаль, когда он умрёт.

И он умрёт. Он – кустодий. Это очень специфический долг. Воин Легионес Астартес может погибнуть в бою в случае отрицательного исхода сражения, но кустодий живёт, чтобы отдать свою жизнь. Как и Цутому Ловец Жемчуга Адриат Малпат Приоп Уран Просперо Каластар там, у двери. Я хорошо его знаю; я знаю всех кустодиев, достаточно хорошо, чтобы знать все титулы-имена, выгравированные на их аурамитовых доспехах, даже тысячу девятьсот тридцать два у Константина. Они не воины, они – защитники. Они живут, чтобы умереть, поставить себя перед Троном и принять любой смертельный удар. Космические десантники клянутся сражаться на смерть. Так же, как и я, и все мои парии-сёстры. Но кустодии, они клянутся сражаться на жизнь. Это не игра слов. Это означает, что их смерть скорее неизбежна, а не просто возможна.

Доспехи Константина великолепны. Золото более превосходное, чем золото, более богато украшенные, чем у Преторианца, потому что они прежде всего церемониальные. Рогал разрушил всё великолепие Дворца, пока укреплял его. Я думаю, он хотел, чтобы и кустодии отбросили свои доспехи и тоже облачились бы в грубый керамит. Украшения бесполезны по мнению Рогала. Но я думаю, что подобную роскошь можно простить. Если полубог предлагает свою жизнь, чтобы защитить вашу, тогда вы должны одеть его в золото, почитая его жертву.

Сигиллит слушает молча. Он второй по долголетию человек, которого я встречала в своей жизни. В этой комнате он выглядит на все свои шесть с половиной тысяч лет, крошечное создание рядом с двумя полубогами. Я причиняю ему неудобство. Моё присутствие подавляет его разум полубога так же легко, как я могла бы потушить пламя свечи перед собой. Он лишён своих чар, псайкана-маски здоровья, мудрости и целеустремлённости, которую, как мне говорили, он показывает тем немногим, с кем встречается лично. В этой комнате он – хрупкое создание, птичьи кости, собранные в тугой обёртке из тонкой кожи и сгорбленные внутри поношенной мантии. Его увенчанный орлом посох, символ его положения, прислонён к столу, как если бы ему было трудно держать его.

Для него показать себя таким, каков он есть на самом деле, значит показать, насколько важна эта встреча. Регент всей Терры стоит голым среди нас, позволив своей публичной маске упасть.

Но я не знаю причины. Рогал говорит, но всё же речь идёт о логистических подробностях. Он говорит, что осада в этот час состоит из четырёх тысяч семнадцати взаимосвязанных сражений. Сражением он называет любое боестолкновение более чем с тридцатью тысячами солдат с каждой стороны. Мы захватывали миры и с меньшим количеством. Масштаб мифический. Но мы это знаем.

Он говорит, что боевая сфера движима двумя вещами. Во-первых, его стратегическое соперничество с Пертурабо. Он описывает его как игру, но бесконечно сложную игру, с таким количеством правил, что их можно было бы закодировать в спирали ДНК. Победителем в противостоянии Рогала и Пертурабо, станет тот, кто найдёт где-то пропавший аллеломорф, какую-то следовую фенотипическую мутацию, какую-то крошечную лазейку, которую не заметил другой. Вот как всё решится. Как в игре, с Террой в качестве доски.

Вторая вещь – логистика. Она может оказаться гораздо более фатальным фактором. У нас есть только то, что у нас есть: три примарха, три легиона, Армия Эксцертус, кустодии, мои Сёстры, титаны. Если не брать в расчёт появление других, таких как Робавт, Леман или Лев, мы обязаны играть в эту игру тем, что находится во Дворце. И это огромный, но ограниченный ресурс. Конечно же мы молимся, чтобы они пришли. Лев, Волк, Повелитель Ультрамара. Если бы фрески на стенах были вырезаны сегодня, то

именно такую молитву можно было бы увидеть на них.

Но они могут прийти слишком поздно. Возможно, они вообще не придут. Их смерть может быть уже стала непрочитанными нами мифами. И у Пертурабо, Пертурабо и еретического пса, который дёргает его за ошейник-удавку, у них нет таких ограничений. Нет пределов пополнения припасами и подкреплениями. Шесть, семь, может быть, восемь примархов и их воинств, военные массы Предательского Марса, неисчислимы армии. И что ещё? Какие неуправляемые приливы войны могут хлынуть сюда из миров ксеносов, с которыми Великий Луперкаль заключил пакты? Какие реки Нерождённой мерзости могут прорвать плотины имматериума и затопить зону Гималазии?

Рогал считает и твёрдо придерживается этой точки зрения, что истощение является самой серьёзной угрозой. Мы опираемся на то, что находится у нас внутри стен. Но не они. Мы становимся слабее с каждым днём. Они становятся сильнее. Я думаю не она ли это. Причина нашего уединения. Мысли слишком ужасные для стен бастиона, слишком мучительные для ушей штабных офицеров. Этого не может быть. Мы все знаем, что происходит. Надо быть очень глупым, чтобы не знать. В главном штабе каждый день видят поток данных. Они могут, как и я, не понимать всего в полной мере, как это понимает Рогал, но суть им ясна. Нас превосходят числом, и наши шансы уменьшаются с каждым часом.

Нет, это не может быть откровением, которое Рогал боится сделать в другом месте. Тогда почему он говорит наедине, исключив даже своих старших офицеров? Почему Малкадор терпит унижение, позволяя видеть себя без маски? Зачем меня позвали отгородиться от мира?

Я испытываю странное разочарование. По-моему, Рогал слишком обеспокоен общим моральным состоянием, чтобы ясно обозначить наше бедственное положение перед другими.

Мой взгляд возвращается к свечам. Я смотрю, как их световые блики танцуют на золотой броне Константина. Я вдыхаю запах сала, мёртвого дыма, масла в дереве стола, пыли в трещинах стропил. Я вдыхаю сладкий аромат бальзамов, которыми помазали кожу Цутому; чистый, не запачканный, запах тела Имперского Кулака Кадвалдера, без пота, как у тёплой сухой собаки. Я думаю о своём долге и гадаю, чем всё это закончится. Я была шесть часов на стенах сегодня, десять вчера, восемь накануне. На моих перчатках ещё остались пятна крови. Мои пальцы пахнут смолой. Мой меч никогда не чистили так часто. Их кровь такая чёрная. Ветер на укреплениях пахнет опухольями и разлагающимся камнебетоном.

Я никогда не чувствовала себя такой усталой.

Я старше, чем хочу признаться, и старше, чем выгляжу, если кто-то вдруг захочет на меня посмотреть. Мне нечего доказывать. Мои воинские почести невозможно принизить, даже поставив рядом с достижениями этих полубогов. Войны за Наследие, Красный Мороз, обуздание Альбии, Пацифик, Последнее Единство, приведение к согласию 9-13, Пентаканес, врата Скорби, Скаган, Итрия, Ведьмины войны, Асмодокс, Каластар в паутине. Сформированные мной приданные контингенты протектората позволили Обвинительному воинству поджечь Просперо.

Нечего доказать. Я думаю о тех временах. Мой послужной список – это моя личность, ибо я лишена публичности. Я тоже миф? Конечно никто не напишет обо мне, если я не напишу. Мне некому сказать, кто будет слушать. Моя говорящая мертва. Я сама её похоронила. Я не стала брать другую. Мои израненные руки будут говорить за меня.

Интересно, почувствую ли я какое-то удовлетворение, когда настанет мой конец. Хоть какое-нибудь. Я выполню свой долг, и я никогда не отступлю от него. Но долг холодный. Он функционален, как доспехи Рогала. Он служит своему назначению. Он никогда не заполнял пустоты во мне. Я родилась пустой. Я

смотрю на пламя свечи. Я думаю, возможно, впервые в своей жизни, которую алхимия так неестественно продлила, я думаю, что смогу лелеять какое-то чувство удовлетворения. Просто что-то, какими бы ни были мои последние секунды, что больше, чем просто долг. Мысль о том, что я сделала то, что не смог бы сделать никто другой.

Пламя свечи гаснет. Рогал резко взмахнул рукой. Он говорит о Вечной стене. Нет, не стене. О порте, названном в её честь, я замечталась и потеряла нить разговора. Я понимаю, что он, наконец, говорит то, что может сказать только здесь.

Я слушаю. Он вновь подчёркивает наши недостатки в области логистики. Он вновь заявляет о том, что наши шансы уменьшаются.

Дженеция Кроле, страж-командующая Безмолвного Сестринства.

Он снова упоминает четыре тысячи семнадцать взаимосвязанных сражений, бушующих в настоящее время.

По его словам, в четырёх из них в ближайшие дни наступит критический момент: Горгонов рубеж, Колоссовы врата, порт Вечная стена и четвёртое.

Какое четвёртое? Спрашиваю я. Мои руки спрашивают. Полубоги не замечают мои мыслежесты. Константин и Сигиллит наблюдают за тем, как Рогал говорит.

Он говорит, что мы удержим только три. Вот она. Невыразимая истина, которую надо скрыть. Мы не можем удержать их все. Мы можем удержать только три. Мы балансируем на краю пропасти.

Константин не согласен. Он прерывает Рогала и начинает предлагать варианты. Передислокация сил для защиты всех четырёх. Смена доктрины. Когда Рогал встречает каждое предложение холодными данными, Константин спрашивает, не пора ли. Не пора ли вызвать "Фалангу". Не пора ли забрать Его. Последний отчаянный шаг. Увести Его. Бросить Терру и доставить Императора в безопасное место.

Рогал смотрит на Сигиллиту. Он ждёт, когда тот заговорит. Такое решение может принять только регент.

Не знаю, собирается ли он вообще говорить. До сих пор он молчал. Прежде чем он успевает это сделать, я стучу костяшками пальцев по столу.

Пламя свечей дрожит. Ещё несколько гаснут. Все трое смотрят на меня через стол, их глаза болят, когда они пытаются сосредоточиться на мне.

Какое четвёртое? спрашивают мои руки.

И Рогал говорит:

- Сатурнианская.

- Есть слабое место, - произнёс Дорн, оглядываясь на Вальдора и Малкадора. - Бесконечно маленькое, но очень реальное. В линии стены, возле Сатурнианских ворот. Его не смогли обнаружить или учесть раньше.

- Так далеко к юго-западу они ещё не атаковали, - сказал Вальдор.

- Но они могут, и они атакуют, - ответил Дорн. - Я бы так сделал.
- Почему оно было пропущено? - спросил Вальдор. - Как...
- Оно ничем непримечательное, - ответил Дорн. - Я заметил его случайно, совершенно случайно, несколько дней назад. Один человек сказал мне о кое-чём необычном. Дрожь.
- Что это значит?
- Не важно, - сказал Дорн. - С тех пор я её анализирую. Это доказано. Неоспоримо.
- Но если вы не замечали этого до сих пор, почему он заметит? - спросил Вальдор.
- Потому что он - Пертурабо, и один из нас рано или поздно должен был совершить оплошность. Решающую ошибку. Я не могу рисковать, предполагая, что он не увидит её.
- Атака в Сатурнианской, если она сработает... - начал Цутому.
- Ты на посту, кустодий! - резко произнёс Вальдор.
- Пусть говорит, если хочет, Константин, - сказал Дорн. - Он здесь. Он слышал. - Он посмотрел на Цутому. - Продолжайте.
- Если она сработает, - сказал префект-кустодий, - это равнозначно удару в сердце. Он войдёт в Санктум Дворца. Палатинское ядро.
- Обезоруживающий удар, - произнёс Малкадор, впервые взяв слово. Его голос был похож на сухой хрип, на скрип натянутой под тяжестью груза верёвки.
- Обезоруживающий удар, - согласился Дорн, кивнув. - Очень быстро и очень уверенно.
- Тогда мы укрепимся... - начал Вальдор.
- Конечно, - сказал Дорн. - Конечно. Но вот о чём я говорю. Наши силы слишком растянуты. Критические точки, Константин. Пертурабо идёт к Горгонову рубежу. Если он разобьёт нас там, то захватит центральную линию генераторов пустотных щитов и снимет защиту Санктума. В лучшем случае мы продержимся две недели.
- У вас Сангвиний в Горгоне.
- И не только он, - сказал Дорн. - Так что я верю, что мы сможем удержать рубеж. Повелитель Железа также фокусирует усилия на Колоссе. Прорыв туда приведёт его прямо к Львиным вратам. К самым дверям Внутреннего дворца. В лучшем случае через месяц. Мы ожидали, что они доберутся туда, в конце концов, если всё будет продолжаться так, как сейчас, но если Колоссы падут, это сократит на пять месяцев наше прогнозируемое время ожидания.
- Но ваш второй брат стоит там, - твёрдо ответил Вальдор. - Джагатай, благодаря вашей просьбе, и я буду рядом с ним.
- Поэтому я считаю, что и в этом случае наши силы победят, - сказал Дорн. - Далее порт.
- Он не должен взять ещё один порт, - сказал Малкадор. - У него уже есть один. Порт Вечная стена более чем удвоит его возможности по высадке наземных сил. Результатом станет полное опустошение.

Дорн кивнул:

- Потеря второго порта приведёт к эскалации осады. Я оценил преимущество, которое предоставит ему второй порт... это сократит наш порог удержания на четыре месяца.

- И лишит нас пути отхода, - сказал Вальдор. - Потеряем его, и мы больше не сможем выбрать вариант эвакуации.

Сигиллит сидел, склонив голову и накрыв одну костлявую руку другой, словно в молитве.

- Он никогда не уйдёт, - сказал он. - Вопрос остался без ответа. Я могу сказать вам, что Он не согласится на это.

- Ему, возможно, придётся, - сказал Вальдор. - Его безопасность - мой долг. Это единственная область, в которой последнее слово за мной. Я не стану спрашивать. Я просто сделаю это.

- Он ведёт собственную войну, - хрипло произнёс Сигиллит. - Вы это знаете, Константин. Если Он покинет Трон, мы потеряем больше, чем Терру.

- Четыре критические точки, - сказал Дорн. - Мы не можем позволить себе потерять ни одну из них. Но мы должны решить, какая из них является наиболее приемлемой.

- Пожертвовать одной? - спросил Вальдор.

- Пожертвовать фигурой, чтобы выиграть партию, - ответил Дорн. - Пожертвовать ферзём чтобы избежать шаха и мата. Это жестоко, но иногда это единственный вариант. От чего мы откажемся?

Вальдор внимательно посмотрел на Преторианца. Он обнажил зубы и едва ли не зарычал.

- Вы уже решили, - сказал он.

- Решил. Но я спрашиваю.

- Риторический вопрос, - сказал Вальдор.

- Мы сдаём порт, - сказал Дорн. - Это огромная потеря, но наименее тяжёлая из возможных.

Наступила тишина. Нуллифицированный воздух показался особенно душным.

- Порт, - прошептал Малкадор и слабо кивнул.

Вальдор откинулся назад. Он откашлялся. Ярость в его глазах была просто ужасна.

- Порт, - уступил он.

Дорн повернулся и посмотрел вдоль стола:

- Госпожа?

Тень вздрогнула, словно она удивилась, что с ней советуются.

- Порт, - ответила она мыслежестами.

- Итак, мы отводим войска, - сказал Вальдор. - Я полагаю, что это означает на один фронт меньше. Мы можем передислоцировать наши силы...

- Нет, - сказал Дорн. - Это самое горькое.

- Есть горькое? - спросил Вальдор с сарказмом.

- Простите, Константин, - сказал Дорн. - Нам нужно защищать порт. Создать достойную и убедительную видимость.

- Видимость? - Вальдор с отвращением покачал головой. Он выглядел так, будто хотел встать и уйти.

- Он не должен знать, что мы знаем, - сказал Дорн. - Если мы сдадим порт, Пертурабо поймёт, что мы знаем о Сатурнианской.

- И что с того? - спросил Вальдор с нескрываемым презрением.

- Для успешного захвата Сатурнианской, - медленно произнёс Дорн, - он направит элитные силы. Это будет обезглавливающий удар. Он использует самых лучших.

Он позволил этой мысли повиснуть в воздухе.

- А если вы их ждёте, то сами снимите важный скаल्प? - тихо сказал Вальдор.

- Возможно, несколько, - Дорн наблюдал за выражением лица Вальдора, ожидая его реакции.

- Я так понимаю, вы собираетесь следовать этому плану?

- Да, собираюсь, - сказал Дорн. - Если Пертурабо пойдёт на это вслепую, думая, что мы не знаем о слабости, у нас может появиться шанс совершить нечто значительное. Не просто защитить Дворец. Это самое главное. Но мы можем добиться победы исключительной важности. Нанести удар, который занимает... Сатурнианская в его стратегии.

- Это позволит нам победить? - спросил капитан-генерал.

- Это может значительно приблизить нас к победе, - ответил Дорн.

- Кого он пошлёт? - спросил Малкадор голосом тихим, как шорох живой изгороди. - По вашему мнению?

- Это удар копьём, - ответил Дорн. - Кого бы вы послали? Кто всегда был мастером такой войны?

Вальдор тяжело выдохнул.

- О, Терра! - произнёс он. - Вот почему? Вот почему мы его ещё не видели?

- Вы его знаете, - сказал Дорн. - Он хочет этой славы. Лично. Он хочет стать тем, кто прольёт кровь на Трон.

- Мы обрекаем каждого человека в порту на смерть, - сказал Малкадор. - В этом нет никаких сомнений. Мы отправим их туда с подобным знанием. И мы не можем им сказать. Они не должны знать, или эта ваша уловка не работает.

- Вы правы, - сказал Дорн. - Я никогда не думал, что буду вести такую войну. Это бремя, которое нам придётся нести. Вина, которой нет прощения.

У него закончились слова, и он провёл ладонью по рту, как будто пытаясь загнать обратно слова, которые лучше бы никогда не произносил. Он уставился в пустоту. Лицо Вальдора было бесстрастным,

как посмертная маска. Он взглянул на Сигиллиту.

Малкадор наклонился вперёд и положил на стол узловатую тонкую руку, вытянув пальцы в сторону Дорна.

- Каждый верный воин поклялся отдать свою жизнь, - тихо сказал он Преторианцу. Тяжесть сказанного ещё сильнее натянула старую верёвку его голоса. - За Терру, за Императора. Вот почему они действуют и умирают. Рогал, это всё, что им нужно знать. Это всё, что они уже знают.

- Это всё равно тяжело, - сказал Дорн. - Мне придётся отдавать приказы, глядя им в глаза и зная...

Резкий стук прервал его. Он посмотрел вдоль стола.

Кроле снова постучала бронированными костяшками пальцев по дереву, чтобы привлечь его внимание.

- Что, госпожа?

Её руки переместились.

- Да, - сказал Дорн. - Там будут демоны.

В девятнадцатый день пятого месяца северо-восточный край Императорского дворца начал исчезать.

Магнификан, восточная и большая половина мегаструктуры Дворца, уже и сам по себе огромный сверхгород, был прорван войсками предателей, что пробивались на восток от Внешней стены, и толпами сброда, наседавшими с юго-востока. Никто, даже старшие офицеры в Бхабе, открыто этого признавал, но Магнификан уже считался потерянным. Это был *нп*. Его уже нельзя было защитить от внешней атаки или удержать. Его обширная территория, включавшая почти две трети площади Дворца, в настоящее время действовала как губка. Он стал масштабным городским полем битвы, где силы лоялистов отступали, используя сдерживающие и мешающие действия, чтобы приостановить захватчиков, замедлить их неумолимое продвижение, перед тем как присоединиться к основным сражениям у Внешнего барбакана и предстать перед гордыми воротами Санктум Империалис.

Девятнадцатого числа характер этого коллапса изменился. Первыми пришли взрывы, за ними последовали огненные бури.

Первый удар поглотил участок улицы площадью почти в километр. Большие здания в эпицентре были просто распылены. Затем взрывная волна бурлящего пламени и сотрясений сравняла с землёй ещё больше, блок за блоком, дробя административный камень, гранит и сталь, разрушая здания, как лепестки в буре. Эта ракета была только первой. Её огромное огненное облако, кипевшее миллиардом искр, которые, казалось, повисли и застыли в воздухе, все ещё разворачивалось, когда упал следующий снаряд, и следующий, каждый из которых накладывался друг на друга, взрывы распространялись от первой дальней точки. Огненные облака распускались одно за другим, и гордые улицы исчезли, превратившись в пыль или свистящие осколки камня. Зажигательные заряды из липкого нафтека и аэрозольного пирозина извергались наружу, поглощая соседние кварталы, где здания пережили первые удары. Их окна были выбиты, напоминая выколотые глаза, они пылали со всех сторон, целые округа и районы поглотило море огня высотой в тридцать этажей. Пелена чёрного дыма заволочла сорок квадратных километров. Зола и нефтехимические отходы разлетелись ещё на двадцать. Порывистый ветер уносил сажу ещё дальше.

Трое из осадных командующих Повелителя Железа командиры Стор-Безашх, обученные мастерству осады самим Пертурабо, проббили стены Беотийского в начале дня, и это бедствие прошло почти незамеченным из-за интенсивных боёв в Центральном и Внешнем пределах. Сотни тысяч захватчиков кишели на искорёженных развалинах. Трудовые бригады и марсианские машины начали расчищать пути, и рабские армии потянули первые камнемёты и массбомбарды. Это были чудовищные осадные орудия, которые использовали для того, чтобы проломить стену и разрушить пустотные щиты, но их работа ещё не закончилась.

К середине дня – совершенно произвольное определение времени, поскольку небо всегда было таким же чёрным, как ночью – огромные машины заняли позиции за линией стены и начали обстрел. Гастрáfеты, гравитационные баллисты и манубаллисты хлестали подобно циклопическим арбалетам, выпуская колоссальные керамитовые стрелы или стенобитные блоки; торсионные машины и гравитонные онагры запускали летевшие по низкой траектории снаряды; противовесные требюшеты, многокамерные мангонели и манжаниксы метали ракеты по высоким траектории. Некоторые швыряли инертные, высокоплотные грузы оуслита или вольфрама, которые грязные нечеловеческие расчёты клали в сетки пращей. Уже за счёт одной кинетической силы они наносили катастрофические повреждения. Многие импровизированные снаряды представляли собой куски разбитой каменной кладки от упавшей стены или руины Беотийского района. Предатели перерабатывали город, швыряя в Дворец его же разрушенные части, чтобы разрушить его ещё сильнее. Другие машины бросали химические или фугасные снаряды, такие как пирозинозные мины или бочки со смесью газа и фуцелина, взрываясь они распространяли прожорливое пламя, которое невозможно было потушить.

С наступлением темноты, которая пришла незаметно, потому что стояла вечная ночь и стояла она уже в течение нескольких недель, подразделения петрариев внутри разрушенной Беотийской линии превратили северо-восточную окраину Магнификан в развалины и огненные бури размером с город.

Они не завоёвывали. Они сносили.

Каждый удар, а они не прекращались ни на секунду, сотрясал землю даже на расстоянии многих километров. Осколки стекла и плекса дождём сыпались из выбитых давлением окон на нетронутых улицах. Сажа плыла, подобно туману. Крыши дрожали, раскалывались и падали лавинами. Термальные трещины бежали по зданиям от фундамента до карнизов.

- Продолжаем двигаться, – приказал Камба-Диас.

Улицы, по которым они шли, были почти пустыми, стояла странно спокойная тишина, похожая на центр чудовищного шторма. С запада от них доносился оглушительный рёв военных зон Внешней стены. С востока – вулканическое столпотворение разрушения.

Люди бежали, как военные, так и гражданские. Виллем Корди (33-й Пан-Пацифик аэромобильный) предполагал, что они бежали на запад, надеясь найти какое-то убежище в Санктум Палантин. Здания стояли пустыми, техника брошенной. Небо было затянуто ядовито-жёлтым смогом, и белый пепел падал, как снег, покрывая каждую поверхность.

Громадный космический десантник вёл их дальше, почти не разговаривая. Приказы были простыми: “Держаться в месте. Стрелять только по моему приказу. Сохранять построение всегда, независимо ни от чего”. Они двигались на север, так полагал Виллем. Время от времени они пересекали пути недавних сражений: здания с пробоинами от снарядов или полностью разрушенные; тела; груды твёрдых круглых гильз, блестящих медью на пепельном снегу. Разрушенный мост, за исключением до сих пор чудом

висевшего центрального пролёта. Ущелье глубокого подземного каньона, заваленное щебнем как обрушившаяся шахта. Сообщения на стенах или дверях, отчаянные попытки рассказать семьям и соседям о том, куда ушли жильцы. На Цезийской возвышенности стояли четыре раздавленных в лепёшку имперских танка, как будто что-то огромное расплющило их ногой, а пятый сгорел и врезался в стену мануфактория шестью этажами выше, его сломанные гусеницы свисали, как кишки.

У Траксиской арки они встретили ещё одну группу с 14-й линии, сорок покрытых пеплом солдат во главе с ещё двумя Имперскими Кулаками. Легионеры с уважением встретили Диаса, и поэтому Виллем решил, что Камба-Диас не простой воин отделения. Он слышал, как они называли его лордом.

- Виллем Корди (тридцать третий Пан-Пацифик аэромобильный), - сказал Виллем. - Откуда вы?

- Лекс Торналь (семьдесят седьмой Европа Макс), - ответил один из мужчин. Мы были на четырнадцатой линии на Манихейской площади, но появились титаны.

- Тишина! - велел Диас. - Продолжаем двигаться.

Гидрогальванические предприятия в Маринском шпиле были чем-то искалечены. Цистерны с водой разрушили и по улицам и площадям растеклись триллионы тонн их содержимого, поток был быстрым и достигал полутра метров в глубину. Вода была мутной, пенистой и серой. Она несла с собой обломки и тела, куски раздувшихся трупов, на некоторых виднелись остатки брони. Солдаты пробирались вброд и карабкались по островкам щебня и осыпей. Справа протянулась большая камнебетонная набережная, но Диас не позволит им использовать её в качестве пути, поскольку она, по его словам, "поднимала их к небу в виде мишеней". Они брели вброд, замерзая, отталкивая трупы с дороги прикладами. На пенистой поверхности потока поблёскивали капли масла. Пепел падал мягким снегом. К востоку, за камнебетонной насыпью, небо было залито переливавшимся янтарным светом огненных бурь. Они чувствовали жару, но вода была ледяной, и пепельный снег падал так и не успев растаять. Джен Кодер (22-я Кантиум горта), которая так и не смогла снять помятый шлем, села на вершину одного из созданных обломками островов, и отказалась идти дальше. Виллем знал, что с такой раной ей не выжить.

- Мы должны оставить её, - сказал Диас.

Виллем не знал, что ответить.

- Я могу прекратить её дальнейшее страдания, - предложил Диас.

- Нет, лорд, - сказал Джозеф Баако Понедельник (18-й полк, Нордафриканская армия сопротивления). - Я сделаю это.

- Никакого шума, - сказал Диас после секундного раздумья. - Клинок.

Виллем наблюдал за тем, как Джозеф с трудом возвращается к груде мусора. Остальные из их группы уже двигались дальше. Огненный ад на востоке отбрасывал на воде пляшущие оранжевые отблески.

Джозеф подошёл к ней. Она ничего не видела. Она повернула голову, услышав звук его шагов.

- Кто это?

- Джозеф Баако Понедельник (восемнадцатый полк, Нордафриканская армия сопротивления).

- Оставьте меня, - сказала она.

- Я не хочу, чтобы вы страдали, - сказал он.

- Выстрел из милосердия? - спросила она.

- Это не разрешено. Извините.

- Я не хочу умереть от ножа, - сказала она. - В этом нет милосердия. Или вы собрались задушить меня, Джозеф Баако Понедельник (восемнадцатый полк, Нордафриканская армия сопротивления)?

- Честно говоря, я не знаю, что собираюсь делать, - ответил он.

Очень странная улыбка появилась на её залитом кровью лице.

- Вы очень добры, - сказала она. - Хуже для меня уже не будет, но я не хочу, чтобы стало хуже для вас. Идите, куда шли.

Она показала ему, что сжимает в руке.

- Я хочу, чтобы всё произошло быстро, - сказала она. - До сих пор не было быстро. Идите, куда шли. Я буду считать до ста.

Он не смог с ней попрощаться. Это казалось бесполезным. Он повернулся и побрёл по воде к остальным. Через несколько минут, когда они карабкались на крутой склон обломков, они услышали позади себя резкий грохот взорвавшейся гранаты. Звук отскакивал от ближайших стен и отражался от залитой водой улицы.

Диас посмотрел на Джозефа.

- Это было глупо, - произнёс он.

- Я всего лишь человек, лорд, - ответил Джозеф.

Диас внимательно посмотрел на него. Невозможно было сказать, какое выражение лица скрывалось за его сверкающим визором, но Джозеф догадался, что это был взгляд, который говорил "это одно и то же".

Это было глупо. Они не прошли и двух улиц, как их нашли привлечённые взрывом мародёры. Подразделение Предательской армии в лохмотьях и мехах, с боевой раскраской в виде черепов на лицах. Они открыли огонь из укрытия вдоль приподнятой колоннады. В разлившейся воде взметнулись брызги и облачка пара, когда лазерные разряды и бронебойные пули вонзились в неё. Двое солдат погибли, подняв небольшие фонтаны, когда упали, затем ещё один, когда он пытался убежать. Диас отдал приказ открыть огонь. Не имея никакого укрытия, кроме самой воды и нескольких атоллов из мусора, оставшие солдаты начали стрелять в ответ, их лазганы вспыхивали в поддержку болтов, которые выпускали три Имперских Кулака. Фасад колоннады покрылся пробоинами, трещинами и опалинами. Тела дёргались в сводчатых проходах, оседали, скользили или падали вперёд в воду. Огонь противника ослабел. Джозеф решил, что они дрогнули, но они готовились атаковать. Дикие фигуры выскакивали из арочных проходов, прыгали в воду, кричали, пытаясь бежать в воде.

- Держать позицию. Цельтесь тщательнее. Огонь, - приказал Диас.

Замёрзшие и промокшие, они прицельно отстреливали предателей, когда те неуклюже пробирались

через воду, пытаюсь добраться до них. Каждый смертельный выстрел обрывал ещё один боевой клич. Джозефу было невыносимо слышать эти слова. Он стрелял в лица и рты, чтобы заставить их замолчать.

Император должен у...

Стоявший рядом Виллем пробормотал:

- Это не твоя вина. Ты не виноват.

И был, и не был. В аду не существовало правил. Что бы ты сделал или не сделал, он приходил и вцеплялся в тебя.

Некоторые из предателей-мародёров были нечеловеческими гигантами. Требовалось два или три выстрела, чтобы свалить их. Затем появилось нечто по-настоящему гигантское.

Оно миновало колоннаду бегом, как будто его тянуло к огню и смерти. Оно прыгнуло, не останавливаясь сквозь арку и пролетело шесть или семь метров, прежде чем приземлилось в воду. Оно продолжило бежать, каким-то образом не обращая внимания на поток воды, который замедлял других мародёров. Его ноги взметали стены брызг. Это был космический десантник: космический десантник-предатель. Один из виденных ими берсеркеров, уничтоживших капитана Тантана и его группу в первые часы отступления. Костно-белые доспехи покрывали отвратительные символы, тело обтягивали лоскуты человеческой кожи, за спиной развевался рваный и обожжённый кольчужный плащ. Цепной топор ревел.

Пожиратель Миров.

Их стрелковая цепь, и так не ровная с самого начала, сломалась и начала рассыпаться, несмотря на предыдущие указания Камба-Диаса. Один только вид этого существа лишил их присутствия духа, и ещё ужасные, бессловесные вопли, которые оно издавало. Оно мчалось на них, подобно атакующей обезьяне, быстрее, чем кто-либо имел право двигаться в этом мире.

Но Диас тоже был быстр. Он перестал быть мрачной и молчаливой статуей, которая плавно двигалась вместе с ними, размеренной и тяжеловесной. Он превратился в размытое пятно.

Он оказался между ними и атакующим Пожирателем Миров. Он встретил его с приподнятым щитом и выхваченным из ножен длинным мечом. Удар был таким, словно лоб в лоб столкнулись потерявшие управление поезда. Взметнулся фонтан воды. Волны разбегались во всех стороны. Зубья цепного топора врезались в поднятый щит и вспыхнули синие электрические искры. Столкновение отбросило Диаса назад. Джозеф подумал, что конечно же они должны быть равны? Легионер против легионера. Трансчеловеческая сила против трансчеловеческой силы.

Но зверь в белом казался гораздо сильнее. И ещё больше. Его косящий топор снова обрушился на щит Диаса и сбил того с ног. Зверь взревел, и рубанул по погружившемуся в воду Имперскому Кулаку. Удар сопровождал ужасный треск. В воздух взлетели искры и куски жёлтого керамика.

Сторона головы монстра взорвалась. Один из других Имперских Кулаков приблизился и выстрелил из болтера. Пожиратель Миров покачнулся, часть его головы исчезла, сквозь расколовшийся керамит виднелись кровь, кости и зубы. Существо пошатнулось и бросилось вперёд. Шип на обухе топора задел отстрелившего ему лицевую панель Имперского Кулака, и швырнул его в воду. Третий Имперский кулак прицелился из болтера, но топор выбил оружие из рук. Третий Имперский Кулак подался назад, пытаясь выйти за пределы досягаемости топора. Пожиратель Миров взревел, кровь била и текла из раненой

головы, и сильно размахнулся.

Камба-Диас вынырнул из воды в волне брызг, и вонзил ему в спину силовой меч. Иссущающий длинный клинок пробил туловище. И всё же существо отказывалось умирать. Диас не вытаскивал клинок и крепко держал зверя, мешая ему приблизиться к третьему Имперскому Кулаку.

Третий Имперский Кулак вытащил компактный болт-пистолет, прикреплённый магнитным замком сзади к поясу. Вытянул руку. Он разрядил своё запасное оружие в грудь и лицо чудовища, которое Диас удерживал перед собой.

Очередь болтов издавала громкий и гулкий звук. Пронзённый Пожиратель Миров дёргался и дрожал, когда разрывные снаряды дробили его грудь, плечи и грудину, сокрушая и измельчая броню. Капли крови разлетались на шесть-семь метров. Существо обмякло, вытянулось и сложилось пополам. Диас ослабил хватку, и позволил неуклюжей туше соскользнуть в бурлившую воду. Он вытащил клинок.

Третий Имперский Кулак перезарядил пистолет, снова прикрепил его к доспехам и взял основное оружие. Второй Имперский Кулак поднялся на ноги – огромная металлическая рана пересекла щеку и переносицу его шлема.

Диас обратился к уцелевшим солдатам.

- Держите строй, когда я говорю вам, – сказал он.

Пересекая широкие и заваленные обломками открытые дворы, они получили хороший обзор огненных бурь на северо-востоке. Никто из них никогда раньше не видел столько огня, стена пламени длиной в тридцать километров и выше, чем бастионы крепости. Жара даже на таком расстоянии казалась невыносимой. Беотийский район пал. Через свои оптические прицелы они видели выживших, бегущих от края огненного ада в изрытую кратерами пустошь Дамасского парка. “Выжившие” было неправильным словом. Хромавшие, почерневшие фигуры, за которыми тянулся дым, некоторые всё ещё горели, не в силах счистить пылавший нафтек со своей плоти и одежды. Они выходили из огненного потока, словно пытались спастись, а потом падали. Край парка был завален тлеющими телами.

Падавшие белый пепел и маслянистый дождь напоминали разразившиеся одновременно снежную бурю и тропический шторм. Впереди, сквозь миазматическую пелену коричневого и жёлтого дыма, они увидели огромное сооружение с внешними барбаканами и оборонительными линиями. Виллем надеялся, что это был Анжуйский бастион, хотя и предполагал, что тот находится намного западнее и является источником доносившегося с той стороны постоянного грохота казематного оружия. Они не могли увидеть истинный размер или форму сооружения, к которому приближались. Дым заполнил воздух, небо и заслонил всё, кроме нижних земляных укреплений и передовых батарей крепости. Чем бы ни являлось это место, оно было огромных размеров. Оно обещало долгожданные безопасность и укрытие.

Они приближались к передовым укреплениям по проезжей части дороги, старому транспортному маршруту, проходившему мимо изуродованных или заброшенных жилых зданий. Снаряды начали падать позади них, в двух или трёх километрах к востоку, огромные глыбы камня, которые швыряли метательные машины, они падали беззвучно и врезались с сотрясавшей землю силой, каждый удар вызывал ошеломляющий грохот невероятного масштаба, беспламенным взрыв, столб грязи и обломков. Диас приказал двигаться вдвое быстрее.

Защитники передовых укреплений ждали: потрёпанная лоялистская армия, Солнечная ауксилия,

городское ополчение. Их позиции выглядели в целом неплохо, некоторые были возведены по всем правилам военной науки, некоторые – собраны из того, что оказалось под рукой. Оружие поддержки в выкопанных огневых ямах, траншеях, керамитовых капонирах; колья с протянутой между ними колючей проволокой, и разбросанные противотанковые ежи, чтобы повредить приближавшуюся бронетехнику.

Они пересекли железный настил временного моста, переброшенного через глубокий теплоотводный канал, который укрепили и превратили в защитный ров. Навстречу им вышли вооружённые люди. Несколько солдат из отставшей группы заплакали от облегчения.

Виллем видел, как из-за палисада вышел космический десантник. Его доспехи были белыми, но светились как жемчужина. Символы были красными. Он не носил шлем, поэтому было видно выбритый скальп и бороду. Белый Шрам подошёл к Диасу, поприветствовал, а затем обнял брата. Они разговаривали, но находились слишком далеко, чтобы Виллем мог разобрать о чём именно.

- Здесь мы можем сражаться, – сказал Джозеф Виллему. Виллем кивнул.

- Цитадель, – сказал Паша Кавеньер (11-й тяжёлый янычарский). Он смущённо вытер слезы со щёк. – Безопасность, хвала Трону.

Джозеф улыбнулся одному из солдат Солнечной ауксиллии, который их сопровождал.

- Джозеф Баако Понедельник (восемнадцатый полк, Нордафриканская армия сопротивления), – сказал он.

Мужчина взглянул на него и пожал плечами.

- Аль-Нид Назира, Ауксиллия, – ответил он.

- Что это за место, друг? – спросил Джозеф.

- Порт Вечная стена, – ответил солдат.

ЧЕТЫРЕ

Убежденность

Гром копыт

Ненавидь все, побеждай несмотря ни на что (объективная тактическая ясность)

Надзиратель стражи, ветеран Солнечной ауксиллии по имени Васкаль внимательно проверил их удостоверения. Нахмурившись, он дважды пропустил их через оптическое считывающее устройство. Прежде он таких документов не видел, но печать Преторианца была подлинной.

- Кирилл Зиндерманн, Гари Гарр, – пробормотал он, вернув их. – Цель посещения?

- Нас уполномочили собирать отчеты, – ответил Гари. – Документировать в виде...

Зиндерманн остановил его, положив руку на рукав парнишки и предостерегающе улыбувшись.

- Надзиратель, – обратился он к Васкалю, – наши удостоверения призваны снимать необходимость повторного объяснения. Наша работа срочная, а время ограничено.

Воздух задрожал. Прокатился далекий гром. Макроснаряды падали подобно граду на пустотные щиты в двадцати километрах отсюда. Зиндерманн наклонил голову при этом звуке.

- Ограниченно, - повторил он.

Васкаль обиженно кивнул. Он взял свои костыли и провел их через внутренние двери. Каждый шаг издавал одновременный двойной стук тростей и волочащее шарканье одного ботинка. Усилия заставляли надзирателя кряхтеть и морщиться.

Чернокаменная была большим и массивным крылом на краю комплекса Гегемон, построенным прочно, как и любое укрепление Дорна, но с противоположной целью. Ее предназначение - не выпускать. Мрачные стены из травертина тридцатиметровой толщины были укреплены контрфорсами из добытого на Кадии ноктилита, а каждый коридор перекрывали несколько противозрывных дверей и опускающихся решеток. Чернокаменная служила Императорскому Дворцу в качестве главного места заключения. Другие тюрьмы, предназначенные для гражданских преступников, находились в Магнификане, хотя одна судьба знала, что стало с ними и их заключенными. Только подуровень, известный под названием Темница под Палатинским Центром, был более охраняемым местом заключения. По словам Васкаля, большую его часть освободили. Он не знал причины. Предатели, политические преступники и прочие рецидивисты были переведены в Чернокаменную.

- Трон знает, почему так, - пробормотал Васкаль. От усилий он запыхался. - Нам следовало бы их всех расстрелять. И делу конец.

- Расстрелять? - спросил Гари.

Васкаль пожал плечами, повернувшись к ним и ожидая, пока один из его людей открывал следующую череду дверей.

- Ликвидировать. А что? Время - не единственная ограниченная величина, джентльмены. Пространство тоже. Ресурсы. Мы держим этих чертей в тепле, безопасности и сытыми. Вы видели, каково снаружи. Хорошие люди голодают, молят об убежище.

Зиндерманн кивнул. Они видели. Когда спешили по улицам вокруг Гегемона, то проходили через толпы перемещенных и пострадавших, мимо просителей, бесплатные столовые и центры социального обеспечения. Санктум Импералис наводнили беженцы в поисках убежища, и Зиндерманн знал, что это только частица несчастной массы, пытающейся получить доступ из внешних районов Дворца.

- Так вы видели казни этих заключенных? - спросил Зиндерманн.

- У них больше места и лучше питание, чем у любого ублюдка снаружи, - ответил Васкаль. Он взглянул на охранника. - Шевелись, Геллинг! Ты знаешь коды!

Надзиратель оглянулся на Зиндерманна и его молодого спутника, высматривая в их лицах признаки понимания.

- Чернокаменная - большое место, - сказал он. - Мы могли бы принять излишек людей. Разместить тысячи. Временно, конечно, но лучше чем...

- Снаружи? - спросил Зиндерманн.

Васкаль кивнул.

- Мы установили ежедневные рационы пищи и воды для заключенных. Разве не пустая трата? Они не нашей стороне или бы не оказались здесь. Зачем кормить и размещать их, когда мы не можем кормить и размещать своих?

- Думаю, ответ на этот вопрос лежит в области этики, - рискнул ответить Зиндерманн. - В попытке сохранить своего рода порядочное человеческое общество.

- Серьезно? Вот так? - спросил Васкаль. Он обдумал слова Зиндерманна. - Вы ведь составляете отчеты, не так ли? Проводите опросы? Мое имя будет указано?

- Нет, сэр, - ответил Зиндерманн.

- Я не стыжусь своего мнения, - сказал Васкаль.

- И вы имеете право на него.

- Нет, я вижу этот взгляд. Высокомерный, надменный, либерально-интеллектуальный... Я не предлагаю какую-то евгеническую чистку, я...

- Я и не говорил, что вы предлагаете, - перебил Зиндерманн. - Вы в отчаянии. Мы все. Мы оказались в самой величайшей осаде в истории, и все, что у нас есть - уменьшается и заканчивается. Вас обязали содержать и кормить преступников, угрожающих нашей независимости, в то время как добрые люди остаются ни с чем. Так что вы озвучиваете прагматичную мысль.

- Прагматичную, - кивнул надзиратель.

- Жестокую, но прагматичную, - сказал Зиндерманн. - Боюсь, вы правы. До этого может дойти. Я также боюсь, что если это произойдет, то мы пересечем линию и станем не лучше тех существ, что пытаются прорваться через эти стены. Васкаль нахмурился. Охранник открыл двери и махнул посетителям в сторону длинного сырого коридора, который был совершенно лишен убранства и надежды.

- Где вас ранили? - спросил Гари, когда они вошли.

- Меня? - переспросил Васкаль, оглянувшись. - Рассветные врата, около трех недель назад. Не повезло. Оторвало ногу, раздробило бедро. Не могу сражаться на передовой, но достаточно надежен для надсмотрщика здесь.

- А где предыдущий надзиратель? - спросил Гари.

- На передовой с оружием в руках, - ответил Васкаль, мрачно рассмеявшись. - Мы все делаем то, что можем, ведь так?

- Так, - сказал Зиндерманн.

Очередной охранник открыл очередную дверь, и надзиратель привел их в широкое каменное помещение - общую столовую. Над скамейками располагались посты охранников.

Васкаль по воксу приказал привести заключенного из камеры.

Надзиратель посмотрел на посетителей.

- Приношу извинения, если мое замечание задело вас, - сказал он.

Зиндерманн покачал головой.

- Сейчас мы все в одной лодке, - ответил он. - Мы служим Императору, как можно лучше. Сражаемся, если можем. Если не можем или ранены, служим другим способом, но по-прежнему как можно лучше. Каждая рана - это боль. Каждая рана еще немного сжимает Дворец. Но мы служим. То, что вы предлагали... Сэр, я надеюсь, это не станет необходимостью. Не вы один видите худшее и понимаете, на какие действия оно может нас подвигнуть.

Васкаль коротко кивнул.

- Сообщите охранникам, когда соберетесь уходить, - сказал он и захромал прочь, стуча металлическими костылями.

- Вижу, вы познакомились с надзирателем, - сказала Эуфратия Киилер. Они сели напротив нее за один из неровных обеденных столов. Гари вынул потрепанный инфопланшет и положил перед собой.

- Надзиратель просто чуть ближе к отчаянию, чем мы, - сказал Зиндерманн.

Киилер пожала плечами.

- Говори за себя.

Ее прямые волосы были распущены и немыты. Кожа болезненно бледная. Ей выдали армейские ношенные брюки, мешковатую льняную сорочку и шерстяные рукавицы.

- Рад снова видеть тебя, Эуфратия, - сказал Зиндерманн.

- Кто это? - спросила она.

- Это Гари, - ответил Зиндерманн. - Он со мной.

Киилер посмотрел на юношу.

- Беги, Гари, - сказала она. - Общение с Кириллом ни к чему хорошему не приводит. Это не его вина, но это правда.

- У меня все хорошо, мадам, - ответил Гари.

- Так в чем дело? - спросила Киилер Зиндерманна. - Ты принес помилование с моим именем? Нет, сомневаюсь. Я придерживаюсь взглядов, которые признаны опасными. Они считают, что я не отрекись. Но ты, ты на свободе. Ты отрекся от своих взглядов?

- Нет, - ответил Зиндерманн. - Тем не менее, условия Сигиллита были четкими. Свобода передвижения и никаких обвинений теистам, при условии, что они не практикуют и не пропагандируют культ.

- Культ? - грустно повторила она.

- Это его определение, - сказал Зиндерманн. - По правде говоря, на данный момент я отказался от своей веры. Она и так становилась нетвердой. Ее лицом всегда была скорее ты, чем я.

- Кирилл, ты был голосом...

- Я оставил одну истину ради другой. Подлинной Истины. Имперской Истины. Свет тускнеет, Эуфратия. Даже за то короткое время, что прошло с нашей последней встречи. Ад воцаряется вокруг нас...

- А Император защищает, - напомнила она.

- Защищает, - согласился Зиндерманн. - И Он может ликвидировать движение теистов в любой момент. Я ценю свою свободу... Что иронично, учитывая, что мы все заперты здесь. Но на данный момент я оставляю священное служение ради мирских трудов.

Зиндерманн показал ей свое удостоверение. Она внимательно рассмотрела его.

- У меня есть такое для тебя.

- Seriously? Кирилл? Это? Летописец?

- Я был близок к тому, чтобы сдать, - спокойно ответил Зиндерманн. - Бросить все. Я потерял веру. Свою веру во все, включая в принципы нашего Империиума. Кое-кто напомнил мне, что мы не просто сражаемся за свои жизни. Мы сражаемся за наш образ жизни.

- Мне не нужна чертова итерация, Зиндерманн...

Зиндерманн мягко поднял руку.

- Я знаю, Эуфратия. То, что мы создали вместе, независимо от наших представлений о его духовной или мирской природе, начало рушиться. Это наш долг сражаться за него. За каждую часть. Мы - не легионеры, даже не солдаты. Есть разные причины для борьбы и разные методы борьбы.

- Есть только одна причина для борьбы, - возразила она.

- Какая же?

- Император, Кирилл.

- А что есть Император?

Она улыбнулась.

- Людям становится не по себе, когда я отвечаю на этот вопрос, Кирилл.

- Почему? - спросил Гари. - Что вы им говорите?

Киилер ласково улыбнулась юноше.

- Трон, Кирилл! Ты не мог ввести в курс дела этого бедного мальчика? Он что, не знает, какой яд я распространяю?

- Думаю, он дразнит тебя, - сказал Зиндерманн и взглянул на Гари. - Ты дразнишь?

- Немного, сэр, - ответил Гари.

Киилер рассмеялась.

- О, ты мне нравишься! Приношу извинения, Кирилл. Я должна была знать, что ты выбираешь смысленых, умных людей. Он выглядит таким невинным. Сколько ему лет?

- Достаточно, - ответил Гари.

- О, теперь ты все испортил, Гари, - сказала Киилер, цокая языком. - Пытаешься выглядеть взрослым жестким мужчиной.

Спутник Зиндерманна не ответил. Киилер пристально посмотрела на него и нахмурилась.

- Что ты записываешь? Что он записывает, Кирилл?

- Я сказал Гари, что он может делать заметки... - начал Зиндерманн.

Киилер выхватила у юноши инфопланшет. Гари взглянул на Зиндерманна.

- Заметки, - сказал Киилер. Она откинулась назад, пролиставла, почитала. - Удивлена, что они позволили пронести это внутрь.

- Надзиратель проверил наши вещи, - сказал Зиндерманн.

- Да, Кирилл, - ответила она, продолжая читать, прокручивая страницы указательным пальцем. - Но пишущий инструмент? Когда меня так переполняют слова? Разве планшет не считается оружием в эти дни?

Она замолчала, изучая текст.

- Эуфратия Киилер. Иماجист. Бывший летописец, - прочитала она вслух. - Пропагандист так называемого *Lectitio Divinitatus*, в скобках теист. Переведена в комплекс Чернокаменная, тринадцатое квинтуса. Бледная. Волосы распущены, выглядят немывтыми...

Она посмотрела на Гари.

- Они не дают мне ленту, Гари. И воды не хватает. - Эуфратия продолжила чтение. - Выглядит здоровой. Н/П. - Она снова посмотрела на юношу, недоуменно.

- Э-м, аббревиатура, мадам. Непримечательная.

Она фыркнула, обдумывая замечание.

- Непримечательная. Почему? Чего ты ожидал?

- Это всего лишь аббревиатура, - ответил Гари. - Я делаю много заметок. Указываю любую отличительную особенность...

- Ты прав, - сказала Киилер. - Я непримечательная. Просто человек с обычными чертами и в грязной одежде. - Она держала планшет так, чтобы видеть его, и теребила перчатку, как будто та могла соскользнуть с ее руки. - Моя единственная примечательная черта, Гари, причина, по которой я здесь нахожусь - это идея в моей голове. За исключением небольшого упоминания, больше не о чем говорить. То, как я выгляжу - неважно. Важно то, как я думаю. Об этом должно быть много страниц. Кирилл не рассказывал тебе?

- Нет, мадам, - ответил Гари. - Он не рассказывал мне об идеологии теистов. Ни мне, ни кому-либо еще из группы.

Киилер посмотрела на Зиндерманна.

- Я разочарована, Кирилл.

- В самом деле? - удивился Зиндерманн. - Ты думала, после публичного отречения я продолжу в тайне, да еще без тебя?

- Ты мог бы сделать это, - сказала она.

- Как и ты, - ответил Зиндерманн. - Нарушение указа Сигиллита - это подстрекательство к мятежу, Эуфратия. А подстрекательство внутри этого города - это ненужная проблема, когда у нас их и так достаточно. Делает ли это меня трусом? Ты могла быть на свободе, проповедуя в тайне, но что-то, не знаю... гордыня? Что-то заставило тебя остаться верной своим убеждениям. И вот ты здесь, разъясняешь свою позицию там, где тебя никто не услышит. Так что давай не будем продолжать. Мы оба приняли решение. И оба придерживаемся их.

- Они следят за мной, - тихо сказала Киилер. Она положила инфопланшет и толкнула его к Гари. - Следят пристальнее, чем за кем-либо. Я ничего не смогла бы сделать снаружи. Все, что мне оставалось - это сохранять свою веру.

- А я не смог, - сказал Зиндерманн. - Не так, как тебе было нужно.

- Но это была не вера, Кирилл, - сказала она. - У тебя было доказательство. Свидетельство твоих ощущений. Тебе больше не надо полагаться на веру. Ты видел это, так много раз, Кирилл! Но особенно в порту, со мной, ты увидел...

- То, что я увидел, и сломало меня, Эуфратия, - сказал Зиндерманн. Она выглядела потрясенной. - Вера обладает очень специфическим свойством, - продолжил он. - Когда представлены доказательства, разум поступает иначе. Я был воодушевлен, день, может два. Но доказательство разрушает терпение, которое дает вера. Я начал думать «если Он - бог, и я видел доказательство этому, почему Он не действует? Почему Он не покончит с этим? Ведь Он, несомненно, может! Почему Он позволяет нам страдать?»

Зиндерманн наклонился вперед, опустив глаза и водя пальцем вокруг знака узла на столе.

- Моя вера не пережила доказательства, - сказал он. - Я не смог вынести мысль, что Он позволяет это.

Кирилл посмотрел на Киилер.

- Мне жаль, - сказал он. - Экзистенциальная угроза почти сокрушила нас. Я нашел кое-что иное, что могу делать, кое-что практичное. Всем нужно работать сообща, сотрудничать любым возможным образом. Мы нуждаемся в единстве намер...

- Император и есть единство, - сказала Киилер.

- Не начинай проповедь.

- Я не проповедую. Это просто истина.

- Твоя истина, - сказал Зиндерманн, - и она прекрасна, я по-прежнему верю в это, но твоя истина не выиграет эту войну. Поэтому я пришел попросить тебя, подумать...

- Она выиграет, - сказала Киилер. - Возможно, только она и может.

- Ты собираешься выслушать? - спросил Зиндерманн. - Думаю, я позволю Гари разъяснить тебе...

- Мне не нужны объяснения от вас, - сказала Киилер. - Такой же аргумент нам давали перед тем, как отправить на флоты. Война - это необходимость, но наша культура выше этого. Должна быть.

- Верховенство права. Свобода. Этические ценности... - кивнул Зиндерманн.

- Ответственно задокументированная история, - продолжила она. - Прогресс, а не стагнация. Продвижение дальше простых обязательств завоевания. Человеческое общество, которое делает больше, чем истребляет внешние угрозы. Потому что это, как ответ на твой вопрос, и есть то, чем является Император - воплощение великого замысла. Его замысла, задуманного в первые эпохи. Человечество - великая, разумная сила. Цивилизация. Цель. Зачем уничтожать угрозы, если они угрожают только нашим жизням? Почему наши жизни чего-то стоят? Потому что мы больше, чем просто разрушители. Мы - не армия. Мы - культура.

- Которая случайно получила армию, - сказал Гари.

- Мне он снова начинает нравиться, - заметила Эуфратия.

- Меня попросили вновь сформировать небольшой орден летописцев, - сказал Зиндерманн. - Возможно, это выглядит роскошью в такой час, но это не так. Он представляет то, за что мы сражаемся. Нашу сущность.

- Этическую систему, которая оправдывает нас, - сказала Киилер. - Как пристойное обращение с заключенными. Да, я много разговаривала с надзирателем. Он указал на важную деталь.

- К сожалению, да, - сказал Зиндерманн, - что показывает важность тех принципов, за которые мы цепляемся в своей борьбе, и которые отличают нас от животных - знания, идеи, моральный кодекс...

- А история, в самом деле, располагается высоко в этом списке? - спросила женщина.

- Если мы выживем, ты бы хотела снова пройти через это? - спросил Зиндерманн.

Она вздохнула.

- Так кто поручил тебе это благородное задание, Кирилл? - спросила Киилер.

- Дорн, - ответил он.

Киилер кивнула, неохотно впечатленная.

- Могущественный полководец полон сюрпризов, - сказала она. - Он и в самом деле хочет этого?

- Да, для него это важно. Но он очень занят. И поручил мне сформировать небольшую группу летописцев. Кем бы ты ни была, кем бы ты ни стала, ты - ветеран этой службы, так что я сразу подумал о тебе.

Киилер снова взяла удостоверение.

- На нем не написано «летописец», - заметила она.

- Но ты сразу же угадала мою цель.

- Потому что ты никогда не меняешься. - Она посмотрела на удостоверение. - Этот символ, знак «И»...

- Сокращение от «испрашивание». У нас есть разрешение на опрос и запись. Слово «летописец» для многих несет печальный смысл. Мы будем опрашивать любого, у кого есть время поговорить.

- И обнародовать где? Когда? - спросила она.

Зиндерманн пожал плечами.

- Может быть нигде, может быть никогда.

- Потому что мы все умрем? - спросила она.

- Да, а еще то, что мы записываем - слишком чувствительная тема, - ответил Зиндерманн. - Слишком опасная для восприятия гражданами. Последнее слово за Дорном. На данный момент мы собираем. Накапливаем и собираем. Материал, который мы собираем, может быть опубликован, когда все закончится, или изъят для официального отчета.

- Или сожжен с нами?

- Еще один вариант, - подтвердил Зиндерманн.

Киилер откинулась, играя с удостоверением. Она посмотрела на своего старого друга.

- Мне думается, то, что я захочу записать, окажется тем, что наш Империиум засекретит.

- Я тоже так думаю, Эуфратия. Но это не причина не записывать их. Мне нужна твоя помощь.

- Я бы хотела сделать больше, чем просто сидеть здесь, - согласилась она.

- К сожалению...

Все трое обернулись. Из теней вышел кустодий. Его золотая броня, казалось, сияла, словно затухающие угли во мраке тюрьмы.

- К сожалению? - спросил Зиндерманн.

- Печать Преторианца обладает большими полномочиями, - сказал Амон Тавромахиан. - Но в вопросах идейной убежденности слово Сигиллита весит больше. У меня четкие приказы. Киилер не позволено выходить за пределы этого подземелья, потому что она отказывается отречься от своей веры. Она не может выйти. А значит, не может участвовать в вашей работе.

Зиндерманн печально подался назад.

- Я боялся, что так случится.

- Мне жаль, сэр, - сказал Амон. - В отличие от вас, леди Киилер не откажется от своего пастырства. Она не скрывает этого.

- Я верю, что Император - бог, - прошептала Киилер через стол Гари,

- Я знаю, - ответил Гари.

- Настоящий бог.

- Я знаю, мадам.

- И это не популярная идея, - прошептала она, - особенно у Императора.

- Пожалуйста, прекратите, - сказал Амон.

- Он как будто не хочет, чтобы люди знали, или что-то вроде того, - сказала Киилер. Она посмотрела на кустодия. - Так я не могу уйти, Амон?

- Нет.

- Сколько здесь заключенных, кустодий. В Чернокаменной?

- Девять тысяч восемьсот девяносто шесть.

- И у всех есть своя история, - сказала она. Киилер взяла удостоверение и посмотрела на Зиндерманна. - Я сделаю это, Кирилл, но мне придется работать из своего места пребывания.

- Что скажешь о ней? - спросил Зиндерманн.

- Не непримечательная, - ответил Гари. За ними закрылись ворота посетителей Чернокаменной. Они прошли по подъездному мосту, мимо бездействующих зенитных батарей под брезентом, чтобы присоединиться к оживленному пешеходному потоку на главной дороге. Перед ними поднималась каменная гора Гегемона, закрытая бронеплитами и усеянная орудийными позициями, которые цеплялись, словно плющ к каждой платформе и площадке. Над ними небо пульсировало фиолетовым цветом с черными прожилками. Зиндерманн почти видел струящееся искажение пустотных щитов. На востоке и северо-востоке небо мерцало шафрановым цветом. Внезапные белые вспышки и скоротечные цветки ярких искр говорили о титанической битве, размах которой скрадывался расстоянием.

- Она была немного запуганной, - допустил Гари.

- Запуганной?

- Неверное слово, - признал юноша. - Свирепость. Самообладание. Как будто она видела то, что не может корректно передать или знает то, что не может должным образом сформулировать.

- Ты считаешь, она не ясно формулирует мысли.

- Да. Присутствует убежденность. - Гари задумался. - Но идея, что Император - бог... Это ведь просто утешение, ведь так? Продукт эсхатологического склада ума.

- Из-за того, что наш мир приближается к своему концу, она цепляется за то, что дает надежду?

- Это общий синдром, - сказал Гари. - Как... предсмертное покаяние. Во времена бессилия, мы ищем смысл и источник силы. Император - это то, что, превыше нас, намного больше, чем человек. И так легко поверить, что Он - подлинный бог, особенно, если мы столкнулись с тем, что прежние эпохи сочли бы демонами. Сущностям варпа дали объяснение в сверхъестественных терминах, потому что у нас нет подходящего языка для описания их природы. Если сверхъестественная тьма существует, тогда должен существовать и сверхъестественный свет, потому что люди реагируют на симметрию. Император проявляется богоподобными способами, следовательно, Он должен быть богом. Это успокаивает. Дает утешение отчаявшимся. Мы хотим верить, что некая высшая сила спасет нас. Император с легкостью соответствует этим требованиям, вопреки любому свидетельству или доказательству. Потому что мы хотим быть спасенными.

- Так дело в психологии? - спросил Зиндерманн.

- С клинической точки зрения, полагаю, что да, - ответил Гари. - И это вполне объяснимо. Суеверие часто встречается в эти дни. Счастливые ботинки, счастливые ружья, счастливые кепки. Мы ищем знаки, чтобы обнадежить себя.

- Ты не считаешь, что Император спасет нас, Гари?

- Я надеюсь, что Он спасет, - сказал Гари. - Думаю, Он спасет. Но не потому что Он - бог.

Они шли по Южной площади Гегемона через толпу. Отчетливо звонил монастырский колокол, медленные глухие ноты разносились над гулом толпы. Начался дождь

- Я задел вас? - спросил Гари.

- Что? Нет. Я просто думал, что твои слова напоминают мои собственные.

- Когда именно?

- Семь лет назад, Гари, - сказал Зиндерманн.

- Вы немного рассказывали об этом, - сказал Гари. - Если точнее, вообще не рассказывали. Вы некоторое время разделяли ее убеждения. Поддерживали их. Что заставило вас поверить?

- То, что я увидел, - сказал Зиндерманн.

- А что заставило эту веру погаснуть?

- Она не погасла.

Зиндерманн остановился и посмотрел на юношу.

- Но моя вера не пылает, как у нее. И я не рассказываю о своей вере, потому что слишком легко отвергнуть ее, как психологический аспект. Хочешь знать правду?

- Да, сэр.

- Религия была болезнью, что сковывала нас тысячелетиями. Вера не один раз почти погубила нас. Она была добровольным невежеством, стремлением принять то, что нельзя продемонстрировать. Оно сдерживало нас. А хочешь знать другую правду?

- Конечно.

- Это то, чего я боюсь. То, что делает меня скрытным. Что она права.

- Ох, - удивился Гари.

- Как сильно мы будем страдать, Гари, если будем вынуждены принять, в конце концов, то, что боги и демоны? Хочешь знать настоящую истину?

- Да, сэр.

- Тогда иди и найди ее. Расспроси весь мир. Найди ее для себя.

Большая часть остальных ждали их под портиком гражданского входа в Гегемон. Кислотный дождь барабанил по перистиллю, который более двухсот лет допускал прихожан к публичному голосованию. На плитах собирались лужи, а редкий туман зависал там, где химическая реакция глодала камни. Колокол продолжал звонить. Здесь была Церис, завернувшись в стеганную военную куртку с отделанным мехом капюшоном. Динеш в непромокаемом плаще. Мандип и восемь других первых новобранцев Зиндерманна.

Церис выглядела взволнованной.

- Нам выдали разрешение на доступ в расположение войск и отказ от претензий, - сказала она.

- Это от Диамантиса? - спросил Зиндерманн.

- Да, - ответила она. - Он недоволен. Думаю, мы для него хлопоты, от которых он хочет избавиться. Но он должен выполнить данные ему приказы.

Она протянула пластиковую папку, забитую официальными документами и сопроводительными карточками.

Зиндерманн взял ее и начал просматривать.

- Предоставления полномочий, чтобы нас могли рассредоточить по линейным частям, - сказала она. - Одних в Санктум. Других на Внешний.

- Некоторые из этих назначений будут опасными, - заметил Зиндерманн.

Церис бросила на него сердитый взгляд.

- Понятное дело. А где не опасно? Если мы останемся здесь надолго, дождь убьет нас.

Кто-то рассмеялся.

Зиндерманн поднял на них взгляд.

- Вы готовы к этому? - спросил он. - В назначениях нет имен, так что мы можем выбрать. Я не хочу, чтобы вы все вцепились в самые опасные места. Там, в самом деле, опасно и нет никакой романтики. А внутри Санктума необходимо сделать много плодотворной работы. Дело тут не в очаровании передовой.

- Я уже начал опросы в лагерях беженцев, - сказал Мандип. - Я бы очень хотел продолжить этот проект. Там много материала от очевидцев.

- То, что нужно, - похвалил Зиндерманн.

- Я подумала, может быть, отправиться в мануфактории, - сказала Лита Танг. - В частности, заводы по производству снаряжения.

- Верно, записать, что эти огромные военные усилия не ограничиваются только сражениями, - сказал Зиндерманн. - Думаю, это важная точка зрения, Лита.

- Можно посмотреть? - попросил Гари.

Зиндерманн передал ему папку. Гари начал пролистывать списки.

- Я бы хотел взять этот, - сказал он, показывая Зиндерманну карточку. - У меня была семья в северной зоне.

Зиндерманн прочитал и кивнул.

- Если ты этого хочешь.

- Как вы сказали: иди и найди ее, - напомнил Гари.

- Ее там может не быть.

- Тогда я начну оттуда.

- Но вы не можете выбирать, - обратилась Церис к Зиндерманну.

- Что?

- Могучий хускарл Диамантис выразился предельно ясно, - сказала она. - Мне кажется, что это распоряжение самого Преторианца. Ему нужны вы, если пожелаете, со спутником. Он замыслил что-то особенное для вас. Завтра вы должны прибыть в Бхаб. Зиндерманн взглянул на Гари. Юноша изучал выбранный им список. Зиндерманн снова посмотрел на группу.

- Значит, ты, Терайомас, пойдешь со мной.

Он посмотрел на остальных.

- Что ж. Давайте приступим к нашим историям, - сказал Зиндерманн.

Вражеские стены приближались. Участок километровой ширины, который состоял из связанных пластами керамитовых плит, установленных подобно бульдозерным отвалам на каркасах гигантских тягачей и соединенных почти внахлест, катился вперед. В амбразурах плит мелькали вспышки и раздавался треск беспокоящего огня, а над плитами пролетали снаряды тяжелых батарей, установленных в тыльной части тягачей. За продвигающимися стенами под проливным дождем шла тяжелая пехота. Пораженные болезнью штурмовые части распевали на ходу и стучали древками пик по щитам в похоронном ритме. Имперские части, расположенные ниже внешних укреплений Колоссовых Врат, открыли сдерживающий огонь. Полевые орудия начали стрелять, расчеты без усталости работали в содрогающихся орудийных окопах, которые, несмотря на дождь, быстро наполнились пылью и дымом. Первые снаряды упали недолетом, подняв гейзеры грязи на перепаханной равнине. Другие угодили в наступающую стену, пробивая керамит и омывая машины огромными волнами грязи. Ракетные батареи и казематные пусковые установки на внешней стене присоединились к обстрелу, выплевывая ракеты, которые устремились в защитную стену. Пехотные подразделения укрылись во внешних траншеях, примыкая штыки и готовя древковое оружие. Проверяли работу цепных клинков. Освещали стрелковые рвы. Большинство солдат были из смешанных бригад Импералис Ауксилия, отделения возглавляли ветераны Антиохских воинов вечерни и Киммерийского военного корпуса, оба полка принадлежали Старой Сотне. Среди них мелькали желтые и красные доспехи - редкие космодекантики, разбросанные по боевым частям.

За передвигающейся стеной поднимались и разворачивались знамена. Начертанные на них богохульства дрожали под дождем. Над открытой местностью поднимался белый дым, почти чисто белый, как перистое облако. Он образовался от смешения военных химикатов и газа с кислотным содержимым дождя и перепаханной почвы. С краю белый вал пронизывали тонкие нити черного дыма, тянущиеся из стрелковых траншей.

Силы предателей потратили девять дней, чтобы пробиться из захваченного порта. Они разрушили почти все на своем пути, оставив разоренную пустыню из дымящихся обломков там, где когда-то стоял целый городской район. Колоссы были опорным пунктом, самым северным и первым из линий огромной крепости, который защищал подход к Львиным Вратам. Колоссы не были переоборудованы в укрепление, как некоторые из их благородных братьев. Они не были гражданским сооружением,

перестроенным для военных нужд, как массивные пристройки на Горгоновом рубеже. Колоссовы врата были важнейшей крепостью Внешнего барбакана, огромным комплексом стен и концентрических укреплений, чьи внутренние позиции оснащались собственными пустотными щитами. Они были спроектированы останавливать и отражать любое наступление с севера.

Поначалу противник остановился. Обстрел с Колоссов отбросил его, перемалывая по приказу Дорна уже очищенную местность дочиста. Враги заняли позиции в восьми километрах и взялись за работу: контрваланционная дуга шириной в двадцать восемь километров, рвы, системы траншей, земляные валы и усиленные палисады. Они окапались и укрепились, готовые отразить любую вылазку или контрудар со стороны Колоссов. Бронетанковые подразделения полтора дня вели дуэль, завершившуюся безрезультатно. Воздушные атаки были отбиты с большими потерями универсальными системами класса «земля-воздух» ворот.

Теперь враги передвигали часть их собственных стен вперед, за раз на несколько метров.

Под прикрытием этого наступления открыли огонь артиллерия и подразделения вкопанных танков, ведя постоянный обстрел через голову тяжелой пехоты по внешним укреплениям и основанию стены. Взрывы поднимались живописными букетами: яркими фейерверками зажигательных снарядов, шипящими вспышками фосфорных, огненными сполохами наптековых. Фугасные разрывы швыряли землю и кирпичи в небеса. Бронбойные раскалывали камень и засеивали воздух ливнем осколков. Траншея 18 опустошена. 41-я уничтожена ураганом кассетных боеприпасов. Четыре полевые позиции были уничтожены в тот же миг, как на них упали по высокой траектории гаубичные снаряды, раскромсав орудия и испарив расчеты. Люди бросились тушить пожары, потянувшиеся к складам боеприпасов в тылу.

Большинство снарядов падали с намеренным недолетом, попадая в искромсанную нейтральную местность. Они должны вызвать детонацию заложенных лоялистами мин, хотя таковых осталось немного. С ревом боевого горна под нижними краями раскачивающихся пластин вытянулись вращающиеся цепи, которые принялись хлестать истерзанную землю, чтобы активировать противопехотные микроряды.

Маршал Альдана Агата из Антиохийских воинов вечерни сбежала по ступенькам в траншею 40 и поспешила по металлическим настилам в пункт управления огнем. Она почувствовала тепловую вспышку, уколы песка в воздухе. Это будет шестнадцатый штурм и первая серьезная наземная атака. Маршал увернулась от команд санитаров-носильщиков, накричала на альбийских пехотинцев-симулянтов, проигнорировала четкую отдачу чести весперских гусар. На пункте управления огнем она посмотрела на состояние ауспика. Она продолжала думать о своем муже и двух детях, оставшихся в улье Хатай-Антакья, в четверти мира отсюда, о мозаике пахотных владений за Оронтом, о яркой зелени оросительных ярусов, о прохладе водобойного озера под виллами на отроге Искендеруна. Почему это? Почему сейчас? Она не могла выбросить эти мысли из головы, а места для них не было. Образы словно тяжелый груз замедляли ее.

Альдана махнула рукой, и адъютант дал ей линию связи.

А теперь соберись. Возможно, Хатай-Антакья больше нет. Сейчас надо заняться делом.

- Сорок, сорок, - сказала она. - Это вызывает сорок, сорок. - Маршал сняла хромированный шлем и провела грязными пальцами по кучерявым темно-русые волосам. Грязь, пот и шлем прилизали натуральные завитки и вызвали зуд. - Дистанция два километра, - сообщила она. - Запрашиваю

воздушное прикрытие и настенные орудия.

Непростая просьба. Части воздушного прикрытия к северу от их позиций понесли огромные потери после падения порта. Настенным орудиям в главных верхних бастионах Колоссов было приказано экономить боеприпасы для отражения возможных штурмов с использованием техники. Приказы-инструкции непосредственно с Бхаба. Но Бхаб не рассчитывал на атаку передвижного щита. И это была Гвардия Смерти. Агата чувствовала их запах.

На позиции 12 милитант-генерал Барр из Киммерийцев услышал по связи ее голос, прерываемый накладывающимся трафиком из сотен постов.

- Забудь об этом, Агата, - сказал он, нажав кнопку передачи на вокс-микрофоне. - Готовь пехоту для отражения, прием.

- Они готовы, - ответила она искаженным треском. - *Бронетехника разворачивается, прием?*

- Двигатели прогреты, шесть минут, - ответил он, - но лазерные попадания обрушили ramпы рассредоточения на Двадцатом. Мы стелим настил. Задержка десять минут.

Он услышал ее ругательства.

- Авиационного прикрытия не будет, - сказал Ралдорон, наблюдая за ним. - Передайте ей.

Барр взглянул на стоявшего рядом огромного Кровавого Ангела. Первый капитан Ралдорон был без шлема и сгорбился в низком армейском блиндаже. Технически Барр обладал старшинством на этом участке фронта, но он подчинялся ветерану-легионеру.

- Я сказал ей, лорд, - ответил Барр.

- Скажите еще раз и убедитесь, что она знает.

Снаряды ложились рядом, сотрясая бункер. Из трещин в потолке сыпалась пыль. Обломки стучали по угловатой крыше, барабана словно ливень.

Кто-то закричал.

Барр взял оптический прибор. У него были сбиты настройки, линзы заляпаны грязью. Генерал протиснулся мимо Кровавого Ангела и взобрался на штурмовую лестницу. Над головой проносились яркие стаи лазерных лучей и трассирующих снарядов.

Наступающая стена разошлась в нескольких местах. Через бреши выскочили бронированные самоходные орудия: небольшие, легкие, быстрые. Они атаковали внешние укрепления. Солдаты называли их сухопутными канонерками. На них устанавливались тяжелые авто- и лазпушки. Колеса были большими и с шипами, и часто проезжали по минам, которые без вреда взрывались под бронированными осями и наклонными днищами канонерок. За ними последовали первые тяжелые пехотинцы, эшелонами по тысячи человек, вытекая через проемы в стене под прикрытием канонерок. Штурмовики. Траншейные бойцы. Безумные налетчики, не боящиеся смерти, которые бросаются на позиции и атакуют внешние укрепления первыми.

- Строиться, строиться! - закричал Барр. Люди начали карабкаться.

Ралдорон позвал генерала. Тот спрыгнул вниз.

- В чем дело, милорд? - спросил он.

Кровавый Ангел показал ему вокс-сигнал.

- Не открывать огонь, отсчет - две минуты, - прочитал Барр. - Что это?

- Ничего, если только он не подлинный, - сказал Ралдорон, оставаясь терпеливым. Осада сделала их всех братьями, и выживание требовало строгого соблюдения командной иерархии, установленной Дорном. Но, во имя Ваала, люди могли быть такими несообразительными...

- Вы же видите его, генерал. Оознавательный знак...

- Вижу. Остановить стрельбу!

Барр схватил вокс.

- Всем позициям, всем позициям! - закричал он. - Прекратить огонь по моей команде и не открывать! Семьдесят секунд!

Ему ответила череда запросов.

- Делайте как вам, черт возьми, говорят! - завопил Барр. Ралдорон невозмутимо надел шлем. Барр услышал щелчок горловых замков. Звук показался самым громким в мире. Единственным звуком.

Барр посмотрел на часы. Он услышал, как Альдана Агата кричит ему по воксу о подтверждении. Он проигнорировал запрос.

- Мы покойники, если это ошибка, - сказал он Первому капитану. Ралдорон обнажил меч - тактический гладий. На миг Барр подумал, что Кровавый Ангел собирается убить его за трусость и понял, что ему все равно.

- В конечном итоге мы все покойники, Конас, - сказал Ралдорон.

- Трон, вот это верно, лорд, - ответил Барр.

- Давайте отложим эту неотвратимость, положившись на то, что у Преторианца есть согласованный план.

- Ага, - сказал Барр и кивнул. У него во рту совершенно пересохло. - Давайте так и сделаем.

Он сжал вокс-трубку так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он посмотрел на тикающие часы.

Время.

- Все позициям, всем позициям! - завопил он. - Прекратить огонь!

Имперский обстрел стих. Барр слышал, как офицеры кричат на людей, которые все еще стреляли со стрелковых ступеней. Тишина не наступила. Гром вражеского обстрела не стихал. Но наступила жуткая неподвижность. Неподвижность смерти.

Барр опустил вокс и поднялся по лестнице. Огонь нападавших не замолкал. Дым накрывал северные позиции Колоссов. Он увидел вспышку. Блеск отразился от чего-то движущегося с юго-востока, чего-то исключительно быстрого.

- О, Трон, - произнес Барр. - О, Трон и звезды.

Кавалерийская атака, как метод боевых действий, сейчас редко практиковался, за исключением отдельных феодальных планет или ксеномиров. Это было возвращение к античной эпохе сражений, когда военное превосходство оценивалось в другом масштабе.

Но эта тактика не исчезла полностью. Она видоизменилась и скрыла свою истинную природу под налетом современных технологий.

Это была она, сама ее суть. Кавалерийская атака. Лава. Простые правила, заложенные очень давно, до того, как человек направился к звездам.

Первое: держать строй. Начинать равномерно и не опережать товарищей-всадников.

Белые Шрамы выскочили из дымовой завесы широким веером. Идеальный строй. Они прибыли с юго-восточного края внешних укреплений Колоссов, обойдя с севера по дуге, словно взмах топора. Триста тридцать гравциклов, охотящихся вместе. Рев машин напоминал вопль. Когда Белые Шрамы пронзили густые клубы медленно стелящегося дыма, тот закружился за их спутными струями, стремительно скручиваясь в полосы, вихри и даже кольца. Багровые знамена извивались и хлопали на красно-белых машинах типов «Вол», «Сабля», «Шамшир», «Шершень» и «Тайга».

Барр не мог отвести взгляда.

Второе: прищпоривай своего коня только, когда враг окажется на расстоянии удара.

Строй, который для Барра уже двигался с ошеломительной скоростью, каким-то образом еще ускорился. Мучительный вой многочисленных машин усилился. Вражеская линия - щитовая стена и растянутые штурмовые силы - сбилась с шага и замедлилась. Они увидели, что к ним приближается. Обнажили оружие. Подпрыгивающие канонерки начали разворачиваться или останавливаться, чтобы повернуть свои вертлюжные лафеты. Сохраняя изогнутый строй, Белые Шрамы набросились на них, решительно, непоколебимо, прижавшись к земле, стремительным размытым пятном, словно стая захвативших цель ракет. Тусклый свет отражался от клинков орду: пик, обнаженных тальваров, глеф. В центре строя мчался Каган, хорчинский хан ханов, верхом на своем чудовищном космоцикле. Подняв саблю.

Время замедлилось, как всегда происходило, когда вот-вот должно произойти нечто ужасное. Вражеские колонны открыли яростный огонь. Сабля Великого Хана опустилась.

Белый Шрамы открыли огонь.

Установленные на гравциклах болтеры, тяжелые болтеры, некоторые спаренные; пушки Гатлинга в «ноздрях» и «подбородках» их рычащих скакунов; плазменные и лазерные орудия; волкитные кулеврины. Опустошительный ураган разрушения. За машинами, словно знамя, потянулись серые и черные шлейфы орудийных выхлопов. От этого залпа замирали сердца, его продолжение вызывало оцепенение. Неистовый рев тяжелых болтеров напоминал Барру грохот копыт скакунов бога, пустившихся галопом.

Пристрелочного огня не было. Белые Шрамы уже прицелились. Первые сухопутные канонерки взорвались. Другие под огнем раскачивались и деформировались. Растянутую с востока на запад вражескую массу осветили огненные вспышки. Строй штурмовых войск начал ломаться. Одни падали. Другие бежали. Кто-то пытался отступить к брешам для вылазок в защитной линии. Целые подразделения выкашивались прямо там, где стояли, тела калечило и подбрасывало, разрывало в

фонтанах перепаханной земли и пронзающих их очередях. Немногие уцелевшие пытались стрелять в ответ.

Правило три: лучшее оружие в бою – смятение.

Белые Шрамы ворвались в ряды врагов, несмотря на орудийный огонь, накрывавший их и разрывающий их машины. Один гравицикл перевернулся, охваченный огнем. Всадник погиб. Ни один из братьев не оглянулся. Машины пересекли линию уже погибших, почерневших тел, устлавших землю, и их антигравитационная сила сминала, раскидывала и переворачивала убитых. Трупы дергались и плясали.

Удар. Первые всадники орду достигли вражеских позиций. Их орудия продолжали перемалывать врагов. Белые Шрамы прорвались через рассыпавшиеся ряды, сминая стоящих в полный рост солдат, проезжая по ним, подбрасывая их в небеса. Изломанные тела отлетали вверх и назад, кружась безвольными и расчлененными останками. Других разрывало о стремительные бронированные носы, фонтаны их распыленной крови омывали белый стелящийся дым. Пики пронзали, глефы косили. Мечи мелькали, цепляли, рубили. Барр увидел, как один Белый Шрам пронесся над опрокинутой канонеркой. Предатель на его борту целился из волкитного пистолета. Отведенный назад тальвар метнулся вперед и встретил его кулак раньше выстрела, разрезав ствол пистолета до рукоятки, большой палец и всю вытянутую руку до плеча, а затем острое клинка рассекло и голову тоже. Убийство с седла. Одним взмахом. Гравицикл пролетел в тот самый миг, как человек развернулся и упал, разрезанный пополам, батарея пистолета взорвалась как светозумовая граната.

Белые Шрамы добрались до линии щитов, оставив за собой бойню. На близкой дистанции огонь машин раскалывал и сминал толстые листы штурмовой брони, но они не могли прорваться через них. Вместо этого легионеры Пятого разделились, устремившись через проемы в стене или над самой линией щитов.

Они напали на огромное войско, укрывающееся за ней.

Четвертое правило: если прорвал вражескую линию, ты внутри их боевых порядков, и война превращается в рукопашную схватку.

С позиции 12 Барр больше не мог видеть Белых Шрамов. Стена щитов и дым заслонили последовавшее опустошение. Возможно, он обошелся без этого зрелища на благо. Становилось сложно доверять, как братьям, тем, кто на твоих глазах были способны на необузданную дикость.

Для Белых Шрамов, хищного V Легиона, обстановка по другую сторону стены была совершенно иной. Скорость, смятение и темп огня бросили их на линию щитов с опустошительным эффектом. Но прорыв стены лишил их скорости и строевой дисциплины, и расклады перевернулись. Белые Шрамы оказались среди плотной вражеской массы. Каждый всадник за секунду проскочил из яркого дыма открытого поля в громадные тыловые порядки стоящей пехоты. Дождь как будто усилился, пелена дыма не мешала видимости. Идущее на приступ войско было огромным: тысячи штурмовых пикинеров, намокших под дождем и выстроившихся для штурма; сотни тысяч предательской пехоты; ряды бронетехники с ревущими двигателями; чудовищные порядки Гвардии Смерти. Гвардия Смерти. Из всех Предательских Легионов орду Белых Шрамов ненавидела больше всего Гвардию Смерти. И чувство было взаимным. Война между XIV и V Легионами стала кровавой враждой, которая никогда не остынет. Ненависть была слишком скупым словом. Даже в это страшное для истории время Белые Шрамы были известны, как дикие охотники, беззаботные убийцы, воины, которые смеются в сердце боя, наслаждаясь огнем войны.

Теперь смеха не было.

Как и не было замешательства у Великого Хана и его воинов. Они проделывали такое и раньше. Конечно, они с самого начала своей кавалерийской атаки знали ее замысел. Если только вражеский огонь не сразит их в атакующей лаве, то главная цель их броска заключалась в следующем: добраться до врага, сойтись с его главными силами, атаковать, прорваться вглубь его порядков. Они знали что делать. Импульс атаки был утерян, но инициатива сохранялась у Белых Шрамов.

Они рассыпались на индивидуальные схватки, поддерживая как можно выше скорость, сохраняя, сколько могли коллективный темп. Они прорвались через ожидающие ряды или же атаковали их сверху. Сами гравициклы были оружием: их бронированные носы, их масса и подвижность, сокрушительная, направленная вниз сила гравитационных систем. Вражеское войско, намного многочисленнее, чем ожидал Великий Хан, было готово к бою, но не к такому. Они были построены глубокими сомкнутыми когортами. Их линии прицеливания перекрывались стеной щитов, они понятия не имели, что приближается к ним. Только рев орудий и визг двигателей давали определенную подсказку.

Всадники Белых Шрамов обрушились на них. Многие атаковали, задрав носы машин, позволяя подъемным системам сбить с ног передние ряды. Их орудия стреляли, пережевывая обильные, ожидающие ряды целей. Некоторые выстрелы пробивали две или три шеренги тел. Это была ненасытная жатва. У Белых Шрамов целей было в избытке, потому что они многократно уступали в численности и были окружены со всех сторон вооруженными, но все еще не развернутыми вражескими солдатами. Добычи хватало в каждом направлении.

Вражеская масса коллективно отпрянула от точек атак, войско колыхнулось как рябь в луже масла. Люди падали друг на друга, убираясь прочь от убийц, ворвавшихся на их позиции.

Но Белые Шрамы, в самом деле, уступали в численности. Предатели давили их массой со всех сторон, стреляя в упор, пренебрегая собственными союзниками, рубя и колотя теми клинками и булавами, что были у них под рукой. Всадники и машины начали вязнуть в толчее нападавших, сражаясь в седлах под проливным дождем, отсекая каждую руку, голову и древковое оружие, попадавшие им на пути. Заросли пик сбили двоих легионеров с их скакунов, пронзив тела в дюжине мест. Стрельба уничтожила двигатель несущегося гравицикла, его всадник спрыгнул, позволив пылающей кувыркающейся машине врезаться во вражеские колонны, убив два десятка своей массой, и следующую двадцатку взрывом. Но всадник Херта Кал остался один без скакуна, окруженный и атакованный.

Гвардия Смерти устремилась вперед, прорываясь через собственных пехотинцев навстречу Белым Шрамам. Их влекли трансчеловеческая реакция, чистый гнев из-за дерзости атаки и, прежде всего, ненависть. Желание сойтись и покарать своих архиврагов, которые оказались настолько глупыми, что ворвались в их ряды. Жуткий облик Гвардейцев Смерти бросался в глаза, сжимая печалью сердце каждого всадника. Они увидели, что их бывшие братья кошмарно изменились: массивные бронированные убийцы в серо-зеленых, исполосованных ржавчиной доспехах, которые лоснились от дождя и сочились зловонной жидкостью. Их броня вспучилась изнутри, словно от заразной опухоли, а черные и эбеново-железные визоры напоминали ревуших зверей и диких лесных хищников.

Легионер сошелся с легионером, ярко-белые точки в окружении волн крапчатой медной ржавчины. Тальвары и сабли рубили с седел, рассекая темную броню, словно гнилые кабачки и тыквы, расплескивая рыжие и желтые брызги чумного вещества. Замаранные копья, черные, как древесный уголь, вонзались в полированный белый керамит, выпуская алые струи в дождь, сбрасывая всадников, опрокидывая их численной массой. Некоторые Белые Шрамы получали восемь или десять смертельных ударов, прежде чем упасть в грязь.

Земля под ними превратилась в глубокую топь, жидкое черное болото, взбиваемое экранированными тягачами и наступающим войском. Она забрызгивала и липла к сапогам и ногам Гвардии Смерти и пачкала борта раскачивающихся гравициклов.

Дикий хаос. Самая насыщенная и напряженная рукопашная схватка. Ни правил, ни порядка. Неистовство. Оглушительный грохот ударов и попаданий, болтерных очередей, визжащих двигателей. Тальвар разрубает шлем в виде собачьей морды и череп внутри него. Покрытый коркой грязи боевой молот ломает нагрудник, кости и мышцы, испаряя сердце и органы. Белый Шрам выбивается с седла, пронзенный темной зазубренной пикой. Командир отделения Гвардии Смерти изуродован о нос поднявшегося гравицикла, сбит, искромсан репульсорным полем. Летящие осколки брони. Кружится вырванный визор. Оторванные конечности разлетаются в стороны, некоторые все еще сжимают оружие или части оружия. Кровь хлещет навстречу адскому дождю.

В центре всего этого Великий Хан. Почти неуязвимый в своей мощи, но привлекающий самое большое внимание разъяренных предателей. Он осмелился ворваться в их ряды, в самое сердце воинства. Он глубоко уязвил их, сорвав им штурм, но за это придется заплатить. Он самый желанный трофей, немислимое убийство, которое вдруг возжелали. Шанс, возможность, которую ни одно предательское сердце не осмелится вообразить.

Они набросились толпой.

Но чтобы получить свой приз, они должны убить его, а Джагатай-хан не в настроении встречать смерть. Грандиозная и яростная схватка в тыловых рядах изменников не стала гнетущим несчастьем, закончившим славную кавалерийскую атаку. Она просто дальняя точка броска, подлинная цена, затребованная у врага, когда началась атака.

Правило пять: если прорвался через вражеские ряды, развернись и атакуй их снова с тыла.

Хан взмахнул дао, разрубив броню, словно масло. С его губ сорвались боевые кличи Чогориса, заглушенные невозможным шквалом битвы.

Но их услышали.

Гравициклы открыли огонь. Обороты двигателей выросли в ответ на вой других машин. Скакуны развернулись, прорываясь через тела, раскачиваясь из стороны в сторону, сбивая врагов рассчитанными и сильными ударами бортов и кормовых частей.

Белые Шрамы развернулись. Сначала последовали за Ханом по одному, затем все вместе, прорываясь, ускоряясь, возвращаясь к стене. Они поднимались, чтобы развернуться, но затем снова снижались, тараня носами, поливая из бортовых орудий и вырезая каждого, кто пережил их первую атаку или тех, кто был настолько глуп, чтобы попытаться преследовать их.

При отходе погибло почти столько же предателей, сколько при начальной атаке.

Белые Шрамы устремились к стене щитов. Приблизившись, всадники хараша разделились в обе стороны и помчались вдоль стены, швыряя седельные заряды в незащищенные тыльные части огромных тягачей.

Каждый из зарядов была снабжен всего лишь простым запалом. Мины начали детонировать через считанные секунды после пролета всадника хараша. Тягачи взрывались, разлетаясь на куски в обжигающих клубах пламени, корпусные детали выворачивало наружу, стойки разрывались, каркасы падали, двигатели взрывались, из каждого пекла кувырком вылетали разорванные оси.

Секции щитов рухнули. Они оставались, согласно своей конструкции, большей частью целыми. Но, вырванные из несущих каркасов, падали вперед прямо в грязь. Стены больше не было.

Восемь тягачей уничтожено. Наступающая стена разбита, напоминая широкую улыбку с отсутствующими зубами. Из брешей валил черный дым. Белые Шрамы прорвались через густую завесу, полностью воспользовавшись свободным проездом через уничтоженные секции. Некоторые хараши останавливались, прерывая выход из боя, чтобы поднять убитых или раненых братьев на своих скакунов. Йетто из харашей нашел еще живого Херту Кала, залитого кровью и стоявшего в одиночестве среди груды убитых врагов. Он затащил брата на борт скакуна и вывез из пекла.

Барр увидел, как из клубов дыма выскакивают первые всадники. Он начал кричать, улюлюкая от радости и шока, но крик замер в его горле. Их было всего несколько. Славная атака захлебнулась в огромной массе врагов. Крайне мало вернулось из нее.

Но вот появилось больше Белых Шрамов. Затем еще. Не все, но в поразительном количестве. Десятки. Сотни. Преследуемые прощальными выстрелами истерзанной вражеской армии, они сохранили мало изначальной дисциплины, но это больше не имело значения. Некоторые всадники были ранены. Другие мчались медленнее, везя с собой раненных товарищей, прицепившихся сбоку или даже держащихся на корпусах спереди седоков.

- Я точно сплю, - пробормотал Барр. Он посмотрел на Ралдорона. - Как мог выжить хоть кто-то из них? Не просто кто-то, а такое множество?

- Вы проснулись, Конас? - спросил Ралдорон. Он снял шлем и пристально посмотрел на разбитую вражескую линию и возвращающихся всадников. Его лицо ничего не выражало.

- Да, лорд, - ответил Барр. - Уверен, что да.

- Тогда знайте, вы видели Белых Шрамов в бою, - сказал Ралдорон. - Редко кому удастся. Признаюсь, я наслаждался каждый раз, когда мне выпадала удача увидеть это.

- Это не... - начал Барр. - Это не игра! Не демонстрация!

- Нет, - согласился Ралдорон. - Ни в коем случае. И точно не здесь, в это время тьмы. То, что вы сейчас увидели, Конас, это удача, благоволящая нам в этот день. Но вы все равно должны наслаждаться увиденным. Великое мастерство должно цениться, вне зависимости от ситуации.

Первые всадники приближались к внешним укреплениям.

Вся кавалерийская атака длилась шесть минут.

- Я не пойду дальше, - сказал Гор Аксиманд.

Абаддон взглянул на него.

- Почему? Боишься, что он откажет? - спросил первый капитан.

- Нет.

- Тогда получается, ты передумал?

- Нет, нет, - заверил Аксиманд. - Он не любит меня, а я - его. Лучше ты предложи ему.

Абаддон сердито посмотрел на него.

- Он в эти дни сосредоточен, - сказал он. - Никаких старых счетов, на них нет времени. Ты видел это сам. Мы сплочены, Аксиманд. Единство мысли и цели. Старая вражда в прошлом.

- Даже если и так, я останусь здесь, - сказал Маленький Гор. - Не буду рисковать, могу разбередить старые раны. Поговори с ним. Думаю, тобой он все еще восхищается.

Абаддон кивнул.

- Скажи, что все еще веришь в смысл этой задумки? - попросил он.

- Верю. Морниваль прикроет тебя. Я присмотрю за этим.

Абаддон отвернулся.

- Тогда стой здесь и жди меня.

Они находились в огромных подземельях космопорта Львиные Врата, почти полностью лишенных освещения. Гигантское сооружение скрипело и стонало под давлением массы материалов, проходящих по нему каждую минуту каждого часа. Каждый грузоподъемник и грузовая платформа работали с полной нагрузкой. Это была их артерия, через которую жизненная сила войны закачивалась с орбиты на поверхность.

Через которую первые волны Нерожденных вливались в нематериальную реку.

Аксиманд смотрел, как его брат идет в полумрак, лязгая сапогами по палубному настилу. Он не хотел оставаться, но сделает это. Ему было не по себе. Это не было покалывание кожи из-за малэфирного пара, наводнившего этого место, и не близость к Повелителю Железа. Последние несколько ночей после взятия порта у него снова начались видения - как во сне, так и на яву - которых у него было много месяцев.

Дыхание кого-то поблизости. Но невидимого. Кто-то шел за ним. Видения, которые начались примерно со взятия Двелла, докучали ему, пока он не столкнулся с ними и не увидел, наконец, лицо кого-то: Локена... Локена, Локена. Он оставил их в прошлом, освободился от них.

Теперь они вернулись. Тихий звук дыхания сразу за спиной. Чем теперь была его воображаемая угроза?

Он стоял один, Абаддона уже не было видно.

- Убирайся, - прошептал он, - или сразись со мной. Так или иначе, я зарублю тебя.

Дыхание не изменило тихого ритма. Аксиманд хотел уйти, но знал, что дыхание будет с ним, куда бы он ни пошел.

- Скажи мне, где, - прошептал он.

Никто не ответил.

Безмолвные и огромные боевые автоматы преградили ему путь.

- Я поговорю с ним, - сказал Абаддон.

Они не пошевелились.

- Вы знаете меня, - сказал Абаддон. - Я поговорю с ним.

Инфразвуковым шепотом поступила команда. Они расступились.

Абаддон вошел в зал - командный пункт стыковочного управления на высоте двадцати километров портового шпиля. С трех сторон огромные наблюдательные окна, помутневшие от сажи. Через них проникал свет тусклых суборбитальных сумерек, освещая брошенный центр управления, где когда-то тысяча портовых служащих ежедневно руководили работой порта. Холодный синий сумрак показывал разрушенные посты, обломки упавших мониторов и перевернутых столов. Каким-то чудом на углу одного пульта все еще стояла керамическая кофейная кружка, наполовину полная, где ее поставили недели или месяцы назад. Поставили между глотками, ожидая, что снова возьмут.

- Содержание моего последнего брифинга не изменилось, - сказал Пертурабо. - Я бы проинформировал тебя. Зачем ты пришел?

- Поговорить с вами, - ответил Абаддон.

Повелитель Железа вечером уединился, отправившись в тишину этого мертвого места. Абаддону показалось это странным. Когда прекращалась работа Пертурабо? Его бдительность, его постоянное управление боевой сферой.

- Я думал, что найду вас внизу, - сказал Абаддон, - на вашем посту.

Пертурабо появился слева от первого капитана. Он был без брони. Чудовищный комплект доспеха Логос ждал рядом, систематично расставленный боевыми автоматами на готовой стойке, как образец титанического жука, приколотого для обозрения энтомологом. Раздетый до пояса Пертурабо не утратил своей внушительности. Кожа была почти белой, покрытая круглыми пятнами разъемов, тенями старых шрамов и увитая огромными мышцами. Он сидел на грузовом ящике, положив локти на обесточенный стол стратегиума, на котором была расстелена и придавлена болтерными гильзами большая бумажная карта Дворца. Горело несколько небольших ламп и свечей.

- Я отстранился, - сказал Пертурабо.

- От чего?

- От данных, первый капитан, не от сражения. Этому приему я научился. Ты мешаешь мне.

- Приношу извинения, - сказал Абаддон. Но не ушел. Он спустился с верхнего яруса неработающих пультов на главную платформу и подошел к столу. Его сапоги хрустели по осколкам бронестекла и фрагментам раздробленного металла.

- От кого? - спросил он.

- Что?

- Этот прием. В чем он заключается?

Пертурабо повернул гигантскую голову и посмотрел на Абаддона. Чистое презрение. Почему-то без брони он выглядел более устрашающим, более способным вскочить подобно сейсмическому катаклизму и уничтожить первого капитана.

- Я научился ему у моего брата Рогала Дорна, - сказал он. - Надеюсь, это достаточно забавляет тебя, Абаддон.

- Мне хотелось бы узнать, - сказал Абаддон.

- Данные, - сказал Пертурабо, словно это сам по себе был ответ. - Огромное количество, в любой битве, любой войне. В этой... ты можешь представить масштаб.

- Могу.

- Их необходимо просматривать, проверять, управлять, изменять, - сказал Пертурабо. - Постоянно. Когда я был моложе, я подчинил себя этой задаче. Безмерно. Я не покидал стратегиум или ноосферные передачи ни на миг до самого конца боя. Я никогда не отводил взгляда от игры.

- Я видел вас за этой работой, - сказал Абаддон. - И немногие смогут сравниться с вами.

- Один может, - сказал Пертурабо. - Войсковые учения, девять раз, он побил меня. Это было в давние времена. Я не мог понять как. Ты знаешь, что я сделал?

- Нет, лорд.

- Я спросил его, - сказал Пертурабо. Он издал звук, скрежет. Абаддон догадался, что это был печальный, может меланхолический смех. - Я спросил его, Абаддон. Тогда мы были братьями. Подобное общение было возможно.

- И? - спросил Абаддон.

- Он рассказал мне... и пойми, он сделал это добровольно. Он был рад поделиться со мной методом. Он сказал мне, что данные могут ослеплять. Их груз. Бремя деталей. Особенно, если занимаешься ими без перерыва или отдыха.

Пертурабо посмотрел на карту, развернутую перед ним.

- Он сказал мне, что научился отстраняться, - сказал он. - Отстраняться даже в самый разгар сражения, если ты можешь поверить в это? Очистить свой разум и концентрацию, отбросить постороннее и поверхностное. Поразмышлять. Уменьшить неизмеримую сложность арифметики до простых принципов. Восстановившись, он возвращается. Ты знаешь, что он делает потом?

- Нет, лорд.

- Он выигрывает, Абаддон. Бастард выигрывает.

- У него талант, - признал Первый капитан.

- Так и есть, - ответил Повелитель Железа. - Я первым признаю это. Только глупец пренебрегает советом блестящего человека. Только идиот отвергает удачный прием врага. Я принял этот навык. Напряженная модерация, которая была моим подходом, но затем короткие промежутки уединения. Полное отсоединение. Ни авгурных данных, ни ноосферных. Он был прав. Объективная тактическая ясность поразительна.

Абаддон подошел к столу и посмотрел на старую карту.

- Это ясность? - спросил он.

- Да. Шестнадцать тысяч четыреста восемьдесят шесть отдельных боев за последний час. Или десять тысяч девятьсот девяносто, если использовать его шкалу. Его определение битвы отличается от моего. Я рассчитываю двадцать тысяч солдат на элемент, он - тридцать тысяч. Это просто разница в доктринальной традиции.

Абаддон пристально рассмотрел карту. Толстые болтерные гильзы с красным кончиком и медным пояском были больше, чем просто грузом для карты. Четыре штуки стояли вертикально на карте, отмечая порт Львиные Врата, порт Стена Вечности, Горгонов рубеж и Колоссовы врата.

- Уменьшены до простых основ, - сказал Абаддон.

- Да, - подтвердил Пертурабо. - Бумажная карта с предметами для отметок. Старый метод.

- Но, я имею в виду... - Абаддон показал. - До главных схваток, более шестнадцати тысяч уменьшены до четырех. Пертурабо держал одну гильзу в руках, играя с ней.

- Да, эти четыре. Они - ключ к этой фазе. Я раздумываю поставить эту на Мармакс. - Он указал гильзой на район карты между Горгоном и Колоссами во Внешнем барбакане. - Но пока нам не взять Мармакс. Мы не можем. Он слишком крепок и огражден с севера Колоссами. Как только мои братья разберутся с вратами, мы прорвемся через оба, один за другим. Мы сравниваем их на нашем пути к стене Санктума.

Он взглянул на Абаддона.

- Видишь? Обнажаешь все до голой сути, и даже величайшая битва в истории уменьшается до простых серий шагов. Зачем ты пришел, Абаддон? Надеюсь, не для того, чтобы передать личное указание от твоего генетического отца. А? Прошептать мне на ухо «делай лучше и работай быстрее»? Я не хочу слышать этого. Скажи ему: я выполняю то, что он просил меня выполнить.

- Луперкаль не знает об этом визите, - признался Абаддон.

Пертурабо отклонился, заинтригованно сморщив лоб. Примарх изучил лицо первого капитана в поисках подсказки.

- Я заинтересован, - сказал он. - Ты добился моего внимания.

Абаддон не ответил. Он протянул руку и взял одну из гильз, использованную в качестве пресс-папье и осторожно поставил ее на карту, к югу от Последней Стены. Затем отступил, как будто сделал ход в регициде, и стал ждать ответа от своего оппонента.

- В тот день ты единственный заметил это, - сказал Пертурабо. - Даже понял. Тебе это нравится, ведь так?

- Как и вам, лорд.

- Да. Но я сказал тебе. Мы сосредоточены на четырех ключевых участках. Более того, они соответствуют указаниям магистра войны. Они выполняют поставленную задачу!

- Насколько быстро? - спросил Абаддон. - Месяц? Два? Больше? Как быстро, прежде чем придут деблокирующие силы и мы начнем войну на два фронта?

- Раньше. Раньше, чем два месяца, - раздражено ответил Пертурабо. - Этот план работает. Другой - заманчив. Я придержу его в резерве.

- Он больше чем заманчив, - сказал Абаддон. Он огляделся, заметив еще один сломанный грузовой ящик, подтянул его и сел без приглашения. - Это изъян. Уязвимость.

- Он бы заметил это.

- А если нет? Разве это не именно тот вид ошибки, который вы ждете? Крошечное упущение? Вы молились, чтобы он совершил такую ошибку.

- Следи за языком, Сын Гора.

Абаддон поднял руку.

- Но если это так? Этот изъян - основа для точечного штурма. Проведенный должным образом он покончит с этим делом за неделю.

Пертурабо молча уставился на него.

- Вы видели это, милорд, - сказал Абаддон. - Вы. Штурм сделает этот триумф вашим. Триумф Терры. Не просто выполненный вами по распоряжению моего повелителя, но под вашим командованием. Это бессмертная слава. Место над всеми вашими братьями по правую руку нового порядка...

- Я знаю, что это значит. Не пытайся льстить мне. Скажи мне вот что: почему ты пришел с этим планом ко мне?

- Потому что я увидел это. Потому что я хочу этого. Это военная победа.

Пертурабо начал ухмыляться. Она, наконец, смог разглядеть скрытое пламя в глазах Абаддона.

- Ого, теперь я вижу это, - сказал он. - Ты всегда был воином, признаю, отличным воином. Ты тоже хочешь кусочек этой славы. Ты хочешь доказать, кто ты такой. Солдат. Не дитя варпа. Астартес.

- Это то, кем я всегда был, - сказал Абаддон. - Я не стану лгать. Я хочу славы, и я хочу добыть ее мастерством своего клинка и превосходством моих солдат. Как я делал в прежние времена, как делал всегда, как Астартес. Именно так должно состояться приведение к согласию Терры. Вот, что меня привело сюда. И вас тоже.

- Возможно.

- Никаких возможно, - возразил Абаддон. - Скажите, разве это не будет приятно. Для вас, больше всех. Свести счеты. Брат против брата. Вы и он, не знающий колебаний воин против воина.

- Я выиграю, Абаддон. Соперничество, в конечном итоге, будет решено в мою пользу

- Я знаю, что вы выиграете. В конечном итоге. Полностью. Вы одержите победу над Дорном. Но дело не в результате. А в методах. Верно? Победить его на его условиях. Астартес против Астартес. Военные правила. Подлинное искусство войны, в соответствии с играми, которые вы проводили против него так много раз и слишком часто проигрывали.

- Я сказал: следи за языком...

- Не думаю, что буду, потому что вы знаете, что это факт. Разбейте его этим способом, и никто не сможет оспорить ваше превосходство. Никто не сможет сказать «В конце Повелитель Железа победил, не потому что он был лучше, но потому на его стороне был варп».

- Ах ты мелкий ублюдок.

Пертурабо поднялся так яростно, что грузовой ящик свалился на бок. Абаддон оказался в метре над палубой, его ноги болтались, а горло оказалось в хватке правой руки Молота Олимпии.

- Ни один незаконнорожденный не манипулирует мной вот так, - прошипел Пертурабо.

Абаддон стиснул зубы.

- Я искренне приношу извинения, - прохрипел он, медленно задыхаясь, - и забираю назад каждое неправдивое слово, сказанное мной.

Пертурабо усилил хватку. Он дрожал от гнева. С резким треском один из замков горжета Абаддона начал гнуться. Повелитель Железа плюнул в лицо Абаддону, затем отшвырнул его, как сломанную куклу. Абаддон упал на брошенную контрольную станцию, разбил ее, отскочил и растянулся на палубе.

Он немного приподнялся, с тела посыпались небольшие фрагменты пластика и стекла. Капитан дернул сломанный замок, который разодрал ему шею, и посмотрел на примарха.

Пертурабо отвернулся. Он стоял, тяжело дыша, глядя через наблюдательное окно на загрязненную темноту снаружи, глядя так, будто видел что-то яркое, но далекое, что только он мог увидеть. Его чудовищно широкая спина, исполосованная старым рубцом, свежими нейронными разъемами и узорами подкожной нейронной схемы, вздымалась.

- Ты бы хотел, чтобы это сделал твой сброд, ведь так? - спросил Пертурабо низким голосом.

Абаддон поднялся. Он вытер со щеки слюну.

- Луперкалю доставит удовольствие, если его собственные верные сыны станут инструментами этой операции.

- Не сомневаюсь, - пробормотал Пертурабо. - Причина, но не достаточно хорошая.

- Это точечный удар, Повелитель Железа. Это наша проверенная специализация. Вы - несравненный мастер военного анализа, так скажите, отринув недовольство, кого вы отправите? Хорошо подумайте. С объективной тактической ясностью. Кого вы отправите?

Пертурабо медленно повернул голову и посмотрел на Абаддона.

- Ты знаешь ответ, - сказал примарх.

- Знаю. И хотел бы услышать его от вас.

- Сынов Гора. Шестнадцатый. Нет, Лунных Волков. Вот кого бы я отправил, будь они у меня. Черт возьми, капитан, да ты подстрекатель меня. Как будто пришел сюда, чтобы заставить меня убить тебя.

- Нет, - возразил Абаддон. - Я пришел сюда, чтобы побудить вас отнестись ко мне серьезно.

Пертурабо подошел к столу. Гильзы упали. Он подобрал их и расставил обратно по местам, затем поднял ту, которую установил Абаддон.

- Лунных Волков больше нет, - сказал он, - а Сыны Гора задействованы. Здесь, здесь и здесь. Я не могу снять их силы. Они - часть плана.

- Мне не нужны все, - сказал Абаддон. - Первая рота, может быть еще одна, юстаэринцы. Морниваль.
- Свирепая истребительная группа, но едва ли воинство, - сказал Пертурабо. - Для этой задачи недостаточно.
- И здесь появляется еще одна возможность, - сказал Абаддон. - Шанс разобраться с другими проблемами, с которыми вы боретесь.
- Какими?
- Мы объединены, - сказал Абаддон. - Неделимы. Величайшая армия в истории. Различия и споры отброшены или игнорируются. Но насколько долго? Вы знаете, что это невидимая опасность. Она сама не разрешится. Вы используете каждый имеющийся в вашем распоряжении боевой ресурс с максимальной эффективностью, но вы также обязаны - вопреки, решусь сказать, вашему темпераменту - действовать довольно дипломатично. Поддерживать согласие различных фракций и удовлетворенность ваших братьев. Пройдет не так много времени, прежде чем они начнут действовать по-своему. Лорд, чтобы сохранить курс на триумф, вам нужно держать их всех на передовой.
- Фениксиец.
- Да, Фениксиец, - сказал Абаддон. - Он будет первым. Правда Ангрон уже сорвался с вашего поводка, но, по крайней мере, его ярость служит вашим планам. Фулгрим - ваша ближайшая проблема. Он своенравный, его нельзя обуздать, а его сосредоточенность прискорбно коротка. Его равнодушие растет. Я точно знаю это. Займите его чем-то, чтобы он почувствовал свою значимость, и вы сможете его контролировать.
- Его ублюдочные дети задействованы...
- Кого волнует, куда вы их поместите, или какое дадите им задание? Еще несколько дней и их здесь не будет в любом случае. Они будут сами решать, что делать. Но эта яркая задача привлечет их внимание и позволит вам направить их на настоящую цель. И это польстит ему. Ему нравится лесть.
- Я не могу подойти к нему, - признался Пертурабо. - Я едва могу видеть его.
- Я могу, - сказал Абаддон. - Через неофициальный канал на ротном уровне. Я могу привлечь их к этой операции, уверен в этом.
- И удержать их на передовой?
- Достаточно долго, чтобы выполнить задачу. И как только мы начнем... - Абаддон пожал плечами. - Тогда это не будет иметь значения. Третий даст нам силы, необходимые для крупномасштабного штурма. Пушечное мясо, что бы нас ни встретило.
- Пертурабо слегка кивнул, раздумывая. Эта перспектива, несомненно, имела смысл и, что важнее, занимала его.
- Они дадут необходимую массу, я дам скальпель, и вы - блестящий автор плана, - сказал Абаддон. - И эта работа закончится в течение недели. Он подошел к столу, взял гильзу из руки Пертурабо и вернул ее на карту. Капсюль едва закрыл середину слова «*Сатурнианские Врата*».
- Если это какая-то уловка, если ты измен... - начал тихо Пертурабо.

- Это не уловка и я не изменю, - заверил Абаддон. - Это имеет значение для нас обоих. Это достижение, которого мы оба жаждем. Забудьте стратегический гений Дорна, милорд, забудьте перспективу деблокады лоялистов. Время - наш величайший враг, разрушающий терпение ваших братьев. Мы должны найти друзей, где только можем и извлечь из этих уз пользу.

Затем Пертурабо, Повелитель Железа, сделал самое жуткое, что когда-либо делал на глазах Абаддона.

Он улыбнулся.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Под_знаком_Сатурна/_Saturnine_\(роман\)&oldid=14531](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Под_знаком_Сатурна/_Saturnine_(роман)&oldid=14531)

Эта страница в последний раз была отредактирована 3 августа 2020 в 04:19.